3 1761 07034463 5

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/ch6vospominan02vige

I
101

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

2736

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К°.)
1865.

DK
188
.6
V6A3
1964o-
t.2
ch.6

LIBRARY
AUG 2 1963
UNIVERSITY OF TORONTO
1112472

A. E. May 29, 12

I.

Положеніе семейства моего въ 1820 году походило на то, въ коемъ находилось оно въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда всѣ старшіе члены его волею или неволею покинули службу.

Зять мой, генералъ Алексѣевъ, командуя корпусомъ на обратномъ пути въ Россію, почувствовалъ, что съ разслабленіемъ тѣлеснымъ онъ лишился и нравственной силы. Онъ забывалъ приказанія имъ отданныя, не помнилъ и часто не понималъ то о чемъ ему представляли; однимъ словомъ, для начальствованія онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ. Хорошо еще, что окружающіе его старались скрывать это за границей какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ иностранцевъ. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ. но раны, походы, биваки, и во время ихъ жизнь не всегда воздержная, изнурили его; особенно же послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной имъ во Франціи, онъ совершенно одряхлѣлъ. Покой сдѣлался для него жестокою необходимостію, ибо, исключая обязанностей службы. онъ ничѣмъ не умѣлъ заниматься. Всѣ любили его, начиная отъ царя, и оттого оставили ему все содержаніе, аренды, эполеты и даже надежду быть дѣятельно употребленнымъ, чего однако никогда не могло уже случиться. Онъ числился по кавалеріи въ безсрочномъ отпуску и жилъ по большей части въ Москвѣ, гдѣ жена его, на сбереженныя ею отъ огромнаго французскаго содержанія деньги купила ему хорошій деревянный домъ въ Старой Конюшенной.

Братъ мой, Павелъ Филипповичъ, никогда не гонялся за по-

честями. Фортуна, долго къ нему неблагосклонная, съ 1812 года начала ему улыбаться, но онъ уже не довѣрялъ ей. Ему наскучило таскаться по бѣлу свѣту, и онъ о томъ только и думалъ, гдѣ бы поселиться въ мирномъ убѣжищѣ. Онъ подалъ въ отставку, и получивъ ее въ мартѣ 1820 года съ мундиромъ, поселился въ Симбухинѣ.

Что касается до меня, я какъ будто воротился къ прежнему состоянію; числясь на службѣ, жилъ почти безъ дѣла. Была однакоже великая разница: тогда отъ казны не имѣлъ я ни гроша и изъ дому весьма мало, а тутъ, не считая квартиры и отопленія, я получалъ жалованье и прибавку къ нему изъ остаточныхъ суммъ, всего тысячи четыре ассигнаціями; да по случаю урожайныхъ годовъ и мать моя была ко мнѣ отмѣнно щедра. Первый разъ въ жизни я узналъ сладость синекюры, и она служила мнѣ утѣшеніемъ въ моей неудачѣ. Бетанкуръ не перемѣнялъ со мною обращенія, продолжалъ быть обходителенъ, шутливъ; съ женой и семействомъ его я болѣе сблизился, нерѣдко проводилъ у нихъ вечера и былъ даже въ числѣ немногихъ избранныхъ, приглашенныхъ на свадьбу дочери его Каролины съ господиномъ Эспехо, и видѣлъ какъ въ этотъ самый день послѣ ужина молодые сѣли въ возокъ и отправились прямо въ Нижній-Новгородъ. „Ну, что же, подумалъ, это положеніе пока еще сносно; посмотримъ, что будетъ впередъ.“

А между тѣмъ, пока наше поколѣніе какъ бы склонялось къ западу, восходило новое поколѣніе. Признаюсь, не безъ грусти смотрѣлъ я на то. Впрочемъ, старшій племянникъ мой, Александръ Алексѣевъ, былъ только тринадцатью годами моложе меня. Счастливый этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артиллеріи онъ перешелъ въ кавалерію, въ конноегерскій короля виртембергскаго полкъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ поручики. Ни къ какому офицеру начальство не было такъ снисходительно; подъ разными предлогами лѣтомъ разъѣзжалъ онъ по ярмаркамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была его раемъ. Его стройный станъ, его ловкость, его смѣлое обхожденіе съ дамами и дѣвицами и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность его взглядовъ и выраженій плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ, самая модная почитала торжествомъ протанцовать съ нимъ; тогда (чего те-

перь совсѣмъ нѣтъ) въ этой страшной Москвѣ, какъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали; это могло относиться и къ моему Алексѣеву. Меньшой братъ его, Николай, оставался пока въ Царскомъ Селѣ, въ гренадерскомъ полку австрійскаго императора, и, какъ я уже сказалъ, былъ дикъ, угрюмъ, и оттого казался разсудителенъ, чего однакоже вовсе не было.

Возвратясь отъ родныхъ изъ отпуска, въ февралѣ этого же 1820 года, онъ привезъ съ собою отправленнаго ко мнѣ третьяго племянника моего, сына покойнаго брата Николая, Филиппа Николаевича. Мальчику не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, а его хотѣли уже отдать на службу. Его дотолѣ воспитывали и баловали родные его Тулиновы. Онъ младенцемъ былъ отданъ имъ въ видѣ уступки, а, по настоящему, попеченія ихъ о немъ могли почитаться великимъ одолженіемъ для фамиліи, коей сирота этотъ въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться представителемъ и единственнымъ продолжителемъ: кому бы изъ насъ было взять его на руки свои. По стариннымъ понятіямъ матери моей, для него наступило уже время служенія, ей хотѣлось хотя бы передъ смертію видѣть его гвардіи офицеромъ, и потому-то, къ великому прискорбію дѣда и бабушки, онъ былъ оторванъ отъ лона ихъ.

Я осмѣлился воспротивиться волѣ матери моей, представилъ ей какъ опасно мальчику въ эти годы пользоваться свободой, и что если я въ тѣ же лѣта выпущенный на волю не погибъ, то должно за то благодарить Бога; потомъ, не дожидаясь разрѣшенія ея, я отдалъ его доучиваться въ одинъ французскій пансіонъ. Содержатель его, Курнанъ, былъ преемникомъ барона Шабо, который наслѣдовалъ знаменитому аббату Николю, и все въ томъ же домѣ, на Фонтанкѣ, близъ Обухова Моста. По моему мнѣнію, ученіе тамъ было плохое, попрежнему аристократическое: послѣ французской литературы, только уже новѣйшей, главными предметами были танцы и фехтованіе. Смотря по элементарнымъ познаніямъ воспитанника и по краткости срока намъ даннаго, гдѣ уже было намъ думать объ учености. Мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ, немного похожій на маленькаго медвѣжонка, поболѣе развязался, пріобрѣлъ болѣе навыку и усовершенствовался во всеобщемъ разговорномъ французскомъ языкѣ, и,

наконецъ, чтобы находясь съ молодыми людьми первыхъ фамилій, составилъ бы полезныя связи, и увлеченный въ лучшее общество, избѣгнулъ бы дурнаго.

Наружность онъ имѣлъ не весьма красивую: былъ невеликъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, не по лѣтамъ дюжъ и толстъ и отъ излишняго употребленія сластей у него попортились и пожелтѣли зубы, которые очернилъ послѣ курительный табакъ. Ума у него было довольно, сердце онъ имѣлъ мягкое, нравъ веселый, но вслѣдствіе безпрестанныхъ угожденій цѣлаго семейства сдѣлался чрезвычайно своеволенъ. Я надѣялся, что пансіонъ Курнана сколько-нибудь пріучитъ его къ порядку и повиновенію. И вотъ семейная картина, которую я счелъ необходимостію представить читателю.

Въ концѣ мая Бетанкуръ со всѣмъ семействомъ своимъ и со дворомъ, разумѣется кромѣ меня, опять отправился въ Нижній-Новгородъ. Мы разстались какъ нельзя лучше. Предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ, безъ всякаго отъ кого-либо на то дозволенія, онъ поручилъ человѣку, который не былъ въ немъ даже членомъ, директору инженернаго института, генералу Сенноверу, что̀ мнѣ было весьма пріятно. Я выучился у Бетанкура поступать иногда самовольно, а съ Сенноверомъ, весьма умнымъ, но чрезъ мѣру шутливымъ Французомъ, я давно уже пересталъ церемониться. Я просто объявилъ ему, что лѣтомъ намѣренъ отдохнуть (отъ чего?—отъ покоя), и для того на Крестовскомъ Островѣ противъ Елагина, въ деревенькѣ, нанялъ чистенькую избу. „И потому,—продолжалъ я,—въ засѣданіяхъ комитета вы рѣдко будете меня видѣть; всѣ нужныя бумаги я передалъ помощнику моему Нодену.“ Онъ ничего не нашелъ возразить противъ этого, какъ будто бы я дѣло сдѣлалъ.

Къ счастію, въ іюнѣ и въ іюлѣ погода стояла прекрасная, изрѣдка перепадали дожди. Петербургскіе острова не были еще тогда связаны между собою мостами какъ нынѣ, слѣдственно не было тѣхъ удобствъ для сообщенія, какія мы имѣемъ. Одинъ Каменный Островъ посредствомъ мостовъ соединялся съ Аптекарскимъ, Крестовскимъ и со Строгоновскою дачей. Елагинъ Островъ былъ мѣсто топкое, заглохшее, находившееся въ частномъ владѣніи, и только въ этомъ году онъ сдѣлался собственностію казны. Не было на островахъ

обширныхъ увеселительныхъ мѣстъ, съ ихъ повседневными великолѣпными праздниками, столь привлекательными, раззорительными и нѣсколько развратительными для недостаточныхъ людей и ихъ семействъ. Только лишь Крестовскій, съ своими двумя трактирами и деревянными горами, богатымъ и бѣднымъ жителямъ, городскимъ и островскимъ, однимъ именемъ своимъ напоминалъ веселіе. Кто на дешевомъ извощикѣ подъѣзжалъ, кто пѣшкомъ приходилъ къ перевозу на Колтовскую и оттуда за пять копѣекъ мѣдью переносился чрезъ неширокій тутъ невскій рукавъ. Небогатыя семейства, составляя небольшія общества, на сдѣланную складчину, нанимали ялики, приплывали къ берегамъ острова или, какъ маленькія флотиліи, окружали западный его уголъ. Богатые, разумѣется, пріѣзжали въ каретахъ и въ коляскахъ. Все лучшее можно было встрѣтить на большомъ гуляньѣ, на открытомъ мѣстѣ близъ перевоза и стараго трактира. Средній классъ шелъ густыми толпами по длинной широкой аллеи, ведущей къ новому трактиру и деревенькѣ: дорога была прескверная, песчаная, нерѣдко можно было спотыкаться о высунувшіеся корни деревьевъ; нужды нѣтъ, въ пріятномъ расположеніи духа никто и не хотѣлъ этого замѣтить. Вездѣ было ладно, а въ иныхъ мѣстахъ даже тѣсно. За входъ въ трактиры, гдѣ можно было посмотрѣть на пляску Нѣмочекъ, никакой платы взимаемо не было: надобно было только спросить что-нибудь попить или поѣсть. Несмотря на то хозяева, обыкновенно Нѣмцы, получали хорошіе барыши и мало-по-малу наживали изрядное состояніе. Вѣкъ преувеличеній еще не наступилъ и трактирщики, какъ теперь, не думали зашибать милліоновъ. Гулякъ было множество, но до буйства какъ-то никогда не доходило, и пристойности было, ну право, гораздо болѣе чѣмъ нынѣ въ иныхъ воксалахъ, посѣщаемыхъ знатными дамами. Такъ было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но и въ будни, при хорошей погодѣ, Крестовскій бывалъ чрезвычайно оживленъ и многолюденъ.

Имѣя передъ глазами картину, оживотворяемую безпрестанно тупымъ весельемъ, послѣ прошлогодняго жестокаго кризиса, съ возвратившимися и все болѣе возвращающимися жизненными силами, съ укрѣпленнымъ здоровьемъ, при постоянномъ блескѣ солнца, среди воздуха упитаннаго бальзамическими испареніями елей, мнѣ было хорошо, и время быстро

летѣло для меня. Я много ходилъ, часто купался и пріятнымъ образомъ отдыхалъ съ книгой въ рукахъ: болѣе ничего не дѣлалъ. Это веселое житье вдругъ было прервано самымъ непріятнымъ образомъ.

Я получилъ отъ Курнана записку, въ коей извѣщалъ онъ меня, что племянникъ мой за что-то прогнѣвавшійся, наканунѣ вечеромъ бѣжалъ изъ пансіона даже безъ шляпы, ночью не возвращался, и что нѣтъ о немъ никакого свѣдѣнія. Безпокойство мое часа черезъ два немного прекратилось, когда съ городской квартиры моей пришли мнѣ сказать, что дезертеръ въ ней ночевалъ и остался. Я поспѣшилъ туда: нельзя же было мальчика по шестнадцатому году подвергнуть тѣлесному наказанію, за то на жесткія слова я не поскупился. Онъ показался мнѣ раскаявшимся, и я отправился къ Курнану, дабы испросить прощеніе виновному и склонить къ новому его воспріятію; но въ этомъ дѣлѣ не успѣлъ. Полугодовой срокъ къ новой уплатѣ приближался, но онъ никакъ не хотѣлъ ее принять. Въ этой вознѣ провелъ я цѣлый день 3 августа и долженъ былъ ночевать въ городѣ.

На другой день, 4-го по утру, къ несказанной моей радости, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ для окончанія какихъ-то прежнихъ дѣлъ и разчетовъ и вывелъ меня изъ величайшаго затрудненія. Ему, яко старшему въ семействѣ, передалъ я дарованную мнѣ власть надъ племянникомъ и всѣ попеченія о немъ. Квартира моя была просторна для меня одного, но для насъ троихъ довольно тѣсновата, кольми паче маленькая дачка моя, куда я не могъ пригласить брата, а рѣшился дней пять-шесть провести съ нимъ въ городѣ. Лишь только, оставя его у себя, я думалъ было опять перебраться на Крестовскій, какъ накопившаяся влажность, цѣлое лѣто чѣмъ-то удерживаемая, проливными дождями низринулась съ верху. Черезъ нѣсколько дней бѣда миновалась, небо просіяло, и я опять началъ сбираться, но воздухъ отсырѣлъ, охолодѣлъ, и по справкѣ оказалось, что утлое жилище мое окружено грязью и прудообразными лужами. Богатые и знатные скромные пріюты наши на островахъ называютъ гренульерами (лягушечницами), и дѣйствительно осенью они неудобообитаемы. Итакъ, лѣтній сезонъ, какъ говорится, кончился для меня въ началѣ августа. Когда не осталось мнѣ надежды подышать еще загороднымъ воздухомъ, тогда и

братъ мой началъ пріискивать себѣ особую квартиру и съ племянникомъ переѣхалъ отъ меня въ концѣ этого мѣсяца.

Въ концѣ сентября только г-жа Бетанкуръ возвратилась одна съ дочерьми; супругъ же ея еще въ августѣ водой изъ Нижняго по Волгѣ отправился въ Казань, Астрахань и оттуда черезъ Кавказъ и Крымъ долженъ былъ поздно воротиться. Я поспѣшилъ съ моимъ высокопочитаніемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и былъ немедленно принятъ. Она была очень непривѣтлива; дочери ея казались смущенными и какъ бы затруднялись говорить со мной. Я еще поспѣшнѣе оставилъ ее чѣмъ пришелъ, и вышелъ, могъ сказать какъ Буффлеръ:

Très satisfait d'ajouter
A l'honneur de l'avoir vue,
Le plaisir de la quitter.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ и самъ начальникъ мой. Пріемъ его былъ немного получше сдѣланнаго мнѣ его супругой: онъ былъ со мною холоденъ и разсѣянъ. Даже шестнадцатилѣтній сынишка его вздумалъ мнѣ снѣсиво кланяться. „Что бы это все значило? спросилъ я у себя. „Вѣрно кто-нибудь, пользуясь продолжительнымъ твоимъ отсутствіемъ, отработалъ тебя“, былъ отвѣтъ: „Да кто же?“ „Да кому же если не одному и тому же человѣку.“ Мнѣ нужно было напередъ обдумать свое положеніе, чтобы приступить къ чему-нибудь рѣшительному.

Въ этомъ году составилось общество на паяхъ, и учредилось у насъ первое заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ, г. Дюпре де-Сенъ-Моръ, экъ-депутатъ, экъ-супрефектъ, который въ Петербургѣ за деньги читалъ чужіе хорошіе и продавалъ собственные свои печатные плохіе стихи, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ. Съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ, но и меня заохотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру, что престарѣлая мать моя, собрав-

шись съ послѣдними силами, еще въ августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательно было бы для свиданія съ ней отлучиться на 28 дней: онъ нашелъ, что никакое желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Я сидѣлъ въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной, но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на-двое. Лежать было невозможно: четыре человѣка раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значила лежанье, то наши мужики, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали *нележанцами*. Спутниковъ было у меня всего только двое: старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, а я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Я видѣлся съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Со мною не было слуги; услужливый проворный кондукторъ изъ почтальйоновъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцовъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя какой современемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады, и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ Нѣмецъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: „weiter kann ich nicht“, съ женою остался на станціи. А я, чуть разсвѣтало лишь въ Николинъ, день, 6 числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извощикъ: я сѣлъ къ нему въ сани съ помощію кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей.

Не предувѣдомленные мои родные тѣмъ болѣе были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Хотя у сестры мнѣ было просторнѣе, но я переѣхалъ къ матери моей, въ небольшой деревянный нанятый ею домъ у дѣвицъ Безсоновыхъ, на Никитской, и

помѣстился въ антресолѣ, почти на чердакѣ. Эти Безсоновы, Катерина и Анна Ѳедоровны, были довольно пожилыя, весьма почтенныя и набожныя дѣвы, которыя тутъ подлѣ жили богато въ собственномъ каменномъ домѣ. Общество ихъ все составлено было изъ подобныхъ имъ особъ женскаго пола, и его нельзя было назвать веселымъ. Не изъ одного угожденія матери моей, но также изъ благодарности за нѣжную внимательность ихъ къ ней и всевозможныя одолженія, посѣщалъ я ихъ. У матери моей все было тихо, она рѣдко куда выѣзжала и только въ Божіи храмы и кромѣ дѣтей своихъ мало кого у себя видѣла.

За то у зятя моего Алексѣева бывало очень шумно, всегда много народа и всякаго народа. Въ праздной жизни, на которую онъ былъ осужденъ, безъ людей всегда ему казалось скучно.

Вообще московская жизнь въ эту зиму напоминала прежнюю ея, старинную, беззаботную, шумную веселость. Какъ въ началѣ двѣнадцатаго года, она мало заботилась о томъ что происходитъ въ Европѣ, и на этотъ разъ я нахожу, что поступала благоразумно. Лѣтомъ, говорили, можно еще было видѣть кой-гдѣ слѣды разрушенія, но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ; она какъ будто набѣлилась; снѣгъ покрывалъ и изглаживалъ морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ. За годъ передъ тѣмъ скончался военный губернаторъ графъ Тормасовъ; на его мѣсто назначенъ былъ баричъ, вельможа, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, преблагорозумнѣйшій и предобрѣйшій человѣкъ, который успѣлъ поселить къ себѣ уваженіе и любовь. Знатность новаго градоначальника умножала еще радость и веселіе чванныхъ Москвичей.

Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ сдѣлалъ мало. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна К—ва съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ; у нея не было друга Фишмуша, а все тотъ же шпицъ и тотъ же мужъ. * Ее пріѣхала навѣстить дочь ея изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ. По ея предложенію, я сопровождалъ ее и меньшую сестру ея, Любовь, съ мужемъ, на единственный балъ, который я тутъ видѣлъ. Его давалъ Алексѣй Михайловичъ П., съ которымъ въ 1814 году я мимоѣздомъ позна-

* Стихи Пушкина въ *Евгеніи Онѣгинѣ*.

комился. Между многими хорошенькими лицами поразила меня тутъ необыкновенная красота двухъ княженъ Урусовыхъ, изъ коихъ одна вышла послѣ за графа Пушкина, а другая за князя Радзивила. Тутъ также могъ я полюбоваться танцовальными и волокитными подвигами племянника моего Алексѣева.

Послѣ того г. П. пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Съ его умомъ, ему нельзя было не замѣтить, что духъ вѣка совсѣмъ перемѣнился, однакожь онъ продолжалъ кощунствовать и богохульничать, — я думаю, — болѣе по старой привычкѣ. Супруга его, Елена Григорьевна, какъ замѣтилъ одинъ веселый человѣкъ, любила гнать спиртъ, или, какъ говорятъ Французы, дѣлать умъ и чувствительность; первое было ей изъ чего, а послѣдняго въ ней вовсе не было. Къ тому же она чрезвычайно либеральничала. Чета эта находилась въ постоянномъ возмущеніи противъ власти небесной и земной, и какъ мнѣ казалось, болѣе для тона. Все это мнѣ весьма не полюбилось, и я уже къ нимъ болѣе не возвращался.

У Прасковьи Юрьевны я познакомился также съ графиней де-Брогліо, урожденною Левашевой, бывшею въ первомъ замужствѣ за братомъ ея, княземъ Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ графини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна цѣлой Москвѣ..... Это знакомство повело меня къ другому, пріятнѣйшему и любопытнѣйшему.

У нея въ домѣ распоряжался, хозяйничалъ одинъ иностранецъ, впрочемъ, у нея не жившій, о которомъ московское общество и понынѣ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ. Я не назвалъ г. Кристина Французомъ, хотя любезнѣе его, пріятнѣе въ обхожденіи, занимательнѣе въ разговорахъ, я не зналъ ни одного Француза прежняго времени. Это потому я сдѣлалъ, что онъ родомъ былъ Швейцарецъ, изъ города Иверднна, на прежней французской границѣ. Исторія его заслуживаетъ быть разказанною, хотя вкратцѣ.

Ребячество свое онъ провелъ во Франціи и въ молодыхъ еще лѣтахъ попалъ въ секретари къ извѣстному министру Калонну; онъ видѣлъ начало революціи и вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ бѣжалъ отъ нея. Послѣ того въ Кобленцѣ, по его рекомендаціи, употребленъ былъ принцами, братьями короля: онъ особенно полюбился графу д'Артуа (Карлу X): персодѣтый, съ тайными порученіями, онъ неоднократно

ѣздилъ въ Парижъ, и тайкомъ, съ опасеніемъ для жизни, проникалъ во внутренность Тюилерійскаго дворца, представлялъ письма, подавалъ утѣшенія плѣнному королю. Этикета уже тутъ не могло быть; онъ запросто разговаривалъ съ нимъ, съ королевой, съ принцессой Елизаветой, и ласкалъ малютку, несчастнаго дофина. Когда злодѣянія свершились, когда пали головы царскихъ невинныхъ жертвъ, графъ д'Артуа взялъ его съ собою въ Петербургъ. Извѣстно, какой блестящій пріемъ сдѣлала ему Екатерина: онъ уѣхалъ, а Кристинъ остался въ Россіи. Графъ Марковъ, не управляя иностранною коллегіей, былъ однакоже главною ея пружиной. Онъ жилъ тогда съ французскою трагическою актрисой Гюсъ, и черезъ нее познакомился, можно сказать сдружился, съ Кристиномъ.

Вдругъ сей послѣдній взбѣсился, уѣхалъ въ Швецію и тамъ сталъ явно поносить Россію и Русскихъ. Тогдашній регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, послѣ Карлъ XIII, до конца жизни ненавидѣлъ насъ, и оттого человѣка почти безъ имени началъ принимать, ласкать и даже звать на придворные балы. На одномъ изъ нихъ, какъ вѣтреный Французъ, онъ какъ будто разбѣжавшись наткнулся на стоящаго у камина, несовершеннолѣтняго, молоденькаго короля Густава IV; низко кланяясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь, понизивъ голосъ, промолвилъ ему: „Ваше величество, васъ обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ, позвольте съ вами объясниться.“ Едва внятнымъ голосомъ тотъ отвѣчалъ ему: „У меня математическій учитель вашъ землякъ, шевалье такой-то, напишите мнѣ черезъ него.“ Въ запискѣ своей Кристинъ изобразилъ всѣ прелести великой княгини Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время черезъ мѣсяцъ ожидали невѣсту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдругъ заупрямился, объявилъ что сему браку не бывать, и какъ ни старались убѣдить его, онъ поставилъ на своемъ. Никто не могъ понять причины такой внезапной перемѣны, но король ли проговорился, шевалье ли проболтался, или сами догодались, но гроза висѣла надъ главою тайнаго агента. Кто-то по секрету пришелъ ему сказать, что на другой же день хотятъ взять его и отправить въ рудники Далекарлійскія. Будучи хорошо знакомъ со всѣми дипломатами, онъ побѣжалъ къ англійскому посланнику и объяснилъ ему весь ужасъ своего положенія. У того были блан-

ки, и онъ за нимъ числомъ причислилъ его къ своей миссіи: когда пришли брать его, онъ показалъ предписаніе отправиться курьеромъ въ Берлинъ. Оттуда только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ воротился въ Россію и пріѣхалъ въ самое то время, когда въ Петербургѣ находился король Шведскій съ дядей, и шло уже сватовство. Разумѣется, въ это время нигдѣ нельзя было ему показаться. * Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, но императрица щедро наградила его, велѣла опредѣлить въ иностранную коллегію прямо надворнымъ совѣтникомъ и пожаловала ему четыреста душъ крестьянъ близъ Летичева, въ Подольской губерніи.

При Павлѣ пришла невзгода на графа Маркова; онъ былъ отставленъ и сосланъ въ Летичевъ, ему принадлежащій. Кристинъ, котораго имѣньице было подлѣ, всегда вѣрный дружбѣ и несчастію, также вышелъ въ отставку и четыре года добровольно раздѣлялъ изгнаніе своего мецената.

При Александрѣ Марковъ былъ вызванъ и отправленъ въ Парижъ; съ нимъ поѣхалъ и Кристинъ, уже вычеркнутый изъ списка эмигрантовъ. Дѣятельность возвратилась къ нему; онъ еще не угомонился. Войдя въ знакомство съ семействомъ Бонапарте, съ сестрами его, приблизившись къ Іозефинѣ и Гортензіи, неизмѣнный роялистъ, онъ тайно переписывался съ графомъ д'Артуа, который находился въ Англіи. О томъ провѣдали, исхитили его изъ русскаго посольства, послали въ Ліонъ и посадили въ крѣпость. Это была одна изъ причинъ дерзостей, сдѣланныхъ Марковымъ первому консулу. Вѣрный слуга доставилъ узнику средство бѣжать изъ крѣпости, и онъ скрылся въ Коппе, у госпожи Сталь. Не знаю, какъ оттуда онъ пробрался въ Москву, гдѣ и простился навсегда съ романическою жизнію.

Онъ жилъ у Маркова на дружеской ногѣ и занималъ часть

---

* Съ нимъ случился тогда презабавный анекдотъ. Екатерина приняла его у себя въ кабинетѣ, осыпала ласками и велѣла ему быть при представленіи въ Эрмитажномъ театрѣ, только въ закрытой ложѣ. Онъ въ ней соскучился, пошелъ бродить за кулисы и забрался на самый верхъ. Уставъ, онъ присѣлъ на какое-то сѣдалище, которое вдругъ стало опускаться; онъ закричалъ, его успѣли приподнять, и видны были однѣ только его ноги. Это было облако, на которомъ долженъ былъ спускаться Меркурій. Что бы если бъ онъ показался двору и пріѣзжимъ гостямъ? Екатерина очень смѣялась, когда ей разказали объ этомъ апропо.

дома его; продалъ свое имѣніе, и пользуясь частію процентовъ съ вырученнаго капитала, помаленьку умножалъ его. Большіе вельможи нерѣдко посѣщали его. Надобно было видѣть обхожденіе ихъ съ нимъ: какъ оно было непринужденно и какъ вѣжливо.

Мы скоро сошлись съ нимъ; съ такими людьми какъ онъ я былъ нескромно вопросителенъ, а онъ снисходительно отвѣтливъ; вотъ отчего я узналъ главныя обстоятельства его жизни. Онъ признался мнѣ, что записываетъ все случившееся съ нимъ, и первый подалъ мысль о составленіи сихъ записокъ.—намѣреніе, коего исполненіе послѣдовало гораздо позже. Умирая, онъ отказалъ все имущество графинѣ де-Брогліо. Какія рукописныя сокровища достались, какіе перлы разсыпались передъ этою женщиной!... Переписка со множествомъ историческихъ лицъ (чего стóили одни читанные мнѣ письма Сталь). самый романъ его жизни, все это какъ ненужное рукою невѣжества предано огню.

Съ самой кончины Павла, мнѣ не случалось такъ близко разглядѣть Москву, то-есть общество ея и разныя состоянія: тогда, выходя изъ малолѣтства, я смотрѣлъ на все неопытнымъ, отнюдь не наблюдательнымъ окомъ; послѣ того нерѣдко проѣзжалъ я черезъ нее, по большой части лѣтомъ, и останавливался дня на два на три, иногда на пять или на шесть, и она оставалась для меня terra ignota. Тутъ сколько-нибудь могъ я изучить этотъ чудный городокъ, ни на какой другой въ мірѣ непохожій; все было въ немъ для меня занимательною новостью; сколько странностей нашелъ я, сколько добра и зла! Здѣсь не мѣсто дѣлать тому описаніе; достаточно будетъ сказать, что я отъ души полюбилъ Москву, какъ женщину старую, добрую, умную, веселую, хотя съ большими капризами, и что желаніе спокойно кончить въ ней вѣкъ сдѣлалось постоянною моею мечтой.

Бóльшую часть времени посвящалъ я той, для которой я пріѣхалъ, другую же — тщательнымъ наблюденіямъ: такимъ образомъ три недѣли быстро прошли для меня. Я хотѣлъ быть исправенъ, и чтобы тѣмъ же способомъ воротиться къ сроку въ Петербургъ, я взялъ мѣсто въ дилижансѣ на 29-е декабря.

Назадъ я ѣхалъ не такъ уже шибко: напало снѣгу, были оттепели, и дорога немного попортилась. Кондукторъ, къ удовольствію моему, былъ опять тотъ же; спутниковъ опять

имѣлъ только двоихъ, молодыхъ парней — купеческихъ прикащиковъ, которые всю дорогу были очень веселы и немного навеселѣ. Выѣхавъ въ самый полдень, черезъ двое сутокъ съ половиною мы еще не были въ Петербургѣ. Чтобы распрямить немного члены свои, я вошелъ къ станціонному смотрителю въ Тоснѣ; почти въ самую ту минуту на деревянныхъ стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать; онъ всталъ, вытащилъ бутылку рейнскаго, выпилъ за мое здоровье и пожелалъ мнѣ счастливаго года, на что я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Когда въ пять часовъ утра мы пріѣхали въ Петербургъ, на улицахъ не было ни шуму, ни движенія: всѣ видно улеглись. Всѣ фонари погасли, и была совершенная темнота. Я могъ бы часа три дожидаться свѣта въ чистой комнатѣ конторы дилижансовъ, которая находилась на почтовой улицѣ. Нетерпѣніе превозмогло; мнѣ скорѣе хотѣлось быть дома, а ни одного извощика нельзя было встрѣтить. Поручивъ чемоданъ свой знакомому кондуктору, я кое-какъ потащился пѣшкомъ. Разстояніе было не близкое до Семеновскаго Моста; въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ нелегко мнѣ было; а зги было не видать, снѣгъ такъ и валилъ и покрывалъ невычищенные тротуары. На этомъ тяжкомъ странствованіи, однѣ только собаки привѣтствовали меня своимъ лаемъ. Лишь только добрелъ, скорѣе повалился спать. Вотъ какъ для меня начался 1821 годъ.

II.

Какъ въ истекшемъ 1820 году, такъ и въ наступившемъ 1821 и въ послѣдующемъ 1822 положеніе мое не мѣнялось. Оно было не пріятно, но покойно. Въ семействѣ моемъ также никакихъ важныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Итакъ, мнѣ придется вкратцѣ говорить о томъ лишь что у насъ въ это время происходило въ Россіи, едва касаясь Европы. Тѣмъ лучше, можетъ-быть, скажетъ читатель.

Съ тѣхъ поръ какъ по службѣ я обязанъ былъ заниматься строительною частію въ Петербургѣ, въ запискахъ сихъ я почти ничего не упоминалъ о ней. Имѣя въ виду скоро разстаться съ нею, я не худо сдѣлаю, если читателю дамъ отчетъ въ ея успѣхахъ.

Одинъ огромный памятникъ обращалъ въ это время на себя особое вниманіе государя, — вѣчно строющійся Исакіевскій соборъ. Въ концѣ 1817 года онъ утвердилъ новый чер-

тежъ и планъ сего зданія, и для перестройки его учредилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина. Генералъ Бетанкуръ назначенъ членомъ сей коммиссіи по искусственной части, то-есть настоящимъ строителемъ; именемъ же строителя почтенъ Монферранъ, архитекторъ невзначай.

Найдено, и весьма справедливо, что величина угловатаго, неправильнаго пространнаго поля, которое подъ именемъ площади окружало прежній соборъ, повредитъ колоссальности возводимаго новаго храма, и для того сдѣланъ новый планъ площади; кусокъ въ видѣ треугольника отрѣзанъ отъ нея для постройки на немъ частнаго строенія, которое могло бы служить частію красивой рамы для великолѣпной картины.

Я не видѣлъ начала исполненія сего предпріятія: къ нему приступлено послѣ отъѣзда моего за границу, весною 1818 года. Когда я возвратился, то нашелъ подлѣ собора въ одно лѣто выросшій огромный домъ, который по формѣ своей походилъ на фортепіано и принадлежалъ родному племяннику министра юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому. Сей послѣдній разбогатѣлъ отъ женитьбы на графинѣ Безбородко, племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ князя Безбородки. Что же касается до самого собора, то кирпичный куполъ, построенный при Павлѣ, былъ уже снятъ съ него, и небольшая часть его къ почтовой улицѣ сломана. Другихъ перемѣнъ я не нашелъ, и въ послѣдующіе годы тоже видѣлъ мало.

А между тѣмъ полтора милліона рублей ассигнаціями ежегодно отпускаемо было для строенія. На что употреблялись они? На постройку существующаго и понынѣ деревяннаго забора и спрятаннаго за нимъ деревяннаго городка для помѣщенія рабочаго народа и смотрителей за работами; сооруженіе гранитнаго фундамента подъ новое къ почтовой улицѣ вытягивающееся строеніе; болѣе же всего на заготовленіе драгоцѣнныхъ матеріяловъ. Ими изобиловали въ Финляндіи Рускіальскія каменоломни, и одинъ простой русскій промышленникъ, Яковлевъ, въ кафтанѣ и бородѣ, нашелъ удобное и легкое средство добывать огромнѣйшія ихъ массы безъ помощи инженеровъ и механиковъ и доставлять ихъ водою въ Петербургъ. Тутъ узналъ я все недоброжелательство и несправедливость иностранцевъ къ русскимъ; немногіе говорили объ этомъ человѣкѣ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, только двое или трое дивились его изобрѣта-

тельности. За то Русскіе осыпали его похвалами, когда лѣтомъ 1822 года на Исакіевскую площадь съ Невы вывалилъ онъ чудовищный монолитъ, первый изъ тѣхъ, кои поддерживаютъ нынѣ фронтоны собора. Нерукотворная гора подъ стѣнами мѣднаго всадника, воспѣтая Рубаномъ, вблизи его казалась карлицей подлѣ великана. Нуженъ былъ и въ Бетанкурѣ геній механики, чтобы поднять такую тяжесть и какъ простую палку воткнуть передъ зданіемъ. Выдуманныя имъ машины служили великою помощію Монферрану, а послѣ смерти его сдѣлались его наслѣдствомъ. Все споспѣшествовало этому человѣку: искусство и Бетанкура, и Яковлева, и, наконецъ, каменныхъ дѣлъ мастера Квадри, который строить умѣлъ прочно, лучше всякаго архитектора. Ему оставалось только рисовать, да пока учиться строительной части.

За заборомъ нельзя было видѣть какъ фундаментъ новаго строенія подымается изъ земли; только всѣ видѣли какъ каждый годъ что-нибудь отламывалось отъ стараго, такъ что, наконецъ, осталась одна самая малая часть его, и можно сказать, украшала все еще новый Петербургъ, ибо была въ немъ единственною великолѣпною руиной.

Между тѣмъ, въ надеждѣ угодить государю, Монферранъ, съ одобренія Бетанкура, затѣялъ сдѣлать деревянную модель новой церкви. Болѣе года отдѣлывалась она въ надворномъ строеніи того дома, гдѣ мы жили съ Монферраномъ, и стоила болѣе восьмидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Когда она была окончена, ее перенесли и поставили въ большой комнатѣ, которую она всю наполнила собою. Эта комната была рядомъ съ моею квартирой, и я могъ досыта налюбоваться щеголеватою и великолѣпною игрушкой. Куполъ какъ жаръ былъ вызолоченъ; лакированное дерево можно было принять за гранитъ и мраморъ: до того оно уподоблялось имъ. Посредствомъ рукоятки модель раздвигалась на двое и давала входъ во внутренность храма: тамъ все было, и штучный полъ, и раззолоченый иконостасъ, и миніатюрныя иконы его украшающія, и все чудесно было отдѣлано. Въ комнатѣ, черезъ которую надобно было проходить, для противоположности нарочно поставлена была довольно грубой работы небольшая модель старой церкви, отъ времени попортившаяся, и которая дотолѣ хранилась въ академіи художествъ. Разница должна была броситься въ глаза, хотя одно было плодомъ воображенія пресловутаго Растрели, а въ

сочиненіи другаго, какъ въ иныхъ французскихъ водевиляхъ, участвовали три автора. Можетъ-быть нынѣ посмотрѣли бы снисходительнѣе и безпристрастнѣе, но тогда держались строго чисто-греческаго стиля, соединяющаго простоту съ величіемъ, и не хотѣли слышать о ренесансѣ, о моенажѣ, и слово рококо было вовсе неизвѣстно.

Государю угодно было модель сію удостоить своимъ воззрѣніемъ. По сосѣдству мнѣ захотѣлось быть свидѣтелемъ сего посѣщенія: не предупредивъ Бетанкура, а только условясь съ Монферраномъ, я явился тутъ въ какомъ качествѣ? право, самъ не знаю, ремесленника или помощника архитектора. Это было въ маѣ 1820 года. Насъ было всего трое, ожидавшихъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, и четвертый — прибывшій государь. Вотъ первый и единственный разъ, что вдали отъ толпы, на столь небольшомъ пространствѣ и такъ продолжительно могъ я видѣть и слышать его. Сперва я жался къ двери, но скоро любопытство побѣдило во мнѣ почтительный страхъ: къ счастію, онъ ничего не спросилъ обо мнѣ. Съ величайшимъ вниманіемъ онъ все разсматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія, и нѣсколько разъ низко нагибался, чтобы посудить объ эффектѣ, который произведетъ внутренность храма. Какъ онъ былъ еще хорошъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ и съ обнаженнымъ челомъ, и при умножающейся тучности какъ былъ еще строенъ! Удаляясь и взглянувъ на обѣ модели, на пеструю и потускнѣвшую, и на ту, которая блистала бѣлизной, онъ обратился къ Бетанкуру и сказалъ ему: „Вы знаете, насчетъ нашего предпріятія какъ много въ городѣ сплетенъ и пересудовъ; эти модели будутъ лучшимъ на нихъ отвѣтомъ.“ И дѣйствительно, всѣ художники роптали. Какъ можно для вѣковаго зданія не сдѣлать конкурса? говорили они. Архитекторы не любили Бетанкура за Монферрана, инженеры за Ранда, всѣ знатные завидовали его кредиту; другія состоянія видѣли въ немъ иностранца, презирающаго ихъ отчизну, и все возстало на добраго человѣка, только ослѣпленнаго успѣхами.

Изъ двухъ проектированныхъ замѣчательныхъ зданій, одно въ это время было построено, хотя еще не отдѣлано: это новый Михайловскій дворецъ, для котораго образцомъ, хотя не совсѣмъ удачно, архитекторъ взялъ Лувръ.

Къ исполненію другаго проекта при мнѣ еще не было приступлено; оно послѣдовало немедленно послѣ моего отъ-

ѣзда. На дворцовой площади съ правой стороны находился закругленный такъ-называемый Ланской домъ, а съ лѣвой— цѣлый рядъ частныхъ домовъ, образующій какой-то топорокъ, что̀ ей давало видъ совсѣмъ неблагообразный. Дабы сдѣлать ее болѣе регулярною, положено скупить всѣ дома, сломать ихъ и на ихъ мѣстѣ, въ видѣ неправильнаго полукружія, построить тѣ безконечныя зданія, въ коихъ помѣщаются нынѣ главный штабъ и два министерства — иностранныхъ дѣлъ и финансовъ.

Упомяну о перестройкѣ Большаго каменнаго театра, сгорѣвшаго 1-го января 1811 года, хотя она произведена много ранѣе. Французъ Модюи принялъ на себя этотъ трудъ такъ, отъ нечего дѣлать, говорилъ онъ, и дабы доказать Русскимъ, что и въ бездѣлицѣ можетъ выказаться геній. Этотъ первый опытъ его въ Петербургѣ былъ и послѣдній. Не совсѣмъ его вина, если наружность зданія такъ некрасива, если надъ театромъ возвышается другое строеніе не соотвѣтствующее его фасаду. Тогдашній директоръ, князь Тюфякинъ, для умноженія прибыли, требовалъ чтобъ его какъ можно болѣе возвысили. Когда перестройка была кончена, въ началѣ 1818 года, дворъ находился въ Москвѣ, а государь на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ осмотрѣлъ театръ, остался доволенъ, но при открытіи его быть не хотѣлъ. Онъ щедро наградилъ Модюи, и деньгами и чиномъ коллежскаго ассессора, а тому болѣе хотѣлось крестика.

Упоминая о театрѣ, мнѣ кстати приходится говорить здѣсь и о театральныхъ представленіяхъ. Въ русской труппѣ большихъ перемѣнъ произойдти не могло. Цѣлое новое поколѣніе молодыхъ актеровъ, — Сосницкій, Рамазановъ, Климовскій, — показалось въ пятнадцатомъ году; въ столь короткое время они не могли состариться, а напротивъ возмужали и усовершенствовались.

Опера шла тихимъ шагомъ съ своимъ прежнимъ Самойловымъ и съ меньшою Семеновой. Комедій новыхъ было мало, а новыхъ трагедій и вовсе не было. Но въ старыхъ, и особенно въ драмахъ, явился маленькій феноменъ, молодой Каратыгинъ. Какъ законный наслѣдникъ, онъ заступилъ мѣсто отошедшаго въ вѣчность Яковлева. Хотя въ голосѣ двухъ трагическихъ артистовъ было большое сходство, за то въ прочемъ совершенная разница. Рослый и величавый Каратыгинъ,

съ благородною осанкой и красивымъ станомъ, умѣлъ пользоваться сими дарами природы; скоро ученіемъ и терпѣніемъ пріобрѣлъ онъ и искусство. Онъ женился на дочери танцовщицы Колосовой, дѣвочкѣ благовоспитанной, которая съ нимъ явилась на сценѣ, и которой вредилъ только недостатокъ въ произношеніи. Онъ съ нею ѣздилъ въ Парижъ: тамъ примѣръ Тальмы и совѣты умной жены не только развили, даже породили талантъ, котораго отъ природы, какъ утверждаютъ, онъ не имѣлъ. Какъ бы то ни было, послѣ Дмитревскаго, котораго еле живаго видѣлъ я въ глубокой старости, выше актера въ этомъ родѣ мы не имѣли.

Но какимъ-то несогласіямъ съ Тюфякинымъ, Шаховской оставилъ служеніе въ театральной дирекціи, но сохранилъ на нее большое вліяніе, ибо актеровъ и актрисъ, воспитанниковъ и воспитанницъ онъ одинъ училъ декламировать и для нихъ почти одинъ писалъ піесы. Въ это время онъ сдѣлался неистощимѣе, плодовитѣе чѣмъ когда-либо, только въ легкомъ родѣ: по большей части онъ писалъ хорошенькіе водевили, которые мнѣ трудно было бы здѣсь припомнить и исчислить. Для этого рода онъ образовалъ еще двухъ миленькихъ актрисъ, съ французскимъ прозваніемъ, Монруа и Дюрову; обѣ были хороши собой, особливо послѣдняя. Въ водевиляхъ былъ также весьма забавенъ Шаховскимъ же образованный шутъ, Величкинъ.

Недочеты, передержки, надѣлали князю Тюфякину много непріятностей, которыя и понудили его оставить главную дирекцію. Для поправленія финансоваго состоянія театра, управленіе его, съ сохраненіемъ должности генералъ-губернатора, поручено графу Милорадовичу, у котораго, кромѣ неоплатныхъ долговъ, ничего уже не было. Онъ давно добивался этого мѣста и получилъ его какъ одну изъ наградъ за свои подвиги.... Онъ захотѣлъ имѣть свой паркъ о Серъ, и давно брошенный Екатерингофскій лѣсокъ избралъ мѣстомъ своихъ увеселительныхъ занятій. На украшеніе его онъ вытребовалъ у города болѣе милліона рублей; для молодыхъ актрисъ и воспитанницъ кругомъ велѣлъ нанять дачки, и въ выстроенной залѣ, подъ именемъ воксала, началъ давать балы. Не знаю, при такомъ начальникѣ усовершенствовалось ли драматическое искусство? Только послѣ его трехлѣтняго управленія открылся ужасный дефицитъ какъ въ городскихъ, такъ и въ театральныхъ суммахъ.

Долго не могли склонить государя вновь завести французскую труппу, тщетно представляя ему, что дипломатическій корпусъ, тысячи иностранцевъ и лучшее общество умираютъ безъ нея со скуки. Наконецъ, онъ согласился, не принимая ихъ въ придворное вѣдомство, дозволить прибывшимъ актерамъ явиться на Маломъ театрѣ, гдѣ обыкновенно играли Нѣмцы. Тамъ я увидѣлъ ихъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ концѣ 1818 года, и даже послѣ Парижа нашелъ что они недурны.

Играли все почти однѣ небольшія комическія оперы: къ нимъ пріучила Филисъ петербургскую публику. Первою пѣвицей была довольно молодая, полная и красивая мадамъ Данжевиль Вандербергъ, которая пѣніемъ напоминала, но не замѣняла Филисъ. Первымъ, или, лучше сказать, сперва единственнымъ теноромъ былъ толстый Брисъ; жена его худощавая, почти высохшая, но живая француженка игрой, фигурой и манерами нѣсколько напоминала Филисъ, но отнюдь не пѣніемъ. Сію чету называли у насъ картофелемъ со спаржей. Еще привезли они съ собой одного несноснаго Поляка Валдовскаго, выросшаго, а можетъ-быть и родившагося во Франціи, и оттого переименовавшаго себя въ Валдоски. Имъ на подмогу играли прежніе оставшіеся здѣсь актеры: Монготье, Андре и братья Мезіеры. Вскорѣ пріѣхалъ и другой теноръ, Жено, красавецъ собой и довольно изрядный пѣвецъ, котораго на сценѣ я видѣлъ въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году позволено имъ играть на Большомъ и Маломъ театрахъ, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ поступили они на казенное содержаніе. Для удовлетворенія желанія молодыхъ великихъ князей, которыхъ въ Парижѣ такъ потѣшалъ Потье, выписанъ Сенъ Феликсъ, вѣрная съ него копія, и нѣсколько другихъ забавниковъ и забавницъ, которые ввели къ намъ піесы съ театра де Варіете. Наконецъ стали показываться комедіи и, вмѣстѣ съ фарсами, мало-по-малу вытѣснять французскую оперу, которая пришлась уже не по вкусу новому поколѣнію.

За то опять стали мы знакомиться съ италіянскимъ пѣніемъ. Только о цѣлой оперѣ въ это время и думать было невозможно: стали только появляться залетныя птицы для концертовъ. Первая изъ нихъ, Сесси, куда нехороша была собою: по моему, и пѣла она непріятнымъ образомъ; сила и чистота были въ ея голосѣ, но ничего выразительнаго. Знатоки

велѣли дивиться ей, имъ повиновались, и зѣвая восхищались и платили деньги.

Почти то же, что̀ о Сесси, можно сказать о прибывшей черезъ годъ послѣ нея одной европейской знаменитости. У госпожи Каталани въ горлѣ были всѣ ноты, отъ тонкаго сопрано до густаго баса, и симъ натуральнымъ инструментомъ владѣла она превосходно: вотъ все что̀ могу сказать о ней. Англичане, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ врожденнаго вкуса къ музыкѣ, а изъ тщеславія сыпятъ гинеями на прославленныхъ артистовъ, дивились ея голосу, какъ игрѣ природы, и изъ Альбіона, войною тогда отрѣзаннаго отъ Европы, нѣсколько лѣтъ гремѣли ей хвалы. На такой высотѣ увидѣла она соперника въ Наполеонѣ и объявила ему войну. За Бурбонами она послѣдовала въ Парижъ, гдѣ дворъ и легитимисты старались прославить и поддержать ее. Лондонъ и Парижъ владѣютъ правомъ раздавать дипломы на артистическую славу: вооруженная ими, предшествуемая молвой и замѣтивъ, что число ея слушателей безмѣрно уменьшается, Каталани пустилась по бѣлому свѣту собирать дань съ другихъ народовъ.

Она потомъ посѣтила всѣ столицы, но имѣла осторожность не болѣе двухъ, много трехъ или четырехъ концертовъ нигдѣ не давать; сего было достаточно, чтобъ истощить восторги, произведенные ея пѣніемъ; дѣло шло для нея болѣе объ умноженіи капитала. Я уже сказалъ въ предыдущей части, что въ Аахенѣ, сквозь окно или два окна, черезъ улицу или переулокъ, я слышалъ ея громогласіе и совсѣмъ не былъ обвороженъ: въ Петербургѣ, послушавъ ея ближе, я надѣялся лучше о томъ посудить. Плата за входъ была не огромная, въ сравненіи съ нынѣшними чудовищными цѣнами, по 25 рублей ассигнаціями: два раза ходилъ я слушать ее, издержалъ пятьдесятъ рублей и, право, не имѣлъ и на пятьдесятъ копѣекъ удовольствія. Съ аристократическими затѣями установила она для себя особый церемоніялъ: публика съ нетерпѣніемъ давно уже наполняла филармоническую залу, лядащій оркестръ, ею привезенный съ собою, состоявшій изъ двухъ или трехъ музыкантовъ стоялъ уже на эстрадѣ, а о ней еще и помину не было. Кто-нибудь изъ знатныхъ дожидался ея у подъѣзда, вынималъ изъ кареты, подавалъ руку, подымался съ нею по лѣстницѣ, провожалъ сквозь толпу и возводилъ на возвышеніе, откуда она милостиво взирала на жаждущихъ

слышать ее. Концерты ея ограничивались одною ея особой, и это было ей нетрудно; какъ у цыганокъ, у нея было десять или двѣнадцать годами затверженныхъ арій, между коими вѣчная la placida campania.

Такія почести, признаюсь, возмущали меня, а это было только вступленіемъ въ нынѣшнее безумное время, когда жители на себѣ ввозятъ артистокъ въ колесницахъ. Когда Римъ властвовалъ надъ міромъ, когда было для него время великихъ мужей и великихъ дѣяній, одни побѣдители, тріумфаторы восходили въ Капитолій: подъ папскимъ владѣніемъ, чести которой не имѣли ни Виргилій, ни Горацій, удостоивались посредственные поэты, вѣнчанные, названные лауреатами. Италія униженная, нѣсколько вѣковъ порабощенная Нѣмцами, никакъ не можетъ забыть своей прежней славы и изъ сыновъ своихъ удѣляетъ ее кому попало. Замѣчено, что когда высокія чувства гаснутъ въ душѣ, когда мелѣютъ народные характеры, тогда люди боготворятъ одни только свои наслажденія. Неужели такъ и у насъ? Нѣтъ, все что творится у меня передъ глазами — дѣйствіе нашей подражательности. Намъ несвойственъ фуроръ южныхъ народовъ; одно истинное, великое должно возбуждать въ насъ восторги.

Показавшись разъ пять, чудо европейское отъ насъ скрылось и не оставило не только сожалѣнія, едва ли воспоминанія между людьми, которые считали обязанностью плѣняться ея голосомъ. Сію обязанность гораздо легче было выполнить, когда года черезъ полтора послѣ нея пріѣхала къ намъ Боргондіо. Вотъ это уже была пѣвица: еслибъ она и не очаровала насъ своимъ пѣніемъ, то поразила бы новостью его рода. Въ Италіи прекратился наконецъ жестокій обычай младенцевъ лишать пола, ибо сіи несчастные, какъ бы хорошо ни пѣли, въ слушателяхъ все производили нѣкоторое отвращеніе. Взамѣнъ ихъ начали искать контральто между женщинами, и Боргондіо была въ числѣ сихъ счастливыхъ обрѣтеній. Мы не слыхали ее въ концертахъ, а нѣсколько разъ въ одной лишь операѣ, въ которой на подмогу дана ей была нѣмецкая труппа. Въ ней явилась она Танкредомъ, а цѣлую четверть столѣтія блиставшая передъ Нѣмцами примадонна ихъ г-жа Брюкль Линденштейнъ — Аменаидой: старѣющему тенору Шварцу весьма кстати пришлась роль Аржира. Тутъ въ первый разъ я услышалъ усладительную музыку божественнаго Россини, и Боргондіо, для которой написалъ онъ эту оперу,

достойна была ознакомить его съ петербургскою публикой. Судить о музыкѣ я не умѣю, хотя это дѣло весьма нетрудное: стóитъ только внимательнѣе прислушаться къ толкамъ знатоковъ; за то чувствовать ее такъ сильно какъ я не всякому дано.

Говоря о Французахъ, объ Италіянкахъ, я было совсѣмъ упустилъ изъ виду вообще состояніе русскаго театра, ничего не сказалъ о драматическихъ авторахъ. Ихъ было трое: Загоскинъ, Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, которые тогда состязались съ Шаховскимъ, если не въ плодовитости, то въ искусствѣ. Загоскинъ поставилъ на сцену *Богатонова*, *Романъ на большой дорогѣ*, *Благородный театръ*, Хмѣльницкій — *Воздушные замки*, и хотя Грибоѣдовъ написалъ уже извѣстную комедію *Горе отъ ума*, она ходила только по рукамъ въ рукописи, а печатать ее и играть не знаю почему не было дозволено.

Въ эти годы я почти совершенно охладѣлъ къ театру и литературѣ. Оттого-то съ прежнею отчетливостью и не могу говорить о первомъ изъ сихъ предметовъ, можетъ-быть еще менѣе о послѣднемъ. Однако же, сколько могу, слабыя воспоминанія мои о томъ постараюсь сообщить читателю.

Бесѣды и Арзамаса давно уже не стало: первая, кажется, погибла подъ ударами послѣдняго, а послѣдній почилъ на лаврахъ. И кому было поддержать Бесѣду? Державинъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ вѣчную память, Шишковъ совершенно устарѣлъ, Шаховской унялся, а прочіе члены разсѣялись какъ овцы безъ пастырей. Почти то же можно сказать и объ Арзамасцахъ: Блудовъ продолжалъ жить въ Лондонѣ, Дашковъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь, чувствительному Батюшкову было пагубно пламенное небо Неаполя, подъ которымъ разсудокъ его начиналъ растраиваться; Жуковскій неоднократно по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Германіи, сопровождая порфирородную чету, при коей находился. Безъ нихъ совершенно ослабли узы, вязавшія прежде наше веселое общество. Многіе другіе члены также находились въ отлучкѣ; Вяземскій служилъ въ Варшавѣ, Михаилъ Орловъ командовалъ дивизіей въ южной арміи, Пушкинъ былъ сосланъ, Жихаревъ женился и поселился въ Москвѣ. Изъ наличныхъ членовъ Александръ Тургеневъ помышлялъ единственно объ удовольствіяхъ свѣта и о пріобрѣтеніи большихъ выгодъ по службѣ; братъ его

Николай съ Никитою Муравьевымъ помышляли совсѣмъ не о литературѣ.

Положеніе Карамзина сдѣлалось самое возвышенное, отъ всѣхъ отдѣльное, недосягаемое для интригъ и критики. Онъ пользовался совершенною довѣренностью царя, который, на лѣто помѣщая его у себя въ Царскомъ Селѣ, нерѣдко посѣщалъ его. Тамъ спокойно продолжалъ онъ огромный и полезный трудъ свой, по временамъ издавая новые томы Русской исторіи своей: но уже болѣзни посѣтили его совсѣмъ еще неглубокую старость.

На литературномъ горизонтѣ въ это время показалось великое множество новыхъ писателей, мирными годами порожденныхъ. Но какъ назвать ихъ или какъ различить человѣку, къ появленію ихъ тогда столь равнодушному? Я сравню со звѣздами, въ бѣлую массу слитыми на млечномъ пути, или со дву тму безплотныхъ въ глубинѣ иныхъ картинъ, образующихъ свѣтлыя облака, и надѣюсь, что симъ сравненіемъ они не обидятся. Отъ этого fond (дномъ сего у насъ назвать нельзя, а какъ же иначе?), одна фигура, впрочемъ, совсѣмъ не серафическая, отдѣлялась, выступала на первомъ планѣ, такъ что и мнѣ удавалось видѣть ее простыми глазами.

Это былъ Ѳаддей Викентьевичъ Булгаринъ, литовскій дворянинъ, весьма хорошей фамиліи, кажется, русскаго происхожденія, воспитанный въ русскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный изъ него въ армію уланскимъ офицеромъ и сражавшійся съ Французами, потомъ подъ французскими знаменами бывшій въ Гишпаніи и, наконецъ, по пріобрѣтеніи небольшаго имѣнія близъ Дерпта, сдѣлавшійся эстляндскимъ помѣщикомъ. Кому приличнѣе могъ быть космополитизмъ, какъ не человѣку, прошедшему сквозь огонь и воду, и котораго, употребляя простое русское выраженіе, можно было назвать тертымъ калачомъ. Онъ сперва сдѣлался извѣстенъ одними журнальными статьями, что и сблизило его съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, постояннымъ издателемъ *Сына Отечества*. Въ обоихъ было много веселости и злоязычія; но въ Гречѣ, при нѣкоторомъ добродушіи, болѣе остроты, а въ Булгаринѣ одна только язвительность. Они слегка придерживались Оленинскаго общества, которое въ умѣренности своей стояло неподвижно, пока не подобравъ дружину молодыхъ смѣлыхъ переносцевъ, съ умножившимися силами, они не сдѣлались совершенно незави-

симыми. Дерзость и осторожность была ихъ девизомъ. Первыя нападенія ихъ были на обезглавленную Бесѣду, къ которой Гречъ самъ принадлежалъ нѣкогда.

При безпрестанно возрастающемъ числѣ и смѣшеніи новыхъ идей философическихъ, политическихъ, религіозныхъ, трудно идти мимо ихъ прямымъ путемъ. Онѣ какъ подводные камни, возникающіе среди бурнаго моря. Одни искусные люди умѣютъ лавировать между ими: вотъ что дѣлалъ Булгаринъ. Не безкорыстно, какъ утверждали, преданный правительству, которое примѣтнымъ образомъ преслѣдовало либерализмъ, онъ въ то же время явно подавалъ руку, не выдавая ихъ, людямъ, которые составляли особое литературное общество, распространяющее тайно самыя свободныя мысли.

Адъютантъ начальника моего, гвардіи поручикъ, Александръ Александровичъ Бестужевъ, о коемъ случалось мнѣ упоминать, былъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ послѣ Рылѣевымъ однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества. Этотъ оригинальный писатель повѣстей мнѣ чрезвычайно нравился своимъ умомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Служба ознакомила насъ, но короткихъ сношеній у насъ не было; всего раза два-три не болѣе онъ посѣтилъ меня. Мнѣ и въ голову тогда придти не могло, чтобъ у него были вредные умыслы, ибо насчетъ мнѣній своихъ онъ былъ всегда очень скроменъ. Онъ говорилъ мнѣ о Булгаринѣ съ участіемъ и уваженіемъ и даже хвалился тѣсными связями съ нимъ. Послѣ паденія Бетанкура, герцогъ Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Участь его, какъ всѣмъ извѣстно, была потомъ весьма печальная, но подъ конецъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, и довольно блистательная.

Вотъ все что̀ имѣю сказать я о словесникахъ этой эпохи. Вскорѣ потомъ другой образъ жизни, другія занятія на время совершенно изгнали литературу изъ головы моей.

III.

О дѣлахъ политики я говорю всегда по необходимости, и тогда только, когда они находятся въ связи съ внутренними дѣлами нашего государства. Внутри его, даже во дни Наполеона, мало или совсѣмъ почти о нихъ не думали; въ одномъ только Петербургѣ безпрестанно занимались ею, то-есть по-

литикой или, лучше сказать, имъ, то-есть Наполеономъ: другой тогда быть не могло. Смотря по сомнительнымъ или рѣшительнымъ успѣхамъ его, говорили то со страхомъ, то съ надеждой, то съ унынiемъ. Послѣ паденія его, въ провинціяхъ, да я думаю даже и въ Москвѣ, заграничное стали забывать, полагая, что за границею все покойно, и получая и политическіе журналы, внимательны были къ одному модному. То же самое, вѣроятно, было бы и въ Петербургѣ, еслибы не вошло въ обычай въ образованномъ свѣтѣ хоть что-нибудь да сказать о политическихъ предметахъ, дабы казаться свѣдущимъ.

Такъ засталъ насъ 1820 годъ. Такъ какъ онъ богатъ былъ происшествіями, а служба моя была обильна досугами, то вниманіе мое вновь устремилось на Европу. Нѣтъ ничего ни веселаго, ни пріятнаго въ этихъ воспоминаніяхъ, но дабы кончить разказъ и не прерывать нить его, въ одной этой главѣ хочу помѣстить все примѣчательное изъ тогдашнихъ событій.

Императоръ Александръ, какъ извѣстно, любилъ лично находиться на конгрессахъ. Тріумвиры Священнаго Союза согласились для того осенью съѣхаться въ Троппау. Но напередъ отправился государь въ Варшаву, для открытія сейма. Поляки (то-есть магнаты, паны, ибо въ Польшѣ народъ всегда телъ ни почемъ), почуя распространяющійся въ Европѣ революціонный духъ, были внѣ себя. Засѣданія сейма дѣлались шумны, рѣчи дерзки до того что для обузданія ихъ конституціонный король долженъ былъ призвать на помощь русское самодержавіе свое. Не разъ доказывалъ я, сколь часто враги Россіи обращались въ орудія ея спасенія, успѣховъ или славы. Было намѣреніе отнять у Россіи силой ея оружія возвращенныя ею, отторгнутыя отъ нея, западныя ея области — Подолію, Волынь, Минскъ и Литву — и усилить ими Польшу. Нетерпѣливое безуміе этихъ сорванцовъ на неопредѣленное время отдалило тогда исполненіе сего намѣренія, пагубнаго для обѣихъ націй..... Впрочемъ не знаю, можно ли обвинять и Поляковъ: что̀ сдѣлали они? Пользовались дарованными имъ правами, смѣло выражали свои мысли! По большей части люди даже опытные и пожилые остаются вѣчно старыми дѣтьми: зачѣмъ же ребятамъ давать сласти и требовать чтобъ они не ѣли ихъ? И можно ли съ народомъ обходиться какъ съ любимою собакой, держать надъ нимъ лакомый кусокъ и твердить tout beau. Въ Троппау новая пе-

чаль постигла государя; но дабы говорить о ней, нужно объяснить прошедшее.

Любимымъ полкомъ императора, коего шефомъ онъ былъ еще при отцѣ, Семеновскимъ полкомъ, командовалъ генералъ-адъютантъ Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, отлично храбрый офицеръ, но раздушенный франтикъ, который туалетомъ своимъ едва ли не болѣе занимался чѣмъ службой. Офицеры любили его безъ памяти, и было за что. Въ обхожденіи съ ними онъ былъ дружественно-вѣжливъ и нѣсколько менѣе взыскателенъ передъ фронтомъ чѣмъ другіе полковые командиры. Дисциплина отъ того ни мало не страдала. При поведеніи совершенно безукоризненномъ, общество офицеровъ этого полка почитало себя образцовымъ для всей гвардіи. Оно составлено было изъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ, извѣстнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Строго соблюдая законы чести, въ товарищѣ они не потерпѣли бы ни малѣйшаго пятна на ней. Сего мало: они не курили табаку, даже между собою не позволяли себѣ тѣхъ отвратительныхъ, непристойныхъ словъ, которыя были принадлежностію военнаго языка. Если котораго изъ нихъ увидятъ въ шустерклубѣ, на балахъ Крестовскаго Острова или въ какомъ-нибудь другомъ подозрительномъ мѣстѣ, тотъ изъ полку бывалъ изринутъ общимъ приговоромъ. Они составляли изъ себя какой-то особый рыцарскій орденъ, и все это въ подражаніе вѣчанному своему шефу. Они видѣли въ себѣ частицы его самого. мелкую его монету съ его изображеніемъ, и самое ихъ свободолюбіе проистекало изъ желанія сколько-нибудь уподобиться ему.

Ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на нижніе чины. И простые рядовые возымѣли высокое мнѣніе о своемъ званіи. Семеновецъ въ обращеніи съ знакомыми между простонародьемъ былъ нѣсколько надмененъ и всегда учтивъ. Съ такими людьми тѣлесныя наказанія скоро сдѣлались не нужны; изъявленіе неудовольствія, строгій взглядъ, сердитое слово были достаточными исправительными мѣрами. Все было облагорожено, такъ что, право, со стороны любо-дорого было смотрѣть.

Въ этомъ отборномъ полку примѣчательны были два брата Муравьевы. Отецъ ихъ, Иванъ Матвѣевичъ, любезникъ и красавецъ временъ Екатерины, былъ двоюроднымъ братомъ не разъ упомянутому Михаилу Никитичу и по женѣ или по матери, вмѣстѣ съ имѣніемъ, принялъ фамильное имя предка ея,

гетмана Даніила Апостола. Въ немъ была великая способность къ изученію языковъ: онъ прекрасно, безошибочно говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и очень хорошо писалъ по-русски. Умный, но легкомысленный человѣкъ, онъ, кажется, убѣжденій, собственныхъ мыслей не имѣлъ. Сперва онъ занималъ должность посланника въ Мадридѣ, а потомъ, чѣмъ-то недовольный, жилъ долго за границей безъ службы, и въ Парижѣ воспитывалъ двухъ старшихъ мальчиковъ своихъ.

Тамъ набрались они идей, которыя такъ благосклон[illegible] были принимаемы въ ихъ отечествѣ, когда они начали служить ему. Старшій, Матвѣй, казался угрюмъ, и вѣрно любезность свою берегъ про пріятелей, ибо они одни безъ мѣры восхваляли его. Другой, Сергѣй, былъ гораздо живѣе, блистательнѣе, приманчивѣе. Оба были идолами полка своего. Воспитанные во Франціи, они могли если не основательнѣе, то, по крайней мѣрѣ, толковитѣе говорить о многихъ предметахъ, о коихъ однополчане ихъ разсуждали, ничего въ нихъ не понимая, и оттого они были оракулами ихъ. Муравьевы-Апостолы, равно какъ и другіе семеновскіе офицеры, охотно посѣщали хорошее общество, гдѣ были отлично приняты. Понятія, которыя имѣли въ большомъ свѣтѣ о любезности молодыхъ людей, въ послѣднее время нѣсколько измѣнились. Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что-нибудь для нихъ пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно — все это перестало быть необходимостію. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ. Исполняя часть сихъ условій, семеновскіе офицеры продолжали быть развязны, ловки, учтивы и не совсѣмъ чуждались танцевъ.

. . . . . .

Видя какое дѣйствіе произвели на Александра европейскія происшествія, воспользовались тѣмъ чтобы представить ему сколь вреденъ всѣмъ извѣстный образъ мыслей будто бы цѣлаго полка, что̀ доказывалось будто бы пренебреженіемъ его ко фронту. Для исправленія его предложили чудеснаго фронтовика, который, безпрестанно содержа Семеновцевъ въ трудѣ и потѣ, выбьетъ изъ нихъ дурь. Къ сожалѣнію, государь согласился и въ самый Свѣтлый Праздникъ командира Екатеринославскаго гренадерскаго полка, полковника Ш., назначилъ командиромъ Семеновскаго, вмѣсто генерала Потемкина, которому оставлена была гвардейская дивизія.

Этотъ Ш. былъ изъ числа тѣхъ Нѣмцевъ низкаго состоянія, которые, родившись внутри Россіи, не знаютъ даже природнаго языка своего. Съ черствыми чувствами нѣмецкаго происхожденія своего онъ соединялъ всю грубость русской солдатчины. Палка была всегда единственнымъ, краснорѣчивѣйшимъ его аргументомъ. Не давая никакого отдыха, онъ дѣлалъ всякій день ученія, и за малѣйшую ошибку осыпалъ офицеровъ обидными словами, а рядовыхъ палочными ударами: все страдало нравственно и физически. Не говоря уже о Семеновскомъ полкѣ, другіе смотрѣли на то съ ужасомъ и разсуждали между собою, что если такъ поступаютъ съ любимцами, какая же ихъ ожидаетъ участь? . . . . . .

Въ первой половинѣ ноября, шедши пѣшкомъ по Гороховой улицѣ, я встрѣтилъ Сергѣя Муравьева съ какимъ-то однополчаниномъ.

— Что̀ съ вами? спросилъ я его. — Мнѣ кажется, вы нездоровы.

— Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ онъ, — только невеселъ, радоваться нечему.

— Потерпите, сказалъ я, — надѣйтесь.

Грустно взглянувъ на меня, онъ промолвилъ: viver in sperando, morir in ca... ndo, поклонился и пошелъ далѣе.

„Боюсь, сказалъ я самъ себѣ, онъ что-то недоброе замышляетъ.“

Недѣлю спустя послѣ того, въ одинъ изъ ноябрьскихъ, болѣе осеннихъ чѣмъ зимнихъ дней, 18-го числа погода была ужасная, такъ что на свѣтъ не хотѣлось бы смотрѣть. Холодный мракъ покрывалъ небо и землю, густой туманъ, разсѣявшись, превратился въ дождикъ со снѣгомъ вмѣстѣ, и зловонное тѣсто коричневаго цвѣта лежало на мостовой. Я продолжалъ жить близъ Семеновскаго моста, и все это утро оставался дома, какъ слуга мой, вошедъ, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ сказалъ мнѣ, что слышалъ въ лавочкѣ будто бы взбунтовался весь Семеновскій полкъ.

— Быть не можетъ, сказалъ я; — вздоръ, отсюда близко, сбѣгай и разузнай.

Возвратясь скоро, онъ донесъ мнѣ, что дѣйствительно вся площадь передъ госпиталемъ наполнена солдатами, неподвижно стоящими, въ шинеляхъ и безъ ружей, но зачѣмъ и почему они тутъ, этого не могъ дознаться.

Извѣстно сдѣлалось въ продолженіе дня, что на разсвѣтѣ

всѣ нижніе чины, въ одинъ часъ и минуту, какъ бы по данному сигналу, высыпали изъ казармъ, собрались и построились на площади, отвѣчая допрашивающимъ ихъ батальйоннымъ и ротнымъ командирамъ, что не хотятъ болѣе находиться подъ начальствомъ полковника Ш., а что исключая того готовы исполнять все что̀ имъ прикажутъ. Тщетно старались обратить ихъ къ порядку корпусный начальникъ, почтенный Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, другіе генералы и самъ великій князь: они остались непреклонны. Сія мирная демонстрація не менѣе того сильно встревожила жителей Петербурга, особенно же высшее общество. На другой день всѣ успокоились, узнавъ, что три тысячи человѣкъ, внимая единому повелительному слову, признали себя арестантами и безпрекословно отправились въ крѣпость.

Всѣ были увѣрены, что все было ими сдѣлано по наущенію офицеровъ, но такова была твердость сихъ русскихъ воиновъ, такое доброе согласіе между ими и такая преданность къ начальникамъ своимъ, что при допросахъ они ни на котораго не показали. Послѣднихъ же похвалить нельзя: въ ихъ поступкѣ видны легкомысліе и нѣкоторая робость; выставляя орудія, они надѣялись скрыть руку.

Любопытно было знать, какъ приметъ это государь, который находился тогда въ Троппау на конгрессѣ. Разказывали послѣ, что на какой-то утренней конференціи князь Меттернихъ сказалъ ему:

— Государь, да полно все ли у васъ покойно? По частнымъ свѣдѣніямъ, вчера вечеромъ полученнымъ, одинъ изъ вашихъ гвардейскихъ полковъ взбунтовался, а именно Семеновскій.

— Не вѣрьте, отвѣчалъ будто Александръ: — это сущая ложь, это мой любимый полкъ.

Въ тотъ же вечеръ, въ какомъ-то собраніи, Меттернихъ подтвердилъ ему то же самое, ибо съ этимъ извѣстіемъ въ полдень прибылъ курьеръ отъ австрійскаго посла въ Петербургѣ. Можно посудить о безпокойствѣ государя и о гнѣвѣ его, когда только въ продолженіе слѣдующаго дня прибылъ адъютантъ Васильчикова съ донесеніемъ о происшествіи.....

Въ присутствіи государя семеновской вспышки не могло бы быть. Его тихо-повелительный взглядъ все усмирялъ вокругъ себя. Даже издали ощутительно было его могущество: гвардія съ трепетомъ ожидала его рѣшенія. Оно по-

лучено: приказомъ, въ коемъ дышетъ негодованіе вмѣстѣ съ милостію, полкъ велѣно уничтожить, кассировать, нижніе чины разослать по линейнымъ полкамъ; офицеры же, коихъ виновность не доказана, но на коихъ падало сильное подозрѣніе, переведены также въ армію, только съ повышеніемъ двумя чинами; Ш. отставленъ отъ службы. Тѣмъ же приказомъ велѣно набрать новый Семеновскій полкъ изъ лучшихъ офицеровъ и рядовыхъ Гренадерскаго корпуса.

Это происшествіе, которое причинило Петербургу только кратковременный испугъ, имѣло однакоже важныя послѣдствія. Разсѣянные по арміи, недовольные офицеры встрѣчали другихъ недовольныхъ, и вмѣстѣ съ ними распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которые черезъ пять лѣтъ унять было труднѣе.

Изъ Троппау, дабы быть ближе къ театру происшествій въ Италіи, конгрессъ зимой перенесенъ былъ въ Лайбахъ. Тамъ, на царскомъ съѣздѣ, было положено австрійскія войска направить къ Неаполю и къ Піемонту, для усмиренія бунтующихъ. А на всякій случай, для поддержанія этихъ войскъ велѣно первой нашей арміи, подъ начальствомъ Сакена, двинуться за границу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гвардія, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, получила приказаніе выступить въ походъ къ Литвѣ. Государь былъ недоволенъ ею, узнавъ о сожалѣніи и участіи оказанныхъ ея полками товарищамъ своимъ, Семеновцамъ. Передъ самымъ выступленіемъ, онъ удалилъ генерала Васильчикова отъ начальствованія гвардейскимъ корпусомъ, поручивъ его любимому генералъ-адъютанту своему, Ѳедору Петровичу Уварову. Илларіонъ Васильевичъ сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта; начальникамъ же гвардейскихъ дивизій, генералъ-адъютантамъ, Потемкину и барону Григорью Владиміровичу Розену, взамѣнъ ихъ даны простыя пѣхотныя дивизіи.

При составленіи сихъ записокъ, я имѣлъ въ виду сдѣлать изъ нихъ отчасти и фамильную лѣтопись нашу. И потому да позволено мнѣ будетъ здѣсь, въ описаніе общественныхъ дѣлъ, кстати или не кстати, включить и вступленіе въ службу младшаго члена нашего семейства. Племяннику моему, бѣжавшему отъ г. Курпана, исполнилось шестнадцать лѣтъ. Согласно съ желаніемъ матери, братъ мой, который давно окончилъ дѣла свои и для него только жилъ въ Петербургѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его подпрапорщикомъ лейбъ-гвар-

діи въ Драгунскій полкъ. Этого нельзя было сдѣлать безъ утвержденія шефа полка, находившагося въ Варшавѣ цесаревича. На переписку, на соблюденіе всѣхъ формальностей, потребовалось много времени, такъ что приказъ объ опредѣленіи полученъ только на другой день послѣ выступленія гвардіи. И поэтому первоначально онъ долженъ былъ поступить въ находившійся въ Петергофѣ, подъ начальствомъ полковника Штейна, запасный эскадронъ. Также какъ мнѣ, лѣтъ за восьмнадцать передъ тѣмъ, братъ нанялъ ему тамъ квартирку, устроилъ его и потомъ отправился домой въ Пензу.

IV.

.....Князь Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ, все болѣе и болѣе втягивался въ мистицизмъ. Онъ посѣщалъ богослуженія различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ, и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Тутъ я долженъ остановиться, чтобы разказать объ одномъ любопытномъ случаѣ, коего отчасти былъ свидѣтелемъ.

По возвращеніи изъ Нижняго-Новгорода, въ одинъ воскресный день, разъ посѣтилъ я доброе семейство Лабатъ де-Вивансъ, чрезвычайно уменьшившееся, съ которымъ я никогда не прерывалъ давнишнихъ моихъ связей. Оно состояло изъ старыхъ дѣвъ, ревностныхъ, чтобы не сказать бѣшеныхъ, католичекъ, которымъ, по милости государя, за службу отца, дана была квартира въ верхнемъ этажѣ Михайловскаго замка. За дружескимъ разговоромъ послѣдовало минутное молчаніе, во время котораго послышалось мнѣ странное пѣніе. „Что это значитъ?“ спросилъ я. „Ah, c'est le sabbat“, воскликнули онѣ, заливаясь слезами. Окна ихъ выходили на Фонтанку, рядомъ съ округленнымъ выступомъ, во внутрь котораго сбоку внизъ можно было смотрѣть изъ нихъ. Тамъ находилась зала, отведенная сектѣ для ея духовныхъ упражненій. Я полюбопытствовалъ взглянуть и могъ только разсмотрѣть фигуры, какъ бы въ саваны наряженныя, съ остроконечными бѣлыми колпаками, которыя, съ неимовѣрною быстротой кружась, молніеобразно появлялись и исчезали. Дѣвицы Лабатъ послѣ того предложили мнѣ войдти въ темный корридоръ и въ открытую трубу прислушаться къ

ихъ пѣнію: на голосъ, „*За долами за горами*“ могъ я разобрать только слова: „Богъ намъ далъ и Дѣва.“

Эти люди были родъ квакеровъ, называемыхъ въ Англіи шекерами. Одинъ очевидецъ, допущенный зрителемъ къ ихъ проказливымъ таинствамъ, разказывалъ мнѣ послѣ слѣдующее. Верховная жрица, нѣкая госпожа Татаринова, посреди залы садилась въ кресла, мущины садились вдоль по стѣнѣ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака; когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мущины пѣть, подъ тактъ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе; по мѣрѣ того и вращающіяся превращались въ юлы. Въ изнеможеніи, въ изступленіи, тѣмъ и другимъ начиналось что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что непохожее. Наконецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ. Первенствующими членами общества были директоръ департамента просвѣщенія П—въ и нѣкто Мартынъ Пилецкій, прозванный Мартыномъ Задегомъ, племянникъ бывшаго пензенскаго губернатора К. Татаринова. Пилецкій и нѣкоторые другіе жительствовали даже во дворцѣ.

Столкновеніе двухъ фанатизмовъ было ужасное. Мои бѣдныя, набожныя Лабатики вообразили себѣ, что между ними водворился самъ діаволъ, и что подлѣ нихъ бываютъ сходбища вѣдьмъ. Къ несчастію, онѣ должны были ходить по одной лѣстницѣ съ ненавистными имъ существами; встрѣчаясь съ ними, онѣ съ ужасомъ отворачивались, невольно произнося нѣсколько непріятныхъ словъ; сверхъ того, самое сосѣдство представляло поводы къ частымъ ссорамъ. Я старался внушить имъ умѣренность и благоразуміе и, говоря ихъ языкомъ, доказывалъ, что онѣ должны съ покорностью нести крестъ, Господомъ имъ посланный. Впрочемъ, все ограничивалось болѣе жалобами на такое положеніе, приносимыми посѣщающимъ ихъ. И чѣмъ же кончилось? бѣдняжки были изгнаны изъ дворца гораздо прежде чѣмъ онъ отданъ въ инженерное вѣдомство и переименованъ былъ Инженернымъ замкомъ.

Въ слѣдующемъ году, высочайшимъ рескриптомъ на имя графа Кочубея, велѣно закрыть всѣ масонскія ложи и тай-

ныя общества и всѣхъ служащихъ, равно какъ и вступающихъ въ службу, обязать подпискою не посѣщать ихъ и къ нимъ не принадлежать. Эта мѣра была бы весьма полезна за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда мода и любопытство привлекали въ нихъ множество разнаго званія людей. Тогда злонамѣренные старались вербовать неопытныхъ юношей. Я давно пересталъ ходить въ ложи и только по наслышкѣ знаю, что онѣ были брошены большею половиной прежнихъ посѣтителей, и продолжали существовать безъ цѣли и значенія.

Въ августѣ государь захотѣлъ показать себя гвардіи. Усилія австрійскихъ войскъ въ Италіи были увѣнчаны успѣхомъ, и слѣдственно помощь Россіи сдѣлалась болѣе не нужною. Гвардейскій корпусъ былъ остановленъ на дорогѣ въ принадлежащемъ графу Хребтовичу бѣлорусскомъ помѣстьѣ, Бѣшенковицахъ: туда отправился государь. Осмотрѣвъ полки, онъ остался ими совершенно доволенъ, роздалъ нѣсколько наградъ начальствующимъ, но воротиться имъ въ Петербургъ на зиму не дозволилъ. На лучшія зимнія квартиры должны были они идти не помню въ Литву или въ Минскую губернію.

Желая въ одной этой главѣ соединить происшествія двухъ годовъ по одному предмету, скажу, что только въ слѣдующемъ 1822, къ 22-му іюля, дню именинъ вдовствующей императрицы и петергофскаго праздника, гвардія возвратилась изъ продолжительной затруднительной прогулки своей: тутъ, кажется, послѣдовало совершенное примиреніе. Однако, тутъ же приняты нѣкоторыя новыя мѣры, которыя соблюдаются и понынѣ. Напримѣръ, тутъ начали заниматься учрежденіемъ школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Жизнь сихъ молодыхъ людей была дотолѣ самая праздная; на нихъ мало взыскивали, на ученье ходили они рѣдко, въ караулы никогда. Но какъ всякое дѣло имѣетъ свою худую сторону, то запирать совершеннолѣтнихъ юношей, какъ малолѣтнихъ учениковъ, не значило ли возбуждать еще болѣе кипящія въ нихъ страсти. Исключая походовъ, гвардейцы не знали другой жизни кромѣ столичной; съ этихъ поръ начали поочередно выводить батальйоны на полгода въ окрестъ лежащія селенія.

Окончу сію главу разказомъ о случившемся въ сіи два года, ближе ко мнѣ относящемся.

Сдѣлавшись главнымъ директоромъ путей сообщенія, сказать правду, мой Бетанкуръ слишкомъ зазнался. Онъ не видѣлъ границъ ни довѣренности къ нему царя, ни покорности первыхъ лицъ въ государствѣ сему послѣднему, и почиталъ все себѣ дозволеннымъ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ связей, которыя во дни напасти нѣкоторымъ образомъ могли бы служить ему опорой. Россія казалась ему также неисчерпаемымъ кладеземъ, и оттого предпріятіямъ его, скажемъ лучше, его строительнымъ затѣямъ не было конца; на все требовалъ онъ милліоны и гнѣвался на министра финансовъ, который не умѣлъ находить ихъ. Въ преувеличенномъ видѣ кредитъ его представлялся Ранду, который, внѣ круга дѣйствія своего, также не имѣлъ никакихъ связей. Онъ, какъ говорится, смѣло билъ въ его голову, ни отъ чего законнаго не предостерегая, не удерживая его, только для прикрытія собственной отвѣтственности не скрѣпляя ни одной изъ бумагъ имъ подписанныхъ. Оттого управленіе шло самымъ безпутнымъ образомъ, и число непріятелей Бетанкура, имъ оскорбленныхъ, въ высшемъ правительственномъ кругу, съ каждымъ днемъ возрастало. За всѣмъ слѣдилъ Аракчеевъ, коего покровительствомъ онъ пренебрегалъ, который не враждебно, но и не слишкомъ пріязненно былъ къ нему расположенъ, и который обо всемъ доносилъ въ Троппау и Лайбахъ. Къ веснѣ многіе были увѣрены, что начальнику моему не остаться на мѣстѣ: тучи собрались надъ его головой, и ихъ не видѣли только онъ да Рандъ, именно тѣ, надъ коими онѣ должны были разразиться.

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя въ маѣ мѣсяцѣ онъ имѣлъ у него докладъ. Надобно полагать, что пріемъ ему былъ хорошій, ибо на другой день я видѣлъ его веселымъ попрежнему. Всѣ предположенія его одобрены, всѣ представленные имъ инженеры награждены; только представленія о гражданскихъ чиновникахъ государь, показывая усталость, оставилъ у себя, обѣщая на другой день утвердить ихъ. Кто бы могъ подумать? безъ всякой просьбы, безъ всякаго напоминанія съ моей стороны, и я попалъ въ число представленныхъ. Я думаю, Бетанкуру хотѣлось честнымъ образомъ отдѣлаться отъ меня, а потомъ распроститься со мною: для того прямо, мимо Милорадовича, испрашивалъ онъ мнѣ чинъ статскаго совѣтника. Онъ даже напередъ поздравилъ меня съ нимъ, а мнѣ не повѣрилось.

Дня черезъ три послѣ доклада, Бетанкуръ, увѣренный въ сохраненіи милости царской, имѣлъ неосторожность опять отправиться въ Нижній-Новгородъ, куда его всегда такъ и зазывало. Такимъ образомъ онъ оставилъ свободное поле проискамъ всѣхъ своихъ недоброжелателей. Скоро послѣ отъѣзда его узнали мы, что представленія его о насъ государь велѣлъ отправить на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ, гдѣ цѣлые годы пролеживали они, ибо государь въ частыхъ разъѣздахъ, говорили, не имѣетъ времени заняться ихъ утвержденіемъ. Меня это мало огорчало, я того и ожидалъ, но это служило несомнѣннымъ доказательствомъ упадка моего начальника въ добромъ мнѣніи царя.

Въ концѣ сентября Бетанкуръ воротился въ Петербургъ не на радость. Недѣля за недѣлю государь все откладывалъ испрашиваемый имъ докладъ. Это продолжалось почти три мѣсяца, какъ вдругъ въ главномъ управленіи произошла ужасная тревога.

Членъ совѣта путей сообщенія, пензенскій помѣщикъ, Александръ Петровичъ Вельяшевъ, вмѣстѣ съ другимъ членомъ, генераломъ Карбоніеромъ, постояннымъ неодобрителемъ всего происходящаго, составили явную оппозицію противъ главнаго директора и представили бумагу, исполненную самыхъ рѣзкихъ выраженій, въ видѣ протестаціи противъ его дѣйствій. Это было почти наканунѣ Рождества 1821 года.

Когда о Святкахъ дошло сіе до государя, онъ потребовалъ къ себѣ, наконецъ, Бетанкура. Въ первый разъ онъ принялъ его сурово и, между прочимъ, сказалъ: „Я васъ не виню, а самого себя; я опредѣлилъ васъ въ должность, для которой вы неспособны и отъ которой вы отказывались.“ Кажется, послѣ этого оставалось только просить объ увольненіи отъ оной; но удовольствія власти сдѣлались въ немъ привычкой, и онъ остался. По крайней мѣрѣ восторжествовалъ онъ надъ своими врагами. Можетъ-быть, въ протестѣ двухъ генераловъ было много дѣльнаго, много истины, но онъ сдѣланъ былъ во время неустройствъ на западѣ и имѣлъ видъ возмущенія противъ начальства; оба были удалены отъ должностей и преданы суду. * Но какъ бы ни было, этимъ нанесенъ рѣшительный ударъ Бетанкуру.

---

* Карбоніеръ скоро оправдался и перешелъ въ военно-инженерное вѣдомство, а Вельяшевъ даже умеръ подъ судомъ.

Еще весной узнали, что назначенъ новый конгрессъ въ Веронѣ, и что государь намѣренъ къ концу лѣта туда отправиться. На этотъ разъ Бетанкуръ не поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, остался въ Петербургѣ, тщетно умоляя объ ауді-енціи и ожидая ее съ надеждою представить всѣ собранныя имъ объясненія и оправданія. Онъ получилъ ее наканунѣ отъѣзда государева, 22-го августа.

Я ничего о томъ не зналъ. На другой день послѣ обѣда явился ко мнѣ одинъ знакомый мнѣ вѣстовщикъ М — въ съ вопросомъ: правда ли, что Бетанкуръ отставленъ? „Не знаю,— отвѣчалъ я, — дѣло возможное, только я не слыхалъ.“ Я не обратилъ особеннаго вниманія на принесенныя имъ вѣсти, которыя по большей части бывали одно вранье, однакоже слѣдующимъ утромъ полюбопытствовалъ идти къ Бетанкуру. Все нашелъ я въ прежнемъ порядкѣ,—адъютантовъ, дежурныхъ, его самого, распоряжающагося, повелѣвающаго, а Ранда не только не встревоженнымъ, но, казалось, даже болѣе ободреннымъ. Я не рѣшился никого вопросить, но отъ новаго адъютанта, гвардіи офицера Бестужева, ко мнѣ пріязненно расположеннаго, узналъ слѣдующее:

Государь принялъ Бетанкура, повидимому, весьма благосклонно, говорилъ ему съ сожалѣніемъ о множествѣ враговъ, которыхъ онъ, какъ иностранецъ, имѣетъ въ Россіи, и объявилъ, что придумалъ средство дать ему сильную опору. „Въ семействѣ моемъ,—сказалъ онъ,—выбралъ я одного человѣка, съ которымъ хочу поставить васъ въ одинаковыя отношенія. Это родной дядя мой, герцогъ Александръ Виртембергскій, который теперь въ Витебскѣ генералъ-губернаторомъ.“ Сбираясь въ путь, по совершенному недосугу, занятіе представленными ему дѣлами государь отложилъ до скораго возвращенія своего. Въ приказѣ, въ тотъ же день отданномъ, ничего не упомянуто о Бетанкурѣ, а герцогъ названъ не главнымъ директоромъ, а главноуправляющимъ путями сообщеній. Понимай какъ хочешь.

Наканунѣ 1-го октября, рано пріѣхалъ герцогъ и остановился въ приготовленныхъ для него комнатахъ Зимняго дворца; потомъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ инженеры, находящіеся налицо, съ своимъ начальникомъ явились къ нему на другой день, 1-го числа. Болѣе часа Бетанкуръ съ гурьбою подчиненныхъ долженъ былъ прождать; его позвали, но не отдѣльно, а вмѣстѣ съ ними. Поочередно началъ онъ пред-

ставлять ихъ герцогу, какъ тотъ, вдругъ остановивъ его словомъ „довольно“, обратился къ нимъ съ словами: „Господа, въ вашемъ корпусѣ тьма безпорядковъ, хищничества; я не прежде надѣну вашъ мундиръ, пока новыми поступками вы не очистите его. Сильными мѣрами постараюсь васъ къ тому понудить.“ Бетанкуръ спросилъ его, когда прикажетъ представиться гражданскимъ чиновникамъ? „Никогда, — отвѣчалъ онъ: — они недостойны видѣть меня.“ Потомъ поворотился ко всѣмъ спиной и вышелъ.

Съ небольшимъ числомъ накопившихся бумагъ я долженъ былъ на другой день идти къ разобиженному, униженному генералу. Старикъ швейцаръ, изъ Нѣмцевъ, встрѣтилъ меня съ печальнымъ видомъ, и качая головой, сказалъ:

— Идите, все пусто, онъ одинъ, никого нѣтъ.

Дѣйствительно, я нашелъ его совершенно одного, одѣтаго въ мундиръ, сидящаго за длиннымъ письменнымъ столомъ, сложивъ руки, погруженнаго въ думу.

— А! это вы! сказалъ онъ, приподнявъ голову, и несмотря сталъ подписывать мои бумаги.....

Не проходило потомъ недѣли, чтобы Бетанкуръ не испытывалъ новыхъ непріятностей, не претерпѣвалъ новыхъ униженій. Принявъ предложеніе государя, онъ добровольно подчинилъ себя герцогу: дѣлать было нечего. Положеніе его было совершенно новое, никто еще не видалъ министра, сдѣлавшагося вдругъ подчиненнымъ преемника своего.

По положенію моему, внѣ совершившихся великихъ переворотовъ, я былъ простымъ ихъ зрителемъ. Наконецъ, съ моимъ Бетанкуромъ мы остались почти съ глазу на глазъ, но все какая-то неловкость продолжала существовать въ нашихъ сношеніяхъ: мало-по-малу воротилась прежняя довѣренность, и наши бесѣды сдѣлались откровеннѣе. Странная была моя участь: я былъ чуждъ его торжеству, а раздѣлялъ его паденіе. Въ послѣдніе годы лѣность не до того овладѣла мною, чтобы въ другихъ вѣдомствахъ не искалъ я мѣста, если не равнаго тому, которое имѣлъ въ виду, по крайней мѣрѣ немного ниже. Непріязненность къ человѣку, при которомъ я находился, вездѣ ставила мнѣ препятствія. Наконецъ, я рѣшился все бросить и съ братомъ зарыться въ деревнѣ: зимой я непремѣнно бы сіе сдѣлалъ, если[б] осенью не послѣдовали для насъ такія важныя перемѣны. чѣ стало совѣстно и жалко какъ будто бросить человѣка, ь ѣми по-

кнутаго: однакоже, намѣренія моего я не оставлялъ и для исполненія его ожидалъ только весны.

Надобно же сказать что̀ послѣдовало съ Бетанкурюмъ по возвращеніи государя изъ Вероны. Опальный писалъ къ нему, но не получилъ отвѣта. Пасилу, какъ бы въ оказаніе особой милости, дозволено ему не числиться болѣе въ корпусѣ инженеровъ. не управлять институтомъ путей сообщенія и не зависѣть отъ герцога. Въ завѣдываніи его остались только Петербургскій строительный комитетъ, Исакіевскій соборъ и Нижегородская ярмарка. По первому предмету раза два или три въ недѣлю я официяльно занимался съ нимъ; по послѣднимъ бумагами приватно завѣдывалъ Рандъ. съ которымъ, впрочемъ, мнѣ рѣдко случалось встрѣчаться.

V.

Великимъ постомъ 1823 года новопроизведенный гвардіи офицеръ. драгунскій прапорщикъ, племянникъ мой, Филиппъ Николаевичъ, воротился изъ отпуска. Онъ ѣздилъ къ роднымъ въ Воронежъ, а оттуда въ Пензу, чтобы потѣшить бабушку своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ привезъ съ собою вовсе неожиданную для меня вѣсть.

Братъ мой жилъ потихоньку въ селеніи своемъ Симбухинѣ: онъ былъ чрезвычайно привязанъ къ малолѣтнымъ дѣтямъ своимъ, а безграмотную Француженку, ему часто надоѣдавшую, любилъ только какъ мать ихъ. Сестры мои, и особенно прибывшая съ мужемъ на зиму Алексѣева, исполненныя строгихъ христіанскихъ правилъ, смотрѣли на то съ грустію. Чтобы не встрѣчаться съ этою женщиной, онѣ должны были воздерживаться отъ поѣздокъ въ Симбуховскую церковь, на могилу отца. Онѣ страшились также, чтобы какъ-нибудь сіе не дошло до престарѣлой матери нашей; городское общество, семейство наше и даже дворня согласно и тщательно скрывали отъ нея истину. На общемъ совѣтѣ сестры положили, чтобы во что ни стало женить брата, что̀ было не весьма легко. Однакоже, чего не дѣлаютъ женщины въ заговорѣ съ цѣлымъ городомъ?

Не разъ приходилось мнѣ говорить о Ефимѣ Петровичѣ Чемесовѣ, старинномъ другѣ отца моего, предшественникѣ его во гробъ, о несогласіяхъ, возникшихъ безъ всякой причины между двумя старцами, о надменной сестрѣ его Ели-

завтѣ Петровнѣ Леонтьевой, о гнѣвѣ ея на брата моего, дерзнувшаго свататься за внучку ея Ступишину; говорилъ также о странностяхъ Маріи Андріановны Чемесовой, супруги покойнаго. Мнѣ желательно, чтобы читатели мои вспомнили о томъ; оно нужно для поясненія нижеслѣдующаго.

Семейство Чемесовское, по старинному обычаю, существовавшему долго между русскими барынями, было премногочисленное и оттого разница въ лѣтахъ дѣтей обоего пола была превеликая. Изъ пяти достигшихъ совершеннолѣтія дочерей, старшія, Анна и Александра, могли бы быть матерями трехъ меньшихъ, Натальи, Маріи и Варвары. Изъ нихъ четвертая отличалась пріятностію и просвѣщеніемъ ума, миловидностію лица и любезностію характера: но съ тогдашнею взыскательностію невѣстъ всѣ эти преимущества въ провинціи оставались напрасными. Представился случай, не скажу къ выгодному, по крайней мѣрѣ для Пензы блестящему замужству, и тетка Леонтьева захотѣла имъ воспользоваться. Но обстоятельства не допустили совершенія сего брака, и женихъ, князь Павелъ Голицынъ, женился на моей желанной Геофилѣ Крогеръ. Всѣ эти повторенія разказаннаго считаю здѣсь необходимыми.

Послѣ того годы шли, и дѣвица не молодѣла. На ней-то остановился выборъ моихъ сестръ. Но какъ приступили онѣ къ этому дѣлу? какія средства употребили для достиженія своей цѣли? какъ умѣли склонить къ супружеству два существа, никогда не помышлявшихъ другъ о другѣ? Вотъ что мнѣ, отсутствующему, осталось вовсе неизвѣстнымъ. Чтобы не терять времени, никому не дать опомниться и ковать, какъ говорится, желѣзо пока оно горячо, еще страждущаго отъ болѣзни брата моего, по разрѣшенію архіерея, въ Крестовой церкви вѣнчали его на масленицѣ. И восьмнадцатилѣтній племянникъ былъ шаферомъ на свадьбѣ у стараго брата отца своего. Изъ новобрачныхъ одному было за сорокъ за пять, а другой, кажется, тридцать четвертый годъ. Бываютъ супружества по любви, по разчету, а это былъ бракъ по разсудку; богатства не было ни съ которой стороны, но онъ сулилъ домашнее счастіе и сдержалъ обѣщанное.

Что же сдѣлалось съ Француженкой? Она бросилась съ письменною просьбой къ губернатору, не зная что онъ былъ главнымъ сватомъ. Онъ объяснилъ ей, что какъ по кодексу Наполеонову, такъ и по русскимъ узаконеніямъ, не получивъ

никакого обѣщанія, она никакого права жаловаться не имѣетъ. Ее удовлетворили нѣсколькими тысячами рублей, и она сама предложила отказаться отъ дѣтей своихъ.

Сіе семейное происшествіе, собственно для меня, было довольно важною вѣстію, привезенною племянникомъ Великимъ постомъ. Въ день же Свѣтлаго Воскресенья я узналъ другія новости, не менѣе важныя для Петербурга и государства, — большія перемѣны въ министерствѣ.

Мнѣ, человѣку удаленному отъ свѣта и правительственныхъ дѣлъ, не могли быть извѣстны пружины, приводимыя въ движеніе для сокрушенія могучихъ. Все что̀ совершалось выше гораздо болѣе покрыто было тайною чѣмъ нынѣ. Если же вѣрить молвѣ, и до меня доходившей, то Аракчеевъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пріобрѣтая все болѣе силы надъ встревоженнымъ умомъ императора, старался удалить отъ него всѣхъ тѣхъ, кои не признавали его власти и чуждались всякихъ съ нимъ связей, и хотѣлъ замѣнить ихъ людьми ему преданными. Ему хотѣлось, будто говорилъ онъ, поставить дѣловое и опытное на мѣсто знатнаго пусточванства.

Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь говорить о перемѣнахъ послѣдовавшихъ въ предшествовавшихъ годахъ? О паденіи Бетанкура я разказалъ уже длинную исторію. Военнаго министра я не-признавалъ министромъ; онъ находился въ большой зависимости отъ начальника штаба, и скорѣе можно было назвать его генералъ-интендантомъ. Не излишнимъ считаю, однакожь, упомянуть о смерти барона Меллера-Закомельскаго и о назначеніи на его мѣсто генерала кригсъ-коммиссара, старика Александра Ивановича Татищева. У морскаго министра, маркиза де-Траверсе, Нептуновъ трезубецъ совершенно выпадалъ изъ слабѣющихъ отъ старости рукъ: но Аракчеевъ чтилъ его, и назначенный начальникомъ морскаго штаба, вице-адмиралъ Антонъ Васильевичъ Моллеръ, принявъ сію часть въ управленіе свое, до конца жизни маркиза уступалъ ему первенство.

Болѣе тридцати лѣтъ горделивый графъ Гурьевъ оставался министромъ финансовъ и въ денежный вѣкъ почиталъ себя первымъ министромъ. Никто не ожидалъ его увольненія: на Страстной недѣлѣ при докладѣ какъ-то проговорился онъ о своихъ немочахъ, о потребности отдохновенія, и государь воспользовался тѣмъ чтобы, съ видомъ сожалѣнія, снять съ него тяжкое бремя, на немъ лежащее, изъ него оставивъ ему

самую легкую часть — кабинетъ и удѣлы. Преемникъ ему давно уже приготовленъ былъ Аракчеевымъ.

Генералъ-интендантъ первой арміи, Егоръ Францовичъ Канкринъ, не ей одной извѣстенъ былъ умомъ, едва ли не черезъ мѣру дѣятельнымъ, и обширными познаніями во всѣхъ частяхъ. Наука была наслѣдственное имущество въ его семействѣ. Дѣдъ его, раввинъ Канкринусъ, принявшій въ реформатскомъ крещеніи имя Лудовика, весьма извѣстенъ былъ не цѣлому, а только всему нѣмецкому ученому міру. Сынъ его, Францъ-Лудовикъ, былъ также, какъ утверждаютъ, хорошій писатель: онъ прибылъ въ Россію и, не такъ какъ иные чужеземцы, былъ ей отмѣнно полезенъ; онъ умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и управляющимъ старорусскими соляными заведеніями. Наконецъ, сынъ послѣдняго, Егоръ Францовичъ, долженъ былъ далеко превзойдти предковъ своихъ.

Онъ сперва долго находился въ гражданской службѣ. Я помню въ 1809 году его длинную фигуру, когда въ чинѣ статскаго совѣтника посѣщалъ онъ соляное отдѣленіе департамента государственнаго хозяйства, къ коему былъ онъ причисленъ, и въ коемъ я временно занимался: онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ, а служащіе изъявляли ему особенное уваженіе. Военный министръ, послѣ главнокомандующій Барклай, открылъ его великія способности, перевелъ въ военное министерство и взялъ съ собою въ армію, гдѣ поручилъ ему продовольственную часть. Четыре года сряду въ Россіи, въ Германіи, во Франціи войско наше, благодаря его попеченіямъ, ни въ чемъ не нуждалось. Находясь все между военными, захотѣлось ему надѣть ихъ платье, и генеральскіе эполеты были одною изъ наградъ за труды его.

Когда его назначили на мѣсто Гурьева, казалось, что министерство финансовъ упадетъ съ нимъ. Ни мало: человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равенъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за Нѣмца и отчасти былъ имъ, онъ не показывалъ ни малѣйшаго педантства; живость другаго происхожденія проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступи его, а въ рѣчахъ: онъ былъ чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было; со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое

мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникомъ благороднѣйшаго чувства — великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ, никогда не хотѣлъ мстить имъ. Его занимали не одни дѣла и науки; онъ изрядно игралъ на скрипкѣ и любилъ говорить о музыкѣ; но еще лучше судилъ онъ объ архитектурѣ и написалъ книжку подъ названіемъ: *Ueber das schöne in der Baukunst.* И хотя сіе не входило въ прямыя его обязанности, онъ умѣлъ украсить Петербургъ и его окрестности общественными полезными постройками, отличающимися и прочностію, и вкусомъ.

Я воображаю себѣ что̀ должны были почувствовать директоры департаментовъ, когда послѣ Гурьева они начали заниматься съ человѣкомъ, у котораго была такая ясность въ мысляхъ, такая быстрота въ понятіяхъ. Мнѣ два раза въ жизни случалось говорить съ нимъ: одинъ разъ просителемъ, не за себя, другой разъ даже бесѣдовать съ нимъ около часу. Я съ большимъ почтеніемъ подошелъ къ министру и не съ меньшимъ удовольствіемъ долго слушалъ разумника.

Онъ женился въ Могилевѣ на Катеринѣ Захаровнѣ, дочери Захара Матвѣевича Муравьева, брата Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. По матери Нѣмкѣ, она была двоюродною племянницей женѣ фельдмаршала Барклая и жила у тетки. Сія послѣдняя главную квартиру арміи находила весьма удобнымъ мѣстомъ для сбыта племянницъ. Кажется, съ окончательнымъ *инъ*, женившись на Русской, чего бы стоило Егору Францовичу сдѣлаться совершенно Русскимъ? Нѣтъ, званіе Нѣмца льстило его самолюбію, а званіе Русскаго, въ его мнѣніи, унизило бы его. Кто же виноватъ если не мы сами, когда безъ всякаго спора такъ постоянно уступаемъ мы у себя иностранцамъ первенство передъ собою?

Въ то же время послѣдовала другая важная перемѣна, но о которой мало говорили, вѣроятно, потому что она не была окончательною.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій отпросился въ отпускъ за границу къ минеральнымъ водамъ, а недругъ его, Аракчеевъ, подготовилъ уже на его мѣсто одного изъ подручниковъ своихъ, начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Черезъ шесть мѣсяцевъ возвратясь къ должности, онъ уже не вступалъ въ нее, ибо заступавшій его мѣсто утвержденъ въ званіи начальника главнаго штаба.

Отецъ Дибича также какъ и онъ, Иванъ Ивановичъ, былъ престарѣлый прусскій полковникъ, родомъ изъ Силезіи, какъ показываетъ славянское прозваніе его. По призыву ли Павла или самъ собою прибылъ онъ въ Россію? По доброй ли волѣ или нѣтъ оставилъ Пруссію, не знаю. Онъ слылъ великимъ тактикомъ, только не на практикѣ. Скоро произвели его у насъ генералъ-майоромъ, съ большимъ содержаніемъ, и помѣстили въ Михайловскомъ замкѣ; и хотя потомъ всѣми признана была его безполезность, дарованное ему оставлено. Двухъ сыновей его, изъ коихъ меньшой такъ прославился, опредѣлили въ русскую службу.

Семеновскіе офицеры, какъ уже говорилъ я, старались въ обществѣ отличаться любезностью, ловкостью и щегольствомъ. Между ими молодой Дибичъ примѣчателенъ былъ неуклюжествомъ и невзрачностью. Товарищи однакоже не могли пренебрегать юношей, одареннымъ великою твердостью и благоразуміемъ. Напротивъ, въ своихъ недоумѣніяхъ, несогласіяхъ, всегда прибѣгали къ его совѣтамъ и подчиняли себя суду его. Въ немъ ничего не оставалось славянскаго, и одно только германское во всемъ было видно. Всегда степенный, разсудительный, хладнокровный въ дѣлахъ обыкновенной жизни, какъ бы равнодушный къ окружающему, онъ исполненъ былъ огня: не сердце кипѣло у него, а горѣла голова и, какъ у всѣхъ Нѣмцевъ новѣйшаго времени, полна была фантазій. Во время первыхъ двухъ французскихъ кампаній, не оставляя гвардіи, онъ откомандированъ былъ въ армію и не въ большихъ еще чинахъ умѣлъ показать храбрость и искусство. Когда прусская королева съ супругомъ посѣтили Петербургъ, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ-молодцовъ назначены были для безсмѣннаго при нихъ дежурства во время ихъ пребыванія. Какъ-то въ число ихъ попалъ и Дибичъ; кто-то изъ высшихъ вычеркнулъ его имя, промолвивъ: „какъ можно! *такую фигуру*!“ Онъ узналъ о томъ, обидѣлся и вышелъ въ генеральный штабъ.

Двѣнадцатый годъ открылъ ему славное поприще, на которомъ онъ славно былъ остановленъ Парижскимъ миромъ. Находясь въ Могилевѣ первымъ лицомъ послѣ фельдмаршала, онъ привыкалъ уже тамъ къ главному начальствованію. Также какъ Канкринъ, онъ женился на племянницѣ госпожи Барклай, баронессѣ *фонъ*-Торнау. Самъ Барклай любилъ его съ нѣжностью отца, однакоже не былъ ослѣпленъ насчетъ

его недостатковъ. Я повторю здѣсь слова его, переданныя мнѣ однимъ изъ его приближенныхъ. „Нельзя лучше Дибича найдти начальника штаба, но горе ему и арміи если онъ будетъ главнокомандующимъ.“ Не того ли же мнѣнія былъ и Наполеонъ о Бертье.

Въ это время и помину еще не было о намѣреніи графа Кочубея оставить должность: черезъ четыре мѣсяца спустя я узналъ уже въ провинціи объ увольненіи его. Надобно полагать, что онъ надѣялся созданное имъ министерство внутреннихъ дѣлъ возвысить до прежняго значенія и вновь пріобрѣсти довѣренность царя: его ожиданія не сбылись, и онъ видѣлъ приближеніе минуты, въ которую предложатъ ему успокоиться; онъ не хотѣлъ дождаться ея. Была еще и другая причина, законная, естественная: тринадцатилѣтняя дочь его, безъ ногъ, страдала всѣмъ тѣломъ до того что не могла выносить движеніе кареты, и доктора совѣтовали отправить ее въ южный край. Тогда Кочубей едва ли не первый проложилъ путь, которому и теперь мало слѣдуютъ, хотя посредствомъ пароходовъ могъ бы онъ быть удобенъ. На водахъ, на которыхъ сопровождалъ я Бетанкура, поплылъ онъ до Нижняго-Новгорода, оттуда внизъ по Волгѣ поѣхалъ онъ въ Саратовъ и Дубовку, откуда по краткости волока дочь его перенесли на рукахъ до Качалинской станицы на Дону. По этой рѣкѣ спустился онъ въ Азовское и Черное моря и къ осени на зиму приплылъ въ Ѳеодосію.

Управляющимъ министерствомъ на его мѣсто назначенъ былъ государственный контролеръ и можно сказать государственный мужъ, баронъ Кампенгаузенъ. Этотъ не успѣлъ оглядѣться, какъ одинъ несчастный случай прекратилъ его дни. Карета, въ которой сидѣлъ онъ, упала, а какъ человѣкъ онъ былъ тощій, точно хрустальный, то и долженъ былъ расшибиться въ дребезги.

На первый случай, чтобы замѣстить его, взялись за устарѣвшаго Василья Сергѣевича Ланскаго, а потомъ, забывшись, оставили его на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумскаго полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ, въ томъ же званіи онъ переведенъ въ

Гродно и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. По занятіи Русскими Варшавы, онъ находился долго членомъ временнаго тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ государственнаго совѣта. Онъ хорошо понялъ, что министерствомъ обязанъ слѣпому случаю и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣя докладовъ у государя и все почитая себя наканунѣ увольненія.

Въ сихъ запискахъ стараюсь я по возможности слѣдовать хронологическому порядку, избѣгаю всячески анахронизмовъ, но иногда принужденъ дѣлать ихъ, дабы не прерывать нити повѣствуемаго мною объ одномъ предметѣ. Вотъ почему долженъ здѣсь говорить еще объ одной перемѣнѣ въ министерствѣ, случившейся уже въ слѣдующемъ году, тѣмъ болѣе что она была послѣдняя въ описываемое мною царствованіе.

Мы видѣли какъ пошатнулся кредитъ князя Александра Николаевича Голицына: недоброжелатели его не упустили тѣмъ воспользоваться. Одинъ умный архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душей заговора противъ него. Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго; даже нехристіанскаго направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подъ начальствомъ Голицына и имъ облагодѣтельствованные, Магницкій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы. О двухъ изъ поименованныхъ случалось мнѣ говорить и, можетъ-быть, еще случится: о Руничѣ не стоитъ того.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкой, изданною Библейскимъ Обществомъ и пропущенною цензурой, какъ увѣряли меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ, и что у Богоматери, исключая Его, были другія дѣти отъ Іосифа. Александръ сильно вознегодовалъ: цензоры полетѣли на гауптвахту; оба директоры департаментовъ, Поповъ и Тургеневъ, были отставлены, а Голицынъ уволенъ только отъ управленія министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Для препровожденія времени оставленъ ему почтовый

департаментъ подъ именемъ главнаго управленія или министерства. Это одинъ изъ примѣровъ, что у насъ не людей избираютъ для министерствъ, а министерства создаютъ для людей.

Чтобы посадить на его мѣсто, вырыли изъ забвенія полумертваго Шишкова. Тріумвиры, выше названные мною, взяли его къ себѣ въ опеку, и изъ видовъ корысти, личнаго мщенія, а одинъ, Магницкій, по врожденной злости, именемъ его стали преслѣдовать зло, но, противодѣйствуя ему, творили ужасныя несправедливости. Съ назначеніемъ Шишкова, православная часть отошла отъ департамента духовныхъ дѣлъ и, въ видѣ особой канцеляріи, перешла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же святѣйшаго синода государю представлялись черезъ Аракчеева. * Изъ четырехъ министровъ троимъ, — военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, — было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около восьмидесяти. Сія геронтократія должна была правиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію. Впрочемъ, спасибо ему за трехъ полезныхъ Нѣмцевъ.

Мое житье въ это время было невеселое, а женитьба брата на особѣ, которую я душевно любилъ и уважалъ, пуще манила меня къ сельской тишинѣ, обѣщающей мнѣ пріятное семейное общество. Въ маѣ, не ранѣе, приступилъ я къ исполненію давно задуманнаго. Прежде этого времени года дороги внутри Россіи бывали чрезвычайно мучительны.

Я объяснился съ Бетанкуромъ: молча и потупя глаза, выслушалъ онъ меня.

— Какъ мнѣ удерживать васъ? отвѣчалъ онъ, наконецъ.— Когда я былъ въ силѣ, то не умѣлъ или не успѣлъ ничего для васъ сдѣлать. Теперь же служба при мнѣ какую выгоду можетъ представить вамъ? Мнѣ уже говорили о вашемъ намѣреніи, и, на всякій случай, я приготовилъ вамъ преемника: это бывшій мой правитель канцеляріи Рандъ.

Это было мнѣ весьма не по сердцу: помощникъ мой, секретарь комитета, Ноденъ, за годъ до того оставилъ меня, получивъ выгодное мѣсто правителя канцеляріи придворной конюшенной конторы. На его мѣсто поступилъ Александръ Ѳедоровичъ Волковъ, юноша преблагородный, благовоспитан-

* Шишковъ сталъ называться министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій.

ный, съ большими способностями и, что̀ никогда не испортитъ, съ весьма хорошимъ состояніемъ. Его я прочилъ на свое мѣсто, которое, по тогдашнимъ лѣтамъ и чину его, могло для него быть лестно. Ну какъ быть, я началъ собираться къ сдачѣ дѣлъ и къ отъѣзду.

Такъ какъ мнѣ никогда уже не придется говорить о Бетанкурѣ и о Рандѣ, то здѣсь мнѣ хочется досказать ихъ исторію. Старикъ послѣдній разъ отправился въ Нижній лѣтомъ 1823 года, взявъ съ собою одного только г. Волкова, о коемъ сейчасъ была рѣчь: въ униженномъ видѣ Рандъ не хотѣлъ туда являться. Тамъ узналъ бѣдный Бетанкуръ о смерти своей любимой дочери, г-жи Каролины Эспехо, и этотъ ударъ былъ для него чувствительнѣе всѣхъ прочихъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ быстро началъ близиться къ гробу и скончался въ іюлѣ 1824 года. Рандъ, которому не съ большимъ было тридцать лѣтъ, осужденъ былъ скоро послѣдовать за нимъ и умеръ въ декабрѣ того же года.

Напрасно человѣку даны воля и разсудокъ. Судьба часто располагаетъ нами по прихоти своей или скорѣе по волѣ того, кто ею правитъ. Со мною, по крайней мѣрѣ, въ жизни все хорошее и дурное приключалось внезапно, неожиданно. Такимъ же образомъ въ этомъ году вдругъ судьба моя перемѣнилась, какъ читатель увидитъ ниже. Но прежде того долженъ напомнить ему двухъ юношей-отроковъ, бывшихъ моими товарищами въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, особенно объ одномъ, коего имя въ сихъ запискахъ было разъ упомянуто, но никогда не повторено.

То былъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который вскорѣ послѣ коронаціи Александра, по протекціи отца, нѣкогда посланника въ Константинополѣ, получилъ мѣсто въ многочисленной Вѣнской миссіи. Работы ему тамъ было мало, да я думаю и вовсе не было: за то въ семъ матеріяльномъ городѣ нашелъ онъ бездну наслажденій. Онъ былъ красивъ лицомъ, крѣпокъ тѣломъ, любилъ безъ памяти женщинъ и умѣлъ нравиться имъ. Успѣхи его по сей части были ежедневные, безконечные. Онъ бы вѣкъ прожилъ въ Вѣнѣ, еслибы смерть отца не заставила его воротиться въ Россію. Покойный Яковъ Ивановичъ, выпросивъ двумъ незаконнорожденнымъ сыновьямъ фамильное имя свое, полагалъ, что съ нимъ вмѣстѣ связаны права законныхъ дѣтей, и не заботился о духовной. Племянницы, послѣ смерти его, стали

оспаривать наслѣдство у сыновей, тяжба длилась, и положеніе Булгаковыхъ было совсѣмъ незавидное. Тогда Константинъ задумалъ отправиться въ молдавскую армію, въ надеждѣ, что тамъ золото сыплется на дипломатическихъ чиновниковъ. Надобно отдать ему справедливость: не однимъ красивымъ женщинамъ, но и сильнымъ людямъ умѣлъ онъ нравиться, съ тѣми и съ другими бывъ смѣлъ безъ дерзости и угодителенъ безъ униженія, и вообще стараясь приноравливаться ко праву каждаго. И поочередно былъ онъ любимцемъ Каменскаго, Кутузова и Чичагова: съ симъ послѣднимъ достигнувъ Березины, онъ встрѣтился опять съ Кутузовымъ, другомъ отца своего, который оставилъ его при себѣ. Послѣ того постоянно находился онъ въ большой арміи, или лучше сказать, въ свитѣ государя до самого Парижа; былъ также и на Вѣнскомъ конгрессѣ. Тутъ много перенесъ онъ трудовъ, переписывая депеши и снимая копіи съ трактатовъ; для редакціи его употребить никакъ нельзя было. Онъ самъ хорошо это зналъ, и возвратясь въ Петербургъ, сталъ пріискивать мѣсто, которое бы представляло пріятную дѣятельность безъ большихъ трудовъ. Онъ сдѣланъ почтъ-директоромъ сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Это мѣсто, съ коимъ сопряжено было до восьмидесяти тысячъ доходу, было мѣсто завидное, однакоже не столько уважаемое. Оно находилось въ зависимости отъ почтоваго департамента и почиталось ниже директора онаго. Занимавшіе его были люди тихіе, образованные, жившіе въ небольшомъ кругу знакомыхъ, благословляя судьбу свою и откладывая ежегодно суммы для обогащенія дѣтей своихъ или родственниковъ. Булгаковъ умѣлъ поставить его на высокую ногу, придать ему какую-то важность министерскую. Прикрывая греческую хитрость свою дипломатическою умѣренною учтивостію и видомъ военной откровенности, которую принялъ онъ во время своихъ походовъ, онъ составилъ связи съ лучшими генералами и особенно съ приближенными изъ нихъ къ царю. То же самое было и съ выстими гражданскими чиновниками; но со всѣми весьма искусно умѣлъ онъ поставить себя на ногу почти совершеннаго равенства. Въ пребольшихъ комнатахъ почтоваго дома, ярко на-казенный счетъ освѣщенныхъ, два раза въ недѣлю онъ принималъ гостей. Вечера эти были новостію для Петербурга; соединяя лучшее общество съ нелучшимъ, они привлекали совершенною сво-

бодой и равенствомъ, которые на нихъ царствовали. Самъ хозяинъ являлся въ сюртукѣ и съ трубкою во рту, а курительный табакъ былъ къ услугамъ всѣхъ гостей. Дамы, разумѣется, тутъ не показывались, и это можно было бы назвать холостою компаніей, еслибы въ гостиной не сидѣла хозяйка, жена Булгакова, дочь валахскаго бояра Варлама, которая, впрочемъ, ни мало не стѣсняла веселья общества.

Что ни говори, это былъ клубъ или трактиръ такого рода, въ которомъ самимъ министрамъ не зазорно было показываться, и входъ въ него ничего не стоилъ. Еще скорѣе залу или биліардную Булгакова можно было назвать биржей не для торговыхъ, а гражданскихъ оборотовъ. Тутъ можно было встрѣтить статсъ-секретарей, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ, директоровъ департаментовъ, которыхъ сперва зазывали, и которые послѣ сами напрашивались. Между ими были условія, взаимныя соглашенія объ опредѣленіи чиновниковъ на мѣста. Булгаковъ игралъ тутъ роль главнаго посредника; о комъ бы ни замолвили ему слово, о человѣкѣ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго вовсе не зналъ ни честности, ни способностей, спѣшилъ онъ ходатайствовать за него. Отказы получалъ онъ нерѣдко и не сердился за то. Всѣ прославляли его за гостепріимство, которое ничего не стоило ему, и за благодѣянія его, которыя стоили ему нѣсколько разсѣянно сказанныхъ словъ. Съ самой первой молодости я не чувствовалъ къ нему симпатіи: послѣ того, не имѣя никакой нужды ни въ особѣ, ни въ обществѣ моемъ, онъ едва замѣчалъ меня, а я едва кланялся ему.

Другой человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ извѣстный читателю, Блудовъ, возвратился изъ Лондона и возвращается въ сіи записки. Онъ находился въ иностранномъ министерствѣ безъ должности, но не безъ дѣла. Съ высочайшаго соизволенія, по докладу графа Каподистріи, ему поручено было создать русскій дипломатическій языкъ: то-есть подъ его наблюденіемъ должны были заниматься молодые чиновники переводомъ всѣхъ актовъ Вѣнскаго конгресса. Переводы были дурны, и переправка ихъ ему стоила болѣе труда нежели еслибъ онъ самъ занялся переводомъ: дѣло сіе окончено съ желаемымъ успѣхомъ. Вскорѣ потомъ возложено на него другое важное порученіе.

Когда, въ концѣ 1815 года, государь вторично воротился изъ Парижа, онъ вспомнилъ о сдѣланномъ имъ въ эти шум-

ные годы небольшомъ завоеваніи. на которое дотолѣ онъ не обращалъ вниманія. Бессарабія была сперва управляема, по гражданской части, престарѣлымъ молдавскимъ бояромъ, русскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурдзою, а по военной, генералъ-майоромъ Иваномъ Марковичемъ Гартингомъ. Первый скоро умеръ и обѣ власти соединились въ рукахъ послѣдняго. Неустройствамъ тамъ не было конца; самоуправство было чрезмѣрное. Сынъ умершаго Стурдзы, столь извѣстный Александръ Скарлатовичъ, находился тогда при уважаемомъ государемъ статсъ-секретарѣ Каподистріи, былъ его другомъ и сотрудникомъ. Исполненный тогдашнихъ идей и зная господствовавшую того наклонность отдѣлять отъ Россіи сдѣланныя ею завоеванія, онъ затѣялъ изъ частицы своего отечества сдѣлать маленькое образцовое государство. съ представительнымъ правленіемъ. Черезъ Каподистрію онъ успѣлъ въ томъ: подольскій военный губернаторъ. Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, назначенъ полномочнымъ намѣстникомъ въ Бессарабскую область, и она сдѣлана независимою отъ власти сената и нашихъ министровъ. Еще хотѣлось ему, чтобы, по примѣру Польши и Финляндіи, назначенъ былъ для нея особый министръ-статсъ-секретарь: и это желаніе отчасти исполнилось. Графъ Каподистрія согласился докладывать государю по дѣламъ новаго края. а Стурдза, заправляя ими. взялся приготавливать доклады, и нѣкоторымъ образомъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по сей части.

Такимъ образомъ продолжалось до 1821 года, до возвращенія государя изъ Лайбаха. Когда Греки возстали на Турокъ, положеніе Россіи въ отношеніи къ сему дѣлу было самое затруднительное. Возмущеніе сіе, совпадая съ другими совершившимися на Западѣ, казалось въ тайной связи съ ними и какъ бы продолженіемъ мятежной цѣпи отъ Тага до Босфора. Стараясь усмирять однихъ, какъ можно было явно помогать другимъ противъ султана, законнаго владыки, въ нарушеніи святости трактатовъ! Католическій міръ, французское правительство и особенно Австрія открыто держали сторону Турокъ; Англія, по обыкновенію, смотрѣла спокойно на рѣзню народовъ. Намъ же, съ другой стороны, безъ всякаго участія внимать воплямъ нашихъ братій, нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ первыхъ наставниковъ и учителей во святой нашей вѣрѣ, было невозможно. Всѣ народы европейскіе,

вся Россія взывали къ государю, а Турція, тайно подстрекаемая, вѣроятно, самими же либералами, своими дерзкими поступками сама вызывала насъ на бой: демократическій духъ этого возмущенія одинъ уже долженъ былъ удерживать насъ отъ того. Цѣлому свѣту извѣстна тутъ умѣренность Александра; по моему мнѣнію, онъ никогда не поступалъ столь осторожно, столь благоразумно и, смѣю прибавить, столь справедливо. Греку Каподистріи, котораго Турки подозрѣвали, обвиняли, и который явно показывалъ республиканскія наклонности, оставаться при немъ долѣе было бы трудно. Онъ оставилъ и нашу службу, и Россію; за нимъ послѣдовалъ и Стурдза, вышелъ въ отставку и поселился въ южномъ краѣ.

Но какъ оставить безъ призрѣнія любезную Бессарабію? кому завѣщать ее? Упросили графа Кочубея, при другихъ его большихъ занятіяхъ, замѣнить въ этомъ случаѣ графа Каподистрію, а Блудова — принять въ свое завѣдываніе дѣла находившіяся у Стурдзы. Онъ уже пріучилъ себя къ трудамъ, а при Пессельроде не могъ онъ ожидать никакого важнаго назначенія. Да и въ Лондонѣ бывалъ онъ занятъ только во время отсутствія посла графа Ливена, когда онъ на его мѣстѣ оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ. Супруга сего послѣдняго, графиня Дарья Христофоровна, сестра двухъ Бенкендорфовъ, Александра и Константина, при немъ исправляла должность и посла, и совѣтника посольства, ежедневно присутствовала при преніяхъ парламента и сочиняла депеши. Я не одобрялъ согласія Блудова; мнѣ казалось, что, въ превосходительномъ его чинѣ, доклады по одной малой области суть дѣло мелочное: я не зналъ, что это дѣлаетъ его извѣстнымъ самому царю.

И вотъ два человѣка, совсѣмъ различныхъ свойствъ, которые нечаяннымъ образомъ въ это время имѣли вліяніе на переворотъ въ судьбѣ моей.

Я совсѣмъ собрался, если не на вѣчный, то на долгій покой. Не болѣе пяти или шести разъ случилось мнѣ въ Петербургѣ посѣтить нѣмецкій театръ: не понимаю, какъ мнѣ вздумалось вдругъ еще разъ взглянуть на него; я думаю отъ того что на немъ играли любимую оперу мою — *Деревенскія Пѣвицы*, Фіорванти. Въ креслахъ увидалъ я Булгакова съ постояннымъ наперсникомъ своимъ, Маничаровымъ: они тутъ ухаживали за какими-то актрисами. Послѣдній во время междудѣйствія подошелъ ко мнѣ и сперва началъ было го-

ворить съ сожалѣніемъ о нашемъ бывшемъ начальникѣ и о моемъ положеніи. Но несмотря на свой серіозный видъ онъ до печальныхъ рѣчей былъ не охотникъ, любилъ однѣ веселыя. Вдругъ сказалъ онъ мнѣ:

— Знаете ли что? Вамъ предстоитъ случай пріятнымъ образомъ продолжать службу. Графъ Воронцовъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Не желая входить въ объясненія, я отвѣчалъ, что за меня некому просить его.

— Какъ некому? а Булгаковъ-то на что? Вѣдь они съ нимъ страшные друзья.

— Нѣтъ, Булгакова я утруждать не буду, да и онъ самъ меня не очень жалуетъ, отвѣчалъ я.

— Какъ вы ошибаетесь на его счетъ, онъ на всякія одолженія готовъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ нашъ.

Дня черезъ три заѣхалъ ко мнѣ Блудовъ, къ удивленію моему, съ упреками: какъ можно искать покровительства человѣка, котораго я не люблю и не уважаю, не предупредивъ о томъ пріятеля, который въ исполненіи моего желанія гораздо лучше могъ бы мнѣ способствовать. Я ничего не понималъ. Еще въ Лондонѣ хорото былъ онъ знакомъ съ Воронцовымъ, а тутъ когда назначили того вмѣстѣ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области, то и по дѣламъ онъ долженъ былъ войдти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Я ничего про то не зналъ, да и мало о томъ заботился. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ Воронцова, который, между прочимъ, спросилъ у него, знаетъ ли онъ меня?

— Мнѣ рекомендуетъ его Булгаковъ, сказалъ онъ, — но вы знаете какой онъ добрый, за всѣхъ хлопочетъ, ему трудно повѣрить.

Увлеченный пріязненнымъ чувствомъ, Блудовъ вѣроятно не побранилъ меня.

— О если оно такъ, то нехудо бы поскорѣе съ нимъ познакомиться! Да почему бы не завтра часовъ въ двѣнадцать? Я буду его дожидаться.

Я вспомнилъ театральную встрѣчу мою съ добрымъ Маничаровымъ, разказалъ ее и прибавилъ, что ни намѣренія, ни желанія служить при Воронцовѣ не имѣю.

— Все равно, сказалъ Блудовъ, — надобно все-таки сходить къ нему и найдти средство учтивымъ образомъ отказаться.

Послѣдняго я никакъ не умѣлъ сдѣлать. Кто не знаетъ нынѣ Воронцова? Кто не знаетъ какъ увлекателенъ бывалъ его пріемъ тѣмъ, коихъ онъ желалъ имѣть при себѣ? Развѣ одинъ Александръ бывалъ очаровательнѣе, когда хотѣлъ нравиться. Онъ имѣлъ какую-то щеголеватую неловкость, слѣдствіе англійскаго воспитанія, какую-то мужественную застѣнчивость и голосъ, который, не переставая быть твердымъ, бывалъ отмѣнно нѣженъ. Болѣе получаса разговаривалъ онъ со мною на-единѣ о разныхъ предметахъ, преимущественно же о краѣ, коимъ собирался управлять. Я, съ своей стороны, ничего не упоминалъ о себѣ, не изъявлялъ никакихъ надеждъ, не указывалъ ни на какое мѣсто. Прощаясь со мной, онъ просилъ меня понавѣдаться къ нему, дабы пообстоятельнѣе переговорить о нашихъ дѣлахъ. На этотъ разъ я нашелъ его въ какихъ-то хлопотахъ; онъ успѣлъ однако сказать со мною нѣсколько словъ, еще приголубить меня и пригласить дня черезъ два къ себѣ обѣдать. Потомъ опять присылалъ онъ меня звать къ себѣ, потомъ.... потомъ не знаю какъ это сдѣлалось, я призналъ себя въ совершенномъ его распоряженіи. Онъ обошелъ меня, да и я кажется не совсѣмъ ему былъ противенъ. Даже графъ Кочубей расхвалилъ меня ему: я нѣкогда служилъ подъ его начальствомъ, но какъ было ему знать меня? Не принималъ ли онъ меня за отца моего? По соглашенію съ Кочубеемъ и Блудовымъ, условлено по прибытіи на мѣсто сдѣлать меня правителемъ особой канцеляріи бессарабскаго намѣстника.

Я, виноватъ, не пошелъ благодарить Булгакова; мнѣ не хотѣлось въ этомъ дѣлѣ признавать его участія. Итакъ, едва оставивъ службу, не думавъ, не гадавъ, я опять готовъ былъ поступить въ нее.

Мнѣ оставалось только отправиться надолго и въ долгій путь, поэтому непремѣнно надобно мнѣ было заѣхать въ Пензу, гдѣ меня ожидали и куда заблаговременно, не предвидя что со мною случится, отправилъ я свои пожитки и всю накопленную мною маловажную движимость.

VI.

Взявъ мѣсто въ дилижансѣ на 8-е іюня, я 7-го поѣхалъ въ Царское-Село обѣдать къ племяннику моему, Николаю Алексѣеву, который служилъ тамъ офицеромъ въ Гренадер-

скомъ полку императора австрійскаго. Тамъ гулялъ я въ саду, провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день рано утромъ, по условію съ кондукторомъ, сѣлъ въ остановившійся противъ квартиры племянника моего дилижансъ.

По этой части въ два года съ половиной нашелъ я большое усовершенствованіе: когда Русскіе станутъ перенимать, всегда стараются перещеголять свои образцы. Въ покойной четверомѣстной каретѣ, безъ всякаго стѣсненія, засѣлъ я съ тремя женщинами. Но если экипажъ былъ покоенъ, за то не общество, въ коемъ я находился. Оно состояло изъ одной, кажется, мадамъ Ледрю, по торговымъ своимъ дѣламъ отправившейся въ Москву, да изъ одной жены чиновника или помѣщика, Оловянниковой, съ горничною дѣвкой. Сія послѣдняя сидѣла со мной рядомъ насупротивъ двухъ барынь или дамъ; она была не стара, но толста, черна, глупа и зла; часто грубила даже госпожѣ своей. Француженка, какъ почти всѣ ея соотечественницы, была словоохотна; но ни слова не знала по-русски; русская была молода, скромна и учтива, не говорила по-французски, а почитала необходимою вѣжливостію отвѣчать на безпрестанно обращенныя къ ней рѣчи мадамы. Я нѣсколько времени служилъ имъ переводчикомъ, пока это мнѣ не надоѣло, и я рѣшительно отъ того отказался, за что мадамъ крайне осерчала на меня; толстая дѣвка во снѣ припирала меня къ стѣнкѣ, а я локтемъ въ бокъ будилъ ее. Такимъ образомъ провелъ я три дня съ половиной и пріѣхалъ въ Москву, не пользуясь пріязненнымъ расположеніемъ моихъ спутницъ.

Только до Бронницъ, за Новгородомъ, устроено было шоссе; далѣе должны мы были ѣхать прежнимъ, обыкновеннымъ путемъ; подъѣзжая къ Москвѣ, послѣднія двѣ станціи по выбитой дорогѣ показались намъ невыносимы.

По старинному обычаю, въ нашемъ семействѣ сохранившемуся, я въѣхалъ прямо въ домъ отсутствующей сестры моей, на Старой Конюшенной. Она съ мужемъ зажилась въ Пензѣ, отпраздновавъ свадьбу брата. Но ихъ со дня на день ожидали, что и задержало меня нѣсколько въ Москвѣ, ибо мнѣ не хотѣлось дорогой разъѣхаться съ ними. Городъ былъ пустъ, по крайней мѣрѣ для меня; небольшое число моихъ знакомыхъ находилось въ деревняхъ. Но я не скучалъ, совершенно велъ жизнь любопытнаго путешественника. Всякій разъ когда я пріѣзжалъ въ Москву послѣ пожара, она являлась мнѣ въ новой красотѣ. Въ этомъ году весной

былъ открытъ такъ-называемый Кремлевскій садъ: грязная Неглинная, протекавшая черезъ гадкое болото, заключена въ подземный сводъ, а на поверхности ея явился прекрасный садъ или бульваръ, зеленою лентой опоясывающій почти весь Бѣлый Кремль. Въ этомъ мѣстѣ, которому подобнаго нѣтъ въ центрѣ Петербурга, проводилъ я вечера. Наконецъ воротились мои Алексѣевы: пробывъ съ ними сутокъ двое и съ помощію зятя добывъ хорошую бричку на рессорахъ, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Я могъ бы потерять счетъ проѣздамъ моимъ по Владимірской дорогѣ въ Пензу. На этотъ разъ мнѣ ровно нечего было бы говорить о немъ, еслибы не случилось со мной одно происшествіе, которое могло бы кончиться для меня несчастнымъ образомъ, и о которомъ упоминаю здѣсь потому только что нечего другаго сказать. За Муромомъ, проѣзжая лѣсами, около станціи Кулебаки, откуда ни возьмись голодный, чуть ли не бѣшеный волкъ. Сперва онъ издали гнался за повозкой моей, потомъ подскочилъ такъ близко, что я слышалъ какъ онъ щолкаетъ зубами; не понимаю чего онъ испугался и скрылся въ лѣсъ. Со мною не было огнестрѣльнаго оружія; въ смирной Россіи почиталъ я это излишнимъ, а испуганный ямщикъ бранилъ меня за то. Во весь опоръ по песку гналъ онъ тройку свою, предвидя новое появленіе волка. Онъ не ошибся: изъ чащи волкъ стрѣлой прямо бросился на лошадей, но, къ счастію, далъ промахъ, очутился на другой сторонѣ дороги и въ удивленіи остановился. Показался мостъ; проскакавъ его, ямщикъ объявилъ, что опасность миновалась.

Я благополучно прибылъ въ Пензу къ вечеру 22-го іюня. Еслибы не всегда этотъ городъ вмѣщалъ въ себѣ драгоцѣнные для меня залоги, я приближался бы къ нему, кажется, столь же равнодушно, какъ ко всякому незнакомому мнѣ уѣздному городку. Тутъ былъ я обрадованъ укрѣпившимися съ виду силами матери моей; лѣтомъ она всегда оживала. Не менѣе наслаждался я картиной супружескаго нѣжнаго согласія новобрачныхъ, брата моего и невѣстки. „Боже мой, говорилъ онъ мнѣ, какъ счастіе было близко, у меня въ глазахъ, подъ руками, и я не понималъ его! Надобно было чтобы другіе заставили меня вкусить его; сколько лѣтъ ранѣе я могъ бы пользоваться имъ!“ Пріятно мнѣ было также увидѣть въ первый разъ небольшое семейство нарожденное меньшою

сестрой моею, Александрой; оно состояло изъ дочери Дарьи и сына Ивана. Въ мужѣ ея, Юматовѣ, было столько же странностей какъ и въ ней самой; они часто ссорились, за то нѣжнѣе мирились, и оттого, мнѣ кажется, жили очень счастливо.

Мнѣ судьба была пріѣзжать въ Пензу къ неизбѣжной Петровской ярмаркѣ. На ней было довольно шумно, и я увидѣлъ нѣсколько новыхъ лицъ, въ Пензѣ поселившихся, между прочимъ, — молодыхъ, образованныхъ дамъ: какъ знакомство мое съ ними было тогда мимоходное, то и не буду здѣсь говорить о нихъ. Губернаторъ Лубяновскій жилъ въ большихъ ладахъ съ моимъ семействомъ; въ губерніи не очень уже любили его, но онъ умѣлъ заставлять всѣхъ повиноваться себѣ.

Зрѣлищемъ совершенно для меня новымъ въ Пензѣ были войска, въ ней и вокругъ нея расположенныя. Съ незапамятныхъ временъ, кромѣ ополченія 1812 года да внутренней стражи, другихъ воиновъ не видали въ ней. Дивизіей начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ѳедоровичъ Эмме, семидесятилѣтній старецъ, совсѣмъ не маститый. Чудесно-крѣпкаго сложенія, онъ еще бѣгалъ, въ саду у брата моего, при мнѣ перепрыгивалъ черезъ довольно широкій ровъ, въ четвертый разъ былъ женатъ (у Нѣмцевъ это дозволено). Хотя онъ и смотрѣлъ молодцомъ, но о военныхъ подвигахъ его что-то мало знали. Получивъ изрядное образованіе, онъ въ обществѣ бывалъ довольно пріятенъ и веселъ.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать въ Кіевѣ; проѣхать близъ его, не взглянувъ на него, мнѣ казалось и грѣхомъ, и великимъ для меня лишеніемъ. Также нужно мнѣ было поспѣть въ Одессу, въ одно время съ Воронцовымъ, гораздо послѣ меня изъ Петербурга выѣхавшимъ. Я сталъ торопиться, но можно ли скоро вырваться отъ родныхъ? Мнѣ должно было отпраздновать съ братомъ день именинъ его, 29-го іюня, а потомъ день именинъ новобрачной и матери ея, Маріи Адріяновны Чемесовой, 4-го іюля. Но на другой же день, 5-го числа, послѣ обѣда, я оставилъ Пензу.

Мать моя, съ сестрой, братомъ и невѣсткой, по приглашенію семейства Ступишиныхъ, поѣхали провожать меня до селенія ихъ, Пановки, въ 35 верстахъ близъ Тамбовской дороги находящагося. Съ симъ семействомъ давно уже у насъ послѣдовало примиреніе. Не только Агнія Дмитріевна была жива, но и въ глубокой старости мать ея, Елизавета Петровна Леонтьева. Дочь ея, Александра Ивановна, нѣсколько

лѣтъ уже овдовѣвшая, жила съ нею. Итакъ, три поколѣнія вдовъ и двое сиротъ составляли семейство сіе.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ я Пановку и любовался ея господскимъ домомъ. Онъ былъ длиненъ, просторенъ и чисто, хорошо отдѣланъ, съ иголочки. Въ продолженіе этого времени, владѣльцы его, вдаваясь въ разныя чрезмѣрныя издержки, мало заботились о его поддержаніи; съ другой стороны, въ это время роскошь при убранствѣ комнатъ чрезвычайно увеличилась. Мнѣ предсталъ онъ тутъ съ своими обнаженными внутри стѣнами, въ видѣ клонящагося къ паденію сарая, нищенски прибраннаго. Отовсюду въ этомъ домѣ вѣяло разореніемъ; казалось, что двѣ хозяйки и фортуна ихъ готовы скоро рухнуться. Это чувство умножало грусть мою при разлукѣ съ матерью. Переночевавъ, отобѣдавъ и принявъ материнское благословеніе, 6-го числа я пустился далѣе.

Я ѣхалъ шибко ночью и днемъ: чуть разсвѣтало 7-го числа я былъ уже въ Чембарѣ. Не вылѣзая изъ брички, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ я на соборъ и на небольшія казенныя и частныя каменныя строенія вокругъ него, и вспомнилъ деревушку, которая лѣтъ за двадцать занесена тутъ была снѣгомъ. Днемъ проѣхалъ я Кирсановъ, а 8-го, рано утромъ, пріѣхалъ въ Тамбовъ. Я остановился въ какомъ-то чистенькомъ домикѣ и пролежалъ весь день: жары становились несносны, и я рѣшился днемъ отдыхать и ѣхать только ночью. Для сокращенія пути до Кіева, я намѣренъ былъ слѣдовать особому маршруту, который г. Лубяновскій имѣлъ обязательность дать мнѣ передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы.

Съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ я изъ Тамбова по совершенно гладкой дорогѣ. Уѣздный городъ Козловъ, хорошо обстроенный, чрезъ который я проѣхалъ ночью, съ просонья показался мнѣ губернскимъ. Солнце начинало уже палить когда 9-го пріѣхалъ я въ Липецкъ. Небольшой, чистый, хорошенькій городокъ весь былъ занятъ чающими движенія воды. За лощиной, въ которой находится цѣлебный ключъ, въ какомъ-то выселкѣ, нашли мнѣ пріютъ на постояломъ дворѣ. Мнѣ показалось тѣсно, душно, и я поселился въ темномъ чердакѣ. Тамъ было нѣсколько прохладнѣе, но жаръ на дворѣ былъ африканскій: я мало ѣлъ, за то черезчуръ много пилъ лимонаду, отчего въ желудкѣ моемъ произошла большая революція. Когда къ вечеру она немного поутихла, я пошелъ взгля-

нуть на заведеніе, коему подобнаго еще никогда не видалъ. Небольшой садъ и длинная простая деревянная галлерея служили украшеніемъ сборному мѣсту. Такъ какъ уже смерклось, то гуляющихъ почти никого не было; я встрѣтилъ, однакожь, одного знакомаго, младшаго изъ Голицыныхъ, князя Владиміра Сергѣевича, тогда кавалерійскаго полковника. Я пошелъ къ минеральному колодцу отвѣдать его воды; ея желѣзистый вкусъ понравился мнѣ, и я выпилъ три стакана, отчего совсѣмъ прошелъ мой недугъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я было захворалъ и исцѣлился въ Липецкѣ.

Давно уже извѣстно, что липецкая вода, подобно пирмонтской и нарзану, укрѣпляетъ только совершенно разслабленныхъ, а въ другихъ болѣзняхъ бываетъ вредна. По невѣдѣнію и не ознакомясь еще съ заграничными путешествіями, многіе посѣщали ея источникъ. Теперь число ихъ невелико, но привычка видѣть тутъ увеселительное лѣтнее мѣсто осталась. Изъ околотка всѣ помѣщики съ деревенскими запасами пріѣзжаютъ пожить дешевымъ и пріятнымъ образомъ: даже изъ обѣихъ губерній, на границѣ коихъ Липецкъ, кто на недѣлю, кто на двѣ пріѣзжаютъ погулять въ немъ. Являются за барышами игроки, комедіанты, а городокъ богатѣетъ и украшается, и говорятъ, что и попынѣ цвѣтетъ.

Отъ Липецка до Ельца слѣдовалъ я маршруту Лубяновскаго: говорили, что тутъ отъ сорока до пятидесяти верстъ; мнѣ показалось что болѣе полутораста. Ночью, на наемныхъ лошадяхъ, безъ перемѣны и по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, мнѣ приходило не въ мочь. Замѣчательно было одно большущее село, называемое Патріаршимъ; за нимъ по мостику переѣхалъ я черезъ узкій Донъ и вступилъ въ Орловскую губернію. Не совсѣмъ было рано утромъ, когда 10-го числа пріѣхалъ я въ Елецъ.

По народонаселенію своему и по наружности городъ этотъ больше и красивѣе многихъ губернскихъ. Въ немъ квартировалъ штабъ конноегерской дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Павла Петровича Палена, при коемъ, по несчастію, находился адъютантомъ старшій племянникъ мой, поручикъ Александръ Алексѣевъ. Я безъ спросу въѣхалъ прямо къ послѣднему, а онъ безъ притворства обрадовался мнѣ. Втроемъ, съ двумя товарищами, Ворожейкинымъ и княземъ Ухтомскимъ, занималъ онъ довольно боль-

шой купеческій домъ, и всѣ потѣснились чтобы дать мнѣ особую, хорошую комнату.

На поляхъ сраженій Паленъ подружился съ отцомъ Алексѣева и взялъ къ себѣ сына. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ отъ своихъ адъютантовъ, онъ въ тотъ же день велѣлъ взять меня къ себѣ обѣдать. Старшій сынъ знаменитаго Палена, онъ совсѣмъ не походилъ на меньшихъ братьевъ своихъ. Это былъ обрусѣвшій въ нашей арміи прусскій гусаръ, неискусный воинъ, но смѣлый рубака. Сперва онъ былъ женатъ на послѣдней отрасли графовъ Скавронскихъ, въ другой разъ не знаю на комъ, а въ третій на казачкѣ Катеринѣ Васильевнѣ Орловой-Денисовой. Безъ всякаго воспитанія, съ однимъ врожденнымъ женскимъ желаніемъ нравиться, она умѣла быть занимательною и любезною: онъ же былъ просто учтивъ, но ни къ кому не внимателенъ. Жену его удавалось мнѣ послѣ того нѣсколько разъ видѣть, его же никогда.

Чего уже не было нѣсколько дней, согласился я ночевать въ постелѣ. На другой день, 11-го, жаръ опять остановилъ меня, опять обѣдалъ я у Палена и выѣхалъ только ночью не по большой, не по проселочной, а по уѣздной дорогѣ въ городъ Ливны.

И въ этомъ городѣ, который уже совсѣмъ не походилъ на губернскій, и куда пріѣхалъ я 12-го рано поутру, ожидало меня гостепріимство. Не знаю, говорилъ ли я гдѣ о двухъ близнецахъ, братьяхъ Беклемишевыхъ, родныхъ племянникахъ зятя моего Алексѣева? Съ самаго ребячества находились они подъ покровительствомъ цесаревича Константина Павловича; онъ записалъ ихъ въ конную гвардію, въ то же время воспитывалъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по производствѣ въ конногвардейскіе офицеры содержалъ ихъ на свой счетъ. Отъ колыбели до полковничьяго чина дня не были они въ разлукѣ и разстались тогда только, когда каждому дали по полку. Одинъ изъ нихъ, Андрей Николаевичъ, у котораго и душа, и кошелекъ были на распашку, командовалъ тутъ конноегерскимъ полкомъ короля Виртембергскаго. Изъ Ельца былъ онъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, но это было ненужно. Ухвативъ меня, онъ скорѣе уложилъ меня спать и долго дожидался моего пробужденія, чтобы сѣсть за обѣдъ. Когда вечеромъ я готовъ былъ къ отъѣзду, нашли черныя тучи, сдѣлалась сильная гроза, и въ Ливнахъ ливмя пошелъ дождь. Не надѣясь переждать его, я остался ночевать.

Ночью лило какъ изъ ведра, а когда поутру, 13-го, солнце выглянуло, и я сѣлъ въ повозку, то совсѣмъ не было грязи: пересохшая, алчная земля поглотила всю влагу. Слѣдуя путевому указателю моему, по какой дорогѣ поѣхалъ я? Право, разказать теперь не могу; знаю только, что по самой кротчайшей, къ Курску. Въ иномъ мѣстѣ находилъ я почтовыхъ лошадей, въ другомъ обывательскихъ. Разстояніе вѣрно также было изрядное, ибо около сутокъ проѣхавъ шибко, 14-го пріѣхалъ я въ Курскъ, когда едва начинало свѣтать. Я остановился тамъ, куда привезъ меня ямщикъ, на постояломъ дворѣ.

Въ Петербургѣ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ знакомъ, князь Григорій Петровичъ Трубецкой, просилъ меня на случай проѣзда моего черезъ Курскъ доставить небольшую посылку зятю, его губернатору, Алексѣю Степановичу Кожухову, и далъ къ нему письмо. Порядочно выспавшись, часу въ одиннадцатомъ я отправился къ этому господину. Онъ встрѣтилъ меня въ губернаторскомъ домѣ посреди просителей и залы безъ стульевъ. Важность, съ которою игралъ онъ роль свою, поправилась мнѣ. Не столько себѣ, какъ званію своему, обязаны губернаторы возвышать его и наружными формами. Онъ обошелся со мною какъ съ петербургскимъ пріѣзжимъ и сказалъ, что какъ самъ я вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мной, а проситъ часа въ два пожаловать къ нему обѣдать на дачу.

Она находилась въ верстѣ отъ города, въ узкой, густыми деревьями осѣненной долинѣ, принадлежащей архіерейскому дому. Въ этихъ разъѣздахъ я могъ хорошо разсмотрѣть Курскъ, украшенный тогда одною большою, каменными домами обставленною улицей. Я уже былъ въ немъ зимой 1802 года, не видавъ его: съ замерзшими стеклами, сидѣлъ я закутанный въ возкѣ, и болѣе часу мы съ матерью не оставались въ немъ. Кожуховъ представилъ меня женѣ своей, Аннѣ Петровнѣ, урожденной Трубецкой. Она совсѣмъ не была красавица, но трудно было найдти милѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гибче ея стана.

За столомъ, за которымъ, считая меня, было насъ всего человѣкъ пять, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ, если я тороплюсь, отправиться въ ту же ночь или пробыть тутъ весь слѣдующій день.

— За окрестности Курска я отвѣчаю, сказалъ онъ, — но въ прилегающихъ къ Малороссіи уѣздахъ нерѣдко бываютъ

ночные разбои: несмотря на всѣ мои старанія, я не совсѣмъ могъ унять ихъ. И лучше, и вѣрнѣе мѣста эти проѣхать днемъ.

Я послушался его совѣта, ночью ѣхалъ преспокойно и вступилъ въ опасныя, по словамъ его, мѣста, когда совсѣмъ разсвѣтало. Тутъ нѣкогда была русская граница, чрезъ которую украинская вольница тайно переходила для хищничества; къ ней приставали и наши бродяги. Все это послѣ поселено съ правами однодворцевъ: и поздѣйшее потомство этихъ людей не совсѣмъ могло отстать отъ ремесла предковъ. Я увидѣлъ городъ Льговъ рано поутру, Рыльскъ около полудня, а довольно большой и некрасивый Глуховъ, когда послѣдніе лучи солнца освѣщали его колокольни.

Наконецъ, я опять въ Малороссіи, съ неизъяснимою радостью сказалъ я себѣ, — опять на дорогѣ, по которой первый разъ въ жизни проѣхалъ я отрокомъ! Мнѣ хотѣлось наглядѣться на мѣста, чрезъ кои проѣзжалъ, наслушаться съ ребячества знакомыхъ рѣчей: темнота ночная скоро покрыла одни, а другія умолкли, ибо утомленный дневными трудами народъ скоро предался сну. Въ сердечномъ волненіи, я не скоро могъ заснуть, думаю, передъ разсвѣтомъ; а когда проснулся, 16-го числа, былъ далеко внутри моей любезной Хохландіи. На станціяхъ не только смотрители, всѣ ямщики говорили по-русски безошибочно, хотя съ дурнымъ выговоромъ. Мнѣ бы слѣдовало радоваться видя непринужденное преобладаніе нашего господствующаго народа, но любимыя мѣста пріятно мнѣ находить точно въ такомъ видѣ, въ какомъ я оставилъ ихъ. Оттого-то и городъ Нѣжинъ, чрезвычайно много противъ прежняго выигравшій, не порадовалъ меня.

Меня тревожилъ дорогой нарывъ на боку. Во снѣ, вѣрно, я неловко какъ-нибудь поворотился, ибо чрезвычайно сильная боль разбудила меня 17-го рано поутру. Скоро я забылъ о ней: на дальнемъ горизонтѣ сквозь вѣтви деревьевъ передо мной что-то блеснуло. Я подъѣзжалъ къ послѣдней станціи, Броварамъ, и это была Печерская глава, маякъ православной вѣры, которому, завидѣвъ его издали, ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ крестясь поклоняются. Очень рѣдко случалось мнѣ плакать отъ печали, почти никогда отъ радости: тутъ откуда ни возьмись слезы. Чувство и родное, и религіозное, и патріотическое вмѣстѣ возбудилъ во мнѣ этотъ

минутный блескъ, скрывшійся скоро за деревьями. Въ Броварахъ, на мое счастіе, былъ весьма добрый станціонный смотритель, который, замѣтивъ мое умиленное нетерпѣніе, далъ мнѣ тройку лихихъ курьерскихъ лошадей; съ ними восьмнадцать верстъ проскакалъ я по сыпучему песку, точно такъ же какъ и по мосту черезъ Днѣпръ.

На Печерскомъ форштатѣ, въ жидовскомъ трактирѣ, котораго при мнѣ не было, остановился я. Послѣ отсутствія, продолжавшагося болѣе двадцати одного года, я увидѣлъ опять Кіевъ. Несмотря на жаръ и на нарывъ, какъ бы опьянѣлый я пошелъ ходить, и прежде всего посѣтилъ крѣпость, теплое гнѣздо мое, и о радость! ни что въ ней тогда не перемѣнилось. Зашелъ помолиться въ лавру, также въ ближнія и дальнія пещеры. Сталъ разспрашивать объ архимандритѣ Кипріанѣ, объ іеромонахахъ Павлинѣ и Трифиліи, часто вхожихъ въ нашъ домъ: ихъ давно не было въ живыхъ. Вступая въ разговоры съ монахами, довольно уже немолодыми, я припомнилъ имъ объ отцѣ моемъ и о нашемъ семействѣ: ни о немъ, ни о насъ никто изъ нихъ и не слыхивалъ.

И мѣсто, гдѣ поднесь цвѣли,
Насъ болѣ не признаетъ.

Горько было мнѣ подумать, съ какою быстротой время стираетъ слѣды наши.

Съ утомленными душой и тѣломъ, воротился я обѣдать въ свой трактиръ, а потомъ отдохнулъ. Припоминая себѣ всѣхъ простосердечныхъ и добродушныхъ людей, которые любили мое младенчество, и которыхъ я самъ любилъ, подумалъ я: неужели ни одного изъ нихъ нѣтъ на свѣтѣ? взялъ дрожки и пустился въ поиски. Въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ пріятныя открытія.

Первый, кого я отыскалъ, былъ Павелъ Харитоновичъ Зуевъ, весьма умный человѣкъ, совѣтникъ уголовнаго суда, въ самый годъ послѣдняго выѣзда моего изъ Кіева женившійся на Катеринѣ Петровнѣ, дочери почтенной Ульяны Константиновны Веселицкой, которую читателю не слѣдовало бы забыть. Когда я назвался, мужъ и жена вскрикнули отъ радости; наслышанныя о моемъ семействѣ, подростія, довольно большія дѣти обошлись со мною какъ съ давно знакомымъ Стыдно сказать, кому тутъ еще обрадовался я? Арапу, бьющему въ бубны и стоящему на старинныхъ столовыхъ ча-

сахъ, принадлежавшихъ покойной Веселицкой, чуду механики, которому дивился я въ ребячествѣ.

Скоро потомъ нашелъ я вдову лысаго лѣкаря нашего, Яновскаго. Потерявъ мужа, выдавъ дочерей замужъ и давно отпустивъ сыновей въ военную службу, она жила сиротой въ собственномъ небольшомъ домикѣ, который для нея одной казался ей слишкомъ просторнымъ. Она начинала терять зрѣніе и даже по голосу, въ мущинѣ приближающемся къ сорокалѣтнему возрасту, не безъ труда могла узнать знакомаго ей мальчика. Но когда узнала, то заплакала, и нѣтъ нѣжныхъ выраженій на украинскомъ нарѣчіи, которыхъ бы она не переговорила мнѣ.

Еще я обрѣлъ старца, отца Стефана, священника комендантской церкви. Этотъ съ перваго взгляда узналъ меня, всталъ, обратился къ иконамъ и началъ благодарить Бога, что Онъ далъ узрѣть ему хотя сына добродѣтельной матери моей. Онъ жилъ на покоѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи, окруженный многочисленнымъ потомствомъ, и уже молодой внукъ его заступалъ его мѣсто въ крѣпости. Одна только добрая Василиса Тихоновна, моя Шехеразада, не дождалась меня: жестокая умерла за мѣсяцъ до моего пріѣзда.

Насчетъ сихъ лицъ я хотѣлъ было отослать читателя къ первымъ страницамъ сего безконечнаго повѣствованія. Но мнѣ и такъ уже совѣстно занимать его совсѣмъ не занимательными для него предметами. Что же мнѣ дѣлать! воспоминанія этого новаго пребыванія моего въ Кіевѣ такъ живо мнѣ являются, что подъ перомъ моимъ сами собою выступаютъ на бумагу.

Возвратясь на родину безъ вышепоименованныхъ лицъ, могу сказать, увидѣлъ бы ее вовсе чуждою себѣ. Польскіе помѣщики замѣнили въ ней малороссійскихъ, но и они жили болѣе въ деревняхъ. Лѣтъ двѣнадцать не было уже въ Кіевѣ военнаго или генералъ-губернатора. Первенствующею въ немъ особой находился тогда корпусный командиръ, Николай Николаевичъ Раевскій.

Преемникомъ Масса, преемника отца моего, былъ хворый братъ Аракчеева, Петръ Андреевичъ; но мнѣ никакого слѣда не было ѣхать къ нему. Съ губернаторомъ, нѣкогда петербургскимъ полицеймейстеромъ, мнѣ знакомымъ, Иваномъ Гавриловичемъ Ковалевымъ, я встрѣтился на улицѣ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Хотя онъ былъ холостой,

но жилъ не на холостую руку; у него хозяйничали двѣ старыя дѣвы, сестры его. Связь между сими тремя существами была изумительна и трогательна: нигдѣ я не видалъ такой братской любви. Ковалевъ былъ слишкомъ кротокъ для занимаемаго имъ мѣста, и я тогда же предвидѣлъ что онъ на немъ долго не останется.

Трехъ дней было мнѣ достаточно чтобъ осмотрѣть всѣ знакомыя мнѣ мѣста и даже нѣкоторыя изъ окрестностей Кіева. Между прочимъ, я заѣзжалъ и на хуторъ, принадлежавшій моему отцу, гдѣ было наше лѣтнее мѣстопребываніе. Онъ проданъ купцу Киселевскому и брошенъ имъ; старый домъ былъ разобранъ, и на его мѣстѣ построены двѣ-три хаты. Все-таки я могъ наглядѣться на то что сохранилось въ прежнемъ видѣ, — на прудъ, на плотину, на плодовитый садъ и на рощу, по тропинкамъ которой я рѣзвился когда-то. Отъ удовольствія и сожалѣнія, право, иногда замиралъ во мнѣ духъ. Хотя онъ былъ собственностью отца моего, а странное дѣло, и понынѣ всѣ называютъ его комендантскимъ хуторомъ.

Въ Одессу изъ Кіева ведутъ всѣ пути какъ въ Римъ. Мнѣ сказали, что ихъ нѣсколько; какъ мнѣ было выбирать изъ нихъ? У меня было письмо отъ матери къ графинѣ Браницкой, и потому сперва я поѣхалъ въ Бѣлую-Церковь, въ ночи съ 20-го на 21-е іюля.

Ночи въ это время бываютъ еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой-Церкви живала графиня только по зимамъ; лѣтомъ же — въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александріи, собственными ея стараніями возращенномъ огромномъ паркѣ. Я прямо проѣхалъ туда и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя нашелъ я на концѣ его, удивить меня не могли. Надъ каменнымъ двухъэтажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостиницу, большими буквами выставлено было слово Аустеріа, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее послѣ чая или завтрака одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостиной, и кабинетомъ, въ черномъ тавтяномъ довольно поношенномъ капотѣ, въ бѣломъ довольно за-

ношенномъ чепцѣ. Она не расточительна была на ласки и привѣтствія; за то простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мной о матери моей, она сказала, что я непремѣнно сколько-нибудь долженъ погостить у нея, а потомъ позвонивъ, велѣла во флигелѣ отвести мнѣ двѣ или три весьма чистыя комнаты.

Въ этой женщинѣ было такъ много оригинальнаго, что немного распространиться о ней считаю вовсе не излишнимъ. При необъятномъ ея богатствѣ, всѣ говорили, что она чрезмѣрно скупа, и я имѣлъ тутъ случай убѣдиться въ томъ; за то на доброе дѣло случалось ей бросать по сту и по двѣсти тысячъ рублей. Въ этой русской барынѣ, совершенно старинной помѣщицѣ, было такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ Полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было напечатано на ней.

За обѣдомъ, исключая хозяйки и меня, сидѣли четыре женщины и одинъ мущина, и вотъ кто они были:

Младшая дочь, графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена моего будущаго начальника. Ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другимъ могъ бы надоѣсть свѣтъ, она жила дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу она вышла за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее.

Какъ контрастъ сидѣла подлѣ нея дочь генерала Раевскаго, Елена Николаевна, дѣва еще не старая, но мрачная и больная. Графиня Браницкая приходилась двоюродною теткой Николаю Николаевичу, и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство.

Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь кіевскаго совѣтника, Николая Ивановича, о коемъ говорилъ я въ началѣ сихъ записокъ. Я имѣлъ все право назвать ее пожилою дѣвой, ибо еще въ малолѣтствѣ моемъ я знавалъ ее уже совершеннолѣтнею. Она сама себя отлично образовала и своею любезностію точно служила украшеніемъ сему небольшому обществу.

Я не только не спросилъ объ имени четвертой женщины, какой-то шляхтянки, панни-экономки, но даже хорошенько не поглядѣлъ ей въ лицо, хотя она сидѣла рядомъ со мною.

Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидѣлъ тутъ

Англичанинъ, докторъ, длинный, худой, молчаливый и плѣшивый, которому Воронцовъ поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолѣтней дочери: передъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обѣдъ былъ вкусный и обильный, но вина за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку передъ Англичаниномъ, сказала только: „гостю“. Тотчасъ явилась передо мной другая бутылка, и я выпилъ изъ нея рюмки двѣ; опорожнить же ее помогла мнѣ моя сосѣдка, Полька. Замѣтно было, что она пользовалась не вседневнымъ случаемъ.

Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня сама предложила мнѣ показать свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами, она не могла ходить, и два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствовалъ ей пѣшкомъ. „Посмотри, батюшка, сказала она мнѣ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, здѣсь было голое поле, прутика не видать было, а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу.“ Быстрая рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ вьющаяся по волѣ, протекаетъ весь этотъ длинный садъ. Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близь рѣчки сохраняла она только свою свѣжесть, и большіе голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея насажденные, казались безконечною сапфировою цѣпью. Всѣхъ прелестей этого очаровательнаго мѣста я описывать не буду; ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой: деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, проговаривала она: „голубчикъ, красавецъ ты мой!“ съ досадой отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: „я этихъ терпѣть не могу;“ однакоже не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва я не чувствовалъ усталости, но наконецъ готовъ былъ въ ней признаться моей вельможной путеводительницѣ, когда закатъ солнца заставилъ насъ воротиться.

Слѣдующій день я провелъ почти такимъ же образомъ. Дѣлаясь довѣрчивѣе и смѣлѣе съ графиней, я заговорилъ ей про толки, которые идутъ о ея капиталахъ, и находилъ, что, по моему мнѣнію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. „Не знаю, право, батюшка, навѣрное не могу сказать, а кажется, у меня двадцать восемь милліоновъ,“ отвѣчала она. Потомъ прибавила: „меня всѣ бранятъ за то что я не строю дворца: я люблю садить, а не строиться; одно потруднѣе

другаго и требуетъ гораздо болѣе времени. Послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего."

Изъ Бѣлой-Церкви чѣмъ свѣтъ выѣхалъ я 23-го числа по тракту мнѣ тамъ указанному. Первый городокъ, который увидѣлъ я, былъ ледащій Таращъ, а послѣ большое мѣстечко, Ольшаны, принадлежащее Василью Васильевичу Энгельгардту, племяннику Потемкина и брату Браницкой. Тутъ я могъ немного своротить съ дороги, чтобы взглянуть на Казацкое, гдѣ провелъ я годъ моего отрочества, и мнѣ до смерти того хотѣлось, но время становилось дорого, и околесивъ большую часть Россіи, дорога начинала надоѣдать мнѣ. Отъ Ольшанъ и Казацкаго вплоть до Херсонской губерніи идутъ имѣнія, купленныя Потемкинымъ у князя Любомірскаго; изъ нихъ могло бы составиться княжество Потемкинское, пространнѣе и богаче иного нѣмецкаго герцогства. Послѣ его смерти они раздѣлены между потомками трехъ сестеръ, и каждому изъ наслѣдниковъ досталось болѣе пяти тысячъ душъ. Въ тотъ же вечеръ я проѣхалъ Шполу, доставшуюся Дарьѣ Николаевнѣ Лопухиной, внукѣ сестры его, а рано утромъ — Золотополье, принадлежащее Николаю Петровичу Высоцкому, сыну той же сестры. Тотчасъ послѣ сего мѣстечка вступаешь въ Новороссійскій край.

Не знаю, кѣмъ или при комъ построенъ Новомиргородъ. Въѣхавъ въ него 24-го числа, я еще искалъ его. Вдали отъ соборной церкви разбросаны небольшія строенія, находящіяся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга: мнѣ показалось это основой или кадромъ города. Опять не знаю, поступилъ ли онъ тогда въ вѣдомство военныхъ поселеній, только на каждомъ шагу встрѣчались въ немъ уланы разныхъ чиновъ. Я пустился далѣе.

Отъ Новомиргорода, то что̀ показалось мнѣ степью симъ именемъ еще назвать нельзя; являются пригорки, лѣски, вѣроятно, насажденные. Утомленный, гораздо прежде до захожденія солнца, я пріѣхалъ въ Елисаветградъ, или крѣпость Св. Елизаветы, построенную въ царствованіе Елизаветы Петровны. Это было при ней крайнимъ, а въ наше время уже не новымъ владѣніемъ Россіи. Я остановился тутъ, ибо городъ, хорошо обстроенный, окруженный садами похожими на рощи, представлялъ мнѣ удобное мѣсто для отдохновенія. Въ

деревянномъ трактирѣ, въ которомъ я остановился, былъ длинный рядъ чистенькихъ, бѣленькихъ комнатъ, обнесенныхъ, по южному обычаю, наружною, открытою галлереей. Изъ нихъ я занялъ одну, но всѣ остались въ моемъ распоряженіи, ибо всѣ были пусты. Смертельную жажду, которую чувствовалъ, я утолялъ кавунами, по нашему арбузами, которыхъ съ полдюжины принесли мнѣ за полтину. Мнѣ нужно было успокоиться, укрѣпиться для перенесенія трудовъ слѣдующаго дня.

Я не имѣлъ понятія о тоскѣ пополамъ съ ужасомъ, которую чувствуешь проѣзжая полуденными степями; я узналъ ее 25-го іюля. Надо мною и подо мною была степь, одна безоблачная, другая безлѣсная. Благотворное въ другое время свѣтило безпощадно горѣло надо мною. Ни малѣйшаго вѣтерка, ну точно стиль среди тропическихъ морей. Ни ручейка, ни деревца, ни хатки, которыя бы прервали угрюмое однообразіе сихъ мѣстъ. Во время вешнихъ дождей, видъ на безконечное зеленое пространство, говорятъ, дѣйствительно бываетъ пріятенъ; но тутъ трава не пожелтѣла, а почернѣла, и какъ зола, хрустя разсыпалась подъ ногами. Какъ нить Аріадны тянулась цѣпь пирамидообразныхъ столбиковъ, разныхъ величинъ, сооруженныхъ изъ битой земли, выбѣленныхъ и означающихъ версты, полуверсты и четверти верстъ. Они походили на надгробные памятники, и бѣлизна ихъ на черноткѣ грунта еще болѣе придавала всему траурный видъ.

Растаявшіе снѣга для стока ищутъ небольшія лощины, каждый годъ роютъ ихъ глубже и такимъ образомъ вѣками изрыли глубокіе овраги, называемые тутъ балками. Въ нихъ зимой со степи надуваетъ болѣе снѣгу, онъ долѣе держится въ нихъ, даже лѣтомъ сохраняютъ онѣ нѣкоторую влажность, и отъ безпрепятственно въ полѣ бушующихъ вѣтровъ нѣсколько защищены своими берегами. На днѣ ихъ преимущественно, даже исключительно, построены селенія; но чтобъ увидѣть ихъ, надобно подъѣхать къ нимъ и спуститься въ оврагъ. На станціяхъ, въ нихъ устроенныхъ, я находилъ землянки, которыя привлекали меня своею прохладой и на четверть часа, иногда на полчаса останавливали меня. Названія сихъ станцій, между прочимъ, Сугоклея, Громоклея, суть на языкѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ; не на печенѣжскомъ ли? не на хазарскомъ ли? Отъ Елисаветграда сдѣлавъ 180 верстъ,

гораздо за полночь пріѣхалъ я въ Николаевъ, главный черноморскій военный портъ.

Куда меня привезли, право не знаю; сказали что въ трактиръ. Еслибъ я успѣлъ заснуть, то отъ чрезвычайной усталости вѣрно бы такъ крѣпко, что не почувствовалъ бы мученія, на какое осужденъ былъ. Милліоны блохъ, гораздо больше и злѣе нашихъ, осыпали меня; я подумалъ, что постель моя посыпана рубленою щетиной. Я всталъ, велѣлъ подать свѣчку, ужаснулся числу враговъ моихъ, окатился водой и перебрался въ свою бричку. Тамъ уснулъ, но вѣрно не посмотрѣлъ на часы, ибо сказалъ, чтобы не дожидаясь моего приказа, со свѣтомъ запрягали лошадей, а онъ показался черезъ часъ. Я проснулся и пустился на новую пытку. Когда я въѣхалъ въ Николаевъ, была совершенная темнота; когда выѣхалъ изъ него, мнѣ было не до любопытства, и потому на этотъ разъ я почти не видалъ его.

Во время утренней прохлады, на паромѣ переправился я черезъ широкій Бугъ. Сильное волненіе въ крови моей поутихло, и я опять немного могъ заснуть, но скоро жаръ разбудилъ меня. Степь начинаетъ терять тутъ свое однообразіе. Море, выступившее во внутренность земли заливами или лиманами, удаляясь подъ симъ послѣднимъ именемъ, оставило за собой озера, отдѣленныя отъ него довольно большимъ пространствомъ, чрезъ которое надлежало мнѣ проѣзжать. Наконецъ я увидѣлъ третью степь, влажную, голубую, хотя и называютъ ее Черными моремъ, и это немного развеселило во мнѣ духъ. На семъ пути замѣтны не такъ давно совершившіяся превращенія въ этомъ краю. Станціи или селенія носятъ по два имени, одно — прежнее татарское, другое — полурусское, полуевропейское: такъ, напримѣръ, Тилигулъ, принадлежащій Англичанину Кобле, бывшему одесскому коменданту, получилъ названіе Коблевки; Аджеликъ, гдѣ Французъ Дофине, сперва поваръ, потомъ дворецкій Потемкина, наконецъ чиновникъ, поселилъ небольшое число крестьянъ, названъ Дофинкой. Солнце уже сѣло, когда съ сей послѣдней станціи я пустился въ Одессу. Прежде чѣмъ я въѣхалъ въ этотъ замѣчательный городъ, я долженъ былъ испытать большое, хотя послѣднее дорожное мученіе. Мнѣ надобно было девять верстъ ѣхать по такъ-называемой пересыпи, одно изъ тѣхъ плоскихъ мѣстъ, съ которыхъ море стекло; все одинъ песокъ, но на

вездѣ сыпучій; въ иномъ мѣстѣ, связанный, вѣроятно, солянымн частицами, онъ былъ твердъ, въ другомъ — онъ уступалъ тяжести повозокъ, и отъ того все пространство наполнено было опасными для ѣзды ямами, особенно ночью. Насилу въ десять часовъ вечера, 26-го іюля, пріѣхалъ я въ Одессу.

VII.

Среди ночной темноты все показалось мнѣ громадно. Я остановился въ извѣстнѣйшемъ отелѣ Рено, близь театра, передъ которымъ горѣла блестящая иллюминація. Она была по случаю пріѣзда графа Воронцова и должна была продолжаться три дня. Подмостки были сдѣланы, шкалики куплены, и хотя въ это самое утро онъ отправился въ Бессарабію, все-таки зажгли ее. Слѣдственно, какъ будто праздновали его отбытіе.

Никогда еще столь богатыхъ матеріяловъ не имѣлъ я для разработки; никогда столь длинной галлереи замѣчательныхъ портретовъ не представлялось мнѣ для списыванія какъ тамъ, куда въ первый разъ пріѣхалъ я. Новый край, молодой еще, но высоко поднявшійся городъ, съ разнороднымъ населеніемъ, можно сказать, въ маломъ видѣ раждающійся цѣлый міръ. Наконецъ, настоящій дворъ, сборное, безпрестанно мѣняющееся общество. И когда пришлось мнѣ все это описывать? Когда воображеніе гаснетъ, память тупѣетъ, охота пропадаетъ. Еслибъ я былъ такъ счастливъ, чтобы въ читателѣ возбудить какое-нибудь участіе собственно къ судьбѣ моей, то продолженіе простаго разказа о похожденіяхъ моихъ достаточно было бы для удовлетворенія его любопытства. И вотъ чѣмъ я долженъ буду ограничиться.

Въ Одессѣ было тогда только два заѣзжихъ дома, подъ именемъ отелей, принадлежащихъ двумъ купцамъ-Французамъ, Сикару и Рено. Первый изъ нихъ былъ настоящій торговецъ изъ Марселя, умный, веселый и пріятный человѣкъ. Другой былъ парикмахеръ, который понаживпись сталъ торговать духами; подъ покровительствомъ Ришелье въ Одессѣ, отъ пудры онъ перешелъ къ крупичатой мукѣ, разбогатѣлъ, завелъ себѣ дачу и построилъ дома. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ одного изъ нихъ я помѣстился надъ конюшнями, что было для меня весьма выгодно, ибо чувствуя въ нихъ нестерпимый жаръ и духоту и не опасаясь неудо-

вольствія отъ нижнихъ жильцовъ, я заплатилъ за ушатъ морской воды и полилъ ею у себя весь полъ. Отъ того стало немного свѣжѣе, и я спокойно могъ провести первую ночь въ Одессѣ.

Какъ я пріѣхалъ въ этотъ городъ съ намѣреніемъ служить въ немъ и остаться, то и необходимо мнѣ было явиться къ которой-нибудь изъ властей. Главной, графа Воронцова, не было; оставался градоначальникъ, и я поѣхалъ къ нему. Прежде чѣмъ назову его, мнѣ надобно объяснить причины нѣкоторыхъ перемѣнъ въ управленіи, послѣдовавшихъ въ семъ краю. Когда въ 1815 году Дюкъ де-Ришелье, одесскій градоначальникъ и новороссійскій генералъ-губернаторъ вмѣстѣ, оставилъ Россію, то, по указанію его, на оба мѣста назначенъ былъ его землякъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Ланжеронъ. Находя, что одна изъ должностей его не совмѣстна съ высотой его чина, и сверхъ того, имѣя желаніе подчинить себѣ всѣ градоначальства, онъ исходатайствовалъ пріятелю своему, тайному совѣтнику Николаю Яковлевичу Трегубову, званіе одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, однакоже, чтобъ онъ оставался въ его зависимости. Не прошло и года какъ они ужасно перессорились и стали доносить другъ на друга. Пожертвованъ, разумѣется, былъ подчиненный и удаленъ отъ службы. Открывшееся мѣсто всемогущій тогда Гурьевъ умѣлъ выпросить сыну своему, нерѣдко реченному графу Александру Дмитріевичу, даже съ условіями стѣснительными для Ланжерона. Какъ онъ, такъ и Ришелье жили въ Одессѣ только по званію градоначальниковъ; мѣстопребываніемъ же генералъ-губернаторовъ назначенъ былъ скучный Херсонъ, и ему велѣно было туда переѣхать. Онъ разсердился, но въ отставку не подалъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали. Но дабы показать неудовольствіе, потребовалъ годовой отпускъ и отправился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ временно-управляющій Бессарабскою областію, генералъ-лейтенантъ Инзовъ. Лишь только узнали о предпринятомъ имъ обратномъ пути, какъ поспѣшили назначить Воронцова, и съ этимъ уже не торговались, все отдали ему: и Новороссійскій край, и Бессарабію, и градоначальства, и даже Одессу для жительства. О семъ назначеніи узналъ Ланжеронъ въ проѣздъ свой чрезъ Германію; онъ остановился, сильно было прогнѣвался, но съ счастливымъ легкомысліемъ своимъ скоро пересталъ тужить и поѣхалъ далѣе.

На хуторѣ Кобле, ближайшемъ къ городу, я представъ передъ давнишнимъ знакомымъ моимъ, петербургскимъ, кяхтинскимъ, мобежскимъ, и онъ принялъ меня какъ добраго пріятеля, не пустилъ меня, заставилъ у себя обѣдать, и вседневно-славный столъ его пробудилъ во мнѣ аппетитъ, потерянный во время сильныхъ жаровъ. Внезапный упадокъ отца его, назначеніе Воронцова, много сбавили съ него спѣси. Его графиня, Авдотья Петровна, какъ и всегда, была гораздо милѣе его. А вотъ на первый случай и знакомый для меня домъ.

Изъ многочисленной свиты Воронцова одинъ только человѣкъ находился въ Одессѣ, состоящій по особымъ порученіямъ, полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ. Бѣдному курляндскому дворянчику, учившемуся въ кадетскомъ корпусѣ, служившему въ кавалеріи, посчастливилось попасть въ адъютанты къ Воронцову. Не знаю былъ ли онъ отъ природы веселаго ума, только всегда расположенъ былъ къ шуткамъ, зная что ими угождаетъ высшимъ и нравится равнымъ. Шутки его бывали иногда очень остры, особенно приправленныя искусствомъ передразниванья. Не излишнимъ счелъ я навѣстить его, дабы получить свѣдѣнія о его начальникѣ, еще не моемъ: онъ мнѣ показался очень забавенъ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его; онъ это замѣтилъ и, кажется, навсегда остался доброжелателенъ мнѣ.

Пробывъ около недѣли въ Кишиневѣ, намѣстникъ отправился осматривать южную часть Бессарабіи. Отсутствіе его длилось, а я оставался безъ дѣла и даже въ нѣкоторой неизвѣстности насчетъ моего предназначенія. Между тѣмъ чиновники, опредѣленные въ штатъ генералъ-губернатора, одинъ за другимъ безпрестанно пріѣзжали изъ Петербурга, и всѣ останавливались въ трактирѣ Рено, гдѣ я жилъ, и гдѣ славный поваръ-Французъ, Оттонъ, кормилъ насъ за весьма дешевую цѣну, ибо съѣстные припасы стоили тогда весьма мало. Изъ сихъ чиновниковъ, пріѣхавшій первый и, конечно, примѣчательнѣйшій изъ нихъ, былъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. У него были и познанія, и способности, и трудолюбіе, вмѣстѣ съ врожденною ко всѣмъ привѣтливостію, которая, равна будучи и со старшими, не могла имѣть ни малѣйшаго вида низкопоклонства, и, сверхъ того, довольно замѣтное честолюбіе, однимъ словомъ, — всѣ средства къ возвышенію. Мнѣ едва ли случалось встрѣтить

человѣка болѣе его благоразумнаго въ поступкахъ, болѣе одареннаго тѣмъ что Французы называютъ умомъ поведенія, esprit de conduite. Выгораживая себя, по всей истинѣ могу сказать, что это было единственное дѣльное пріобрѣтеніе, сдѣланное Воронцовымъ въ Петербургѣ. О другихъ чиновникахъ, пріѣхавшихъ въ то же время, буду говорить послѣ, а можетъ-быть и ничего не буду говорить.

Наконецъ, прибылъ гвардіи полковникъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, нѣкогда дежурный штабъ-офицеръ въ Мобежскомъ корпусѣ, главное лицо въ воронцовской свитѣ. Четверти часа разговора съ нимъ было достаточно чтобъ увидѣть въ немъ добрѣйшаго человѣка въ мірѣ. И доброта эта была не апатическая, а живая, огненная, всегда готовая на общее и частное добро. Во всеобщей любви его къ человѣчеству Русскіе занимали первое мѣсто, если не онъ самъ: но не будемъ смѣшивать себялюбіе или эгоизмъ съ самолюбіемъ; перваго въ немъ вовсе не было, послѣднее преступало дозволенные предѣлы. Твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, онъ ни за что не отступался отъ мнѣнія своего, даже тогда когда обманъ, въ который онъ былъ вовлеченъ, дѣлался очевиденъ. Правдивые люди всегда бываютъ довѣрчивы; для отклоненія заблужденій такимъ людямъ нуженъ быстрый, вѣрный взглядъ на людей и на дѣла: а былъ ли онъ въ немъ? это остается еще подъ сомнѣніемъ. Я зналъ его въ Мобежѣ и полюбилъ; послѣ того онъ находился въ гвардейскомъ штабѣ, но мнѣ не случилось увидѣться съ нимъ. Эти господа военные, занимающіеся въ инспекторскомъ департаментѣ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ письменными дѣлами, считаютъ гражданскую службу за сущую бездѣлку и нескоро могутъ понять великой разницы между именными списками, рапортичками и составленіемъ выписки изъ огромнаго дѣла.

Скоро изъ Кишинева обратно прислалъ Воронцовъ еще одного дѣльца, Никанора Михайловича Лонгинова, брата Николая Михайловича, секретаря императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Я былъ призванъ сими двумя господами на совѣтъ касательно новаго устройства генералъ-губернаторской канцеляріи. Въ Россіи всѣ хотятъ, возвышая мѣсто служенія своего, поднять свою должность и свою особу; отъ того-то совсѣмъ неважныя управленія успѣваютъ дѣлаться особыми

министерствами. Я скоро замѣтилъ, что Казначеевъ намѣренъ создать не только нѣчто въ видѣ департамента, но настоящій департаментъ министерскій и быть его директоромъ.

Департаментъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: первое, по всей справедливости, должно было принадлежать коллежскому ассессору Лонгинову, участвовавшему въ проектѣ; четвертое, въ которомъ должны были находиться бессарабскія дѣла, назначено было мнѣ. Не знаю какъ не вскрикнулъ я отъ удивленія и негодованія; вотъ куда я упалъ! подумалъ я. Надобно было объясниться.

— Еще въ Петербургѣ условлено было, чтобы бессарабскія дѣла, кои и понынѣ составляютъ отдѣльную часть, находились подъ особымъ моимъ управленіемъ, сказалъ я.

— Это невозможно, воскликнулъ Казначеевъ: — въ высочайшемъ приказѣ сказано, что такой-то назначается правителемъ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области. Послѣ того какъ же быть, да и соглашусь ли я съ кѣмъ-нибудь дѣлиться?

— Вы совершенно правы, но и мнѣ да позволено будетъ желать не имѣть другаго начальника кромѣ намѣстника; семь лѣтъ находился я въ непосредственной зависимости отъ одного главнаго начальника.

— Ну, что за важность, и какже можно сравнивать какого-нибудь Бетанкура съ *нашимъ* графомъ?

— Тутъ дѣло идетъ не о лицахъ, а о должностяхъ, и, кажется, что министръ можетъ почитаться, по крайней мѣрѣ, равнымъ генералъ-губернатору.

Я старался объяснить ему, что для человѣка, имѣвшаго въ виду департаментъ, и мѣсто правителя канцеляріи не слишкомъ завидно. Мы посчитались; и еслибы въ немъ не было такъ много доброты, и я не зналъ бы ей всю цѣну, то, можетъ-быть, и перессорились бы.

Положеніе мое сдѣлалось опять болѣе чѣмъ затруднительно. Безъ ничего воротиться въ Пензу, истративъ на дорогу всѣ сбереженныя крохи и сдѣлавъ небольшой долгъ, было бы очень тяжело. Съ другой стороны, служить какъ вздумалось Казначееву предлагать мнѣ, я ни за что не согласился бы. Рѣшенія участи своей я ожидалъ отъ возвращенія Воронцова, которое послѣдовало только 10-го августа. Тогда сдѣлалось еще хуже; нельзя было мнѣ не замѣтить, что онъ

избѣгаетъ объясненій со мною, а я не слишкомъ искалъ ихъ, все опасаясь чтобы въ нихъ противъ воли моей не выскользнулъ какой-нибудь упрекъ.

У него былъ собственный не весьма большой домъ,* единственный тогда на берегу моря. Другой, самый большой въ Одессѣ, принадлежащій богачу Фундуклею, нанималъ онъ и приготовлялъ для вельможескаго житья своего. Третій — въ городскомъ саду, гдѣ жилъ, кажется, прежде градоначальникъ Трегубовъ, состоявшій изъ трехъ-четырехъ большихъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ, занималъ онъ также. Въ первомъ онъ обѣдалъ, во второмъ ночевалъ, въ третьемъ принималъ просителей и занимался дѣлами. Зрѣлище было любопытное: всѣ комнаты всякой день набиты были народомъ, просителями, чиновниками, даже просто любопытными, и посреди ихъ столы, на которыхъ производились дѣла. Намѣстникъ часто выходилъ изъ своего кабинета: возьметъ бумаги, промолвитъ съ инымъ слова два, и удаляется съ тѣмъ чтобъ опять скоро показаться. Тутъ и я почти каждый день являлся, и на мою долю доставалось нѣсколько ласковыхъ словъ и почти всегда зовъ на обѣдъ, но о дѣлѣ ни полслова.

Чиновники канцелярскіе почти всѣ сохранили свои мѣста; изъ нихъ былъ примѣчателенъ одинъ только титулярный совѣтникъ, Михаилъ Ивановичъ Лексъ. По дѣламъ быстрота понятія равнялась въ немъ проворству исполненія. Сама судьба сего гражданскаго чиновника какъ бы нарочно ставила всегда подъ начальство къ военнымъ генераламъ. Бахметевъ отличалъ его; Пизовъ заставлялъ его трудиться не иначе какъ въ своемъ кабинетѣ и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупицъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегдашняя услужливость всѣхъ хорошо располагали къ нему. Говорятъ, излишество во всемъ есть недостатокъ; но искреннее желаніе никого не осердить противорѣчіемъ, никого не опечалить отказомъ, ни у кого не отнимать надежды, какъ бы она ни была несбыточна, однимъ словомъ, быть для всѣхъ пріятнымъ, не имѣетъ ли источникъ въ добрѣйшемъ сердцѣ? Вотъ каковъ былъ Лексъ. Когда я узналъ его, то сказалъ: „наход-

* Въ Одессѣ не нужно говорить что каменный домъ, ибо въ цѣломъ городѣ одинъ только деревянный, русскимъ купцомъ за большія деньги на славу построенный.

ка"! Скоро слово сіе повторилъ Казначеевъ, а за нимъ и самъ графъ Воронцовъ.

Образованіе казначеевскаго департамента шло весьма поспѣшно. Не могу припомнить распредѣленія дѣлъ между отдѣленіями, а назову только ихъ начальниковъ. Я сказалъ уже, что Лонгиновъ избралъ первое, второе поручено было Левшину, отъ третьяго, суднаго, не отказался баронъ Бруновъ, вмѣстѣ со надворнымъ совѣтникомъ Марини откамандированный отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, кажется, болѣе для умноженія блеска маленькаго одесскаго двора чѣмъ для пользы службы. Впрочемъ, онъ оставался болѣе консультантомъ и въ казусныхъ, затруднительныхъ дѣлахъ подавалъ французскія выписки изъ Юстиніанова Кодекса. Четвертое, столь ужасавшее меня, по всей справедливости, досталось Лексу.

— Согласитесь, сказалъ я Казначееву, — что моимъ отказомъ услужилъ я вамъ, службѣ и Лексу.

Надобно было подивиться числу налетающихъ въ канцелярію бумагъ, а еще болѣе быстротѣ, съ какою вылетали изъ нея рѣшенія и отвѣты. Быстрота — первое достоинство въ глазахъ военнаго начальника, управляющаго гражданскою частію.

Пока я все искалъ случая, безъ всякаго посредничества, говорить о себѣ Воронцову, съ которымъ я почти каждый день разговаривалъ, только всегда при людяхъ, прошло дней десять. Вдругъ собрался онъ въ новый путь, и взявъ съ собой адъютантовъ и часть свиты своей, поскакалъ въ Крымъ и далѣе. Что мнѣ было тутъ дѣлать? Еслибъ у меня были деньги, я ни говоря ни слова поворотилъ бы оглобли свои въ Пензу, тѣмъ болѣе что и сентябрь былъ не далекъ; но у меня не достало бы ихъ и на половину дороги; а въ незнакомомъ городѣ кто бы далъ мнѣ взаймы? Въ это истинно печальное для меня время, судьба послала мнѣ большое утѣшеніе.

Рядомъ со мной объ стѣну жилъ Пушкинъ, изгнанникъ-поэтъ.

По выпускѣ изъ лицея, семнадцатилѣтній Пушкинъ числился въ иностранной коллегіи, не занимаясь службой. Сіе кипучее существо, въ самые кипучіе годы жизни, можно сказать, окунулось въ ея наслажденія. Кому было остановить, остеречь его? Слабому ли отцу, который и умѣлъ только-что восхищаться

имъ? Молодымъ ли пріятелямъ, по большей части военнымъ, упоенным прелестями его ума и воображенія,и которые, въ свою очередь, старались упивать его ѳиміамомъ похвалъ и шампанскимъ виномъ? Театральнымъ ли богинямъ, съ коими проводилъ онъ бо́льшую часть своего времени? Его спасали отъ заблужденій и бѣдъ собственный сильный разсудокъ, безпрестанно пробуждающееся въ немъ чувство чести, которымъ весь онъ былъ полонъ, и частыя посѣщенія дома Карамзина, въ то время столь же привлекательнаго какъ и благочестиваго.

Онъ былъ уже славный мужъ, по зрѣлости своего таланта, и вмѣстѣ милый, остроумный мальчикъ, не столько по лѣтамъ какъ по образу жизни и своимъ поступкамъ. Онъ умѣлъ быть совершенно молодъ въ молодости, то-есть постоянно веселъ и безпеченъ: это та же наука, которая нынѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе забывается. Молодежь, охотно повторяя затверженныя либеральныя фразы, ничего не понимала въ политикѣ,—даже самые корифеи, изъ которыхъ я зналъ иныхъ, — а онъ, если можно, еще менѣе чѣмъ кто другой. Какъ истый поэтъ, на веснѣ дней своихъ, подобно соловью, онъ только-что любилъ и пѣлъ. Какъ опытъ написалъ онъ уже чудесную свою поэму — *Руслан и Людмила*, и между тѣмъ какъ цвѣтами безпрестанно посыпалъ первоначальное свое поэтическое поприще прелестными мелкими стихотвореніями.

Изъ людей, которые были старѣе его, всего чаще посѣщалъ Пушкинъ братьевъ Тургеневыхъ. Они жили на Фонтанкѣ, прямо противъ Михайловскаго за́мка, что̀ нынѣ Инженерный, и къ нимъ, то-есть къ меньшому Николаю, собирались нерѣдко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой, тогда забвенью брошенный дворецъ, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матери происходилъ отъ Араба, генерала Ганнибала, и гибкостію членовъ, быстротой тѣлодвиженій, нѣсколько походилъ на негровъ и на человѣкоподобныхъ жителей Африки. Съ этимъ проворствомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, схватилъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать. Стихи были хороши, но не превосходны..... Окончивъ, онъ показалъ ихъ, и не знаю почему назвали ихъ одой на *Свободу*. Объ этомъ экспромптѣ скоро забыли, и сомнѣваюсь чтобъ онъ много ходилъ по рукамъ. Ничего другаго въ либеральномъ духѣ Пушкинъ не писалъ еще тогда.

Не задолго передъ тѣмъ графъ Милорадовичъ, самъ собою, изъ самого себя сочинилъ нѣчто въ видѣ министра тайной полиціи. Сія часть, съ упраздненіемъ министерства сего имени, перешла въ руки графа Кочубея, который для нея, можно сказать, не былъ ни рожденъ, ни воспитанъ, и который неохотно занимался ею. Для нея былъ нуженъ человѣкъ государственный, хотя бы не весьма совѣстливый какъ у Наполеона Фуше, который понапрасну не прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ и старался болѣе давать направленіе общему мнѣнію. Отнюдь не должно было поручать ее вѣтренникамъ, коихъ усердіе скорѣе вредило чѣмъ было полезно....

Кто-то изъ употребляемыхъ Милорадовичемъ, чтобы подслужиться ему, донесъ, что есть въ рукописи ужасное якобинское сочиненіе, подъ названіемъ *Свобода*, недавно прославившагося поэта Пушкина, и что онъ съ великимъ трудомъ могъ достать его. Сіе послѣднее могло быть справедливо, ибо ни авторъ, ни пріятели его не имѣли намѣренія распускать его. Милорадовичъ, не прочитавъ даже рукописи, поспѣшилъ доложить о томъ государю, который приказалъ ему, призвавъ виновнаго, допросить его. Пушкинъ разказалъ все дѣло съ величайшимъ чистосердечіемъ: не знаю какъ было оно представлено, только Пушкина велѣно... сослать въ Сибирь. Къ счастію, два мужа, твердыхъ, благородныхъ, Каподистрія и Карамзинъ, дерзнули доказать всю жестокость наказанія и умолить о смягченіи его. Нашъ поэтъ причисленъ къ канцеляріи попечителя колоній южнаго края, генерала Инзова, и отправленъ къ нему въ Екатеринославъ, не столько подъ начальство какъ подъ стражу.

Когда Петербургъ былъ полонъ людей, велегласно проповѣдующихъ правила, которыя прямо вели къ истребленію монархической власти, когда ни одинъ изъ нихъ не былъ потревоженъ, надобно же было чтобы пострадалъ юноша, чуждый ихъ затѣямъ, какъ показали послѣдствія. Дотолѣ никто за политическія мнѣнія не былъ преслѣдуемъ, и Пушкинъ былъ первымъ, можно сказать, единственнымъ тогда мученикомъ за вѣру, которой даже не исповѣдывалъ. Онъ былъ въ отношеніи къ свободѣ то же что̀ иные христіане къ религіи своей, которые не оспариваютъ ея истины, но до того къ ней равнодушны, что зѣваютъ при одномъ ея имени. И внезапно, въ самой первой молодости, оторвать человѣка отъ всѣхъ пріятностей образованнаго общества, отъ столичныхъ

увеселеній юношества, чтобы погрузить его въ скуку новороссійскихъ степей! Мнѣ кажется, у меня сердце облилось бы желчью и навсегда въ ней потонуло бы. Еслибы Пушкинъ былъ постарѣе, его могла бы утѣшить мысль, что ссылка его, сдѣлавшись большимъ происшествіемъ, объявленіемъ войны вольнодумству, придастъ ему новую знаменитость, какъ и случилось.

Если хотѣли поразить ужасомъ вольнодумцевъ, за бездѣлицу не пощадивъ любимца друзей русской литературы, то цѣль была достигнута. Куда дѣвался либерализмъ! Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю, все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ дѣлаться опасенъ. Люди, которые какъ попугаи твердили ему похвалы, скоро забыли о немъ какъ о брошенной модѣ. Небольшое же число убѣжденныхъ или злонамѣренныхъ нашли, что пришло время отъ словъ перейдти къ дѣйствіямъ, и подъ спудомъ начали распространять этотъ либерализмъ. И тогда начали составляться тайныя общества, коихъ только пять лѣтъ спустя открылось существованіе.

Вольнолюбивые, мнимые друзья Пушкина даже возрадовались его несчастію; они полагали, что досада обратитъ его, наконецъ, въ сильное и ихъ намѣреніямъ полезное орудіе: какъ они ошибались! Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ не читали ничего русскаго, гдѣ едва тогда знали его, безъ всякаго разбора обвиняли его какъ развратника, какъ возмутителя. Грустили немногіе, молча преданные правительству и знавшіе цѣну не одному таланту изгнанника, но и сердцу его. Они опасались за него; они думали, что отчаяніе можетъ довести его до какихъ-нибудь безразсудныхъ поступковъ или до неблагородныхъ привычекъ, и что вдали отъ насъ угаснетъ сей яркій лучъ нашей литературной славы. Къ счастію, и они ошиблись.

Въ Одессѣ, гдѣ онъ только-что поселился, не успѣлъ еще онъ обрѣсти веселыхъ собесѣдниковъ; въ Бессарабіи звуки лиры его раздавались въ безмолвной, а тутъ только-что въ шумной пустынѣ: никто съ достаточнымъ участіемъ не въ состояніи былъ внимать имъ. Изъ первыхъ частей видно, что чрезмѣрной симпатіи мы другъ къ другу не чувствовали: тутъ какъ-то сошлись. Встрѣча съ человѣкомъ, который могъ понимать его языкъ, должна была ему быть пріятна, еслибъ у него и не было съ нимъ общаго знакомства, и онъ собою не напоминалъ бы ему Петербурга. Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъ-

ѣздомъ Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войдти въ довѣренность Пушкина, дабы по возможности отклонять его отъ неосторожныхъ поступковъ. Это было не легко: его самолюбіе возмутилось бы, еслибъ онъ замѣтилъ, что кто-нибудь хочетъ давать направленіе его дѣйствіямъ. Простое доброжелательство мое полюбилось ему, и съ каждымъ днемъ наши бесѣды и прогулки становились продолжительнѣе. Какъ не вѣрить силѣ магнетизма, когда видишь дѣйствіе одного человѣка на другаго: разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной головы, внезапно пораждалъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, веселыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ. Безпечность, съ которою смотрѣлъ онъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. Съ своей стороны, я старался отыскать струну, за которую зацѣпивъ, я могъ бы заставить заиграть этотъ чудный инструментъ, и мнѣ удалось. У него было написано чрезвычайно много неизданныхъ стиховъ, и между прочимъ, первыя главы *Евгенія Онѣгина*; и я могу сказать, что я насладился примѣрами (на русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова) его новыхъ произведеній. Но одними ли стихами плѣнялъ меня этотъ человѣкъ? Бывало посреди пустаго, забавнаго разговора изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая новая мысль, которая изумитъ меня, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Часто со смѣхомъ, пополамъ съ презрѣніемъ, говорилъ онъ мнѣ о шалунахъ-товарищахъ его въ петербургской жизни, съ нѣжнымъ уваженіемъ о педагогахъ, которые были къ нему строги въ лицеѣ. Мало-по-малу я открылъ весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантія цинизма. Вотъ почему всѣ заблужденія его молодости, въ послѣдствіи, отъ свѣта разума его исчезли какъ дымъ.

Между тѣмъ Воронцовъ воротился въ сентябрѣ изъ втораго путешествія своего. Я не спѣшилъ къ нему являться: онъ самъ прислалъ за мною.

— Послушайте, любезный Ф. Ф., сказалъ онъ мнѣ, — мнѣ очень жаль, что желаніе мое имѣть васъ при себѣ не могло исполниться; десятилѣтняя привычка къ доброму товарищу моему, Казначееву, заставила меня ему одному поручить мою канцелярію. Но есть еще для васъ средство быть полезнымъ этому краю. Въ Петербургѣ не имѣютъ настоящаго понятія

о бессарабскихъ дѣлахъ, а я самъ жить тамъ не могу; намъ нуженъ человѣкъ, который бы по наблюденіямъ своимъ нѣкоторымъ образомъ могъ замѣнить меня, и я избралъ васъ. Верховный совѣтъ области не стоитъ такъ высоко какъ польскій или финляндскій сенатъ, но въ своемъ кругу и онъ имѣетъ большую важность. Въ немъ есть вакантное мѣсто члена отъ короны, хотите ли вы занять его? Чтобы васъ ничѣмъ не связывать, я даже не представлю государю о вашемъ утвержденіи, а употреблю на то дарованную мнѣ власть. Пробывъ мѣсяца три на мѣстѣ, вы всегда, когда захотите, можете пріѣхать сюда, поотдохнуть, погулять и потолковать со мной. Жалованье небольшое, шесть сотъ рублей серебромъ, но житье тамъ дешевое, согласны ли вы?

Всѣ эти убѣжденія были напрасны, и графъ Воронцовъ не употребилъ бы ихъ, еслибы зналъ состояніе моего кармана: я, право, готовъ былъ идти въ помощники даже къ Лексу, но только не къ Брунову.

Я имѣлъ порученіе хлопотайствовать у начальника черноморскаго флота о переводѣ изъ Петербурга одного чиновника морскаго вѣдомства. Поспѣшая въ Одессу, я не остановился въ Николаевѣ и думалъ сдѣлать сіе послѣ, на обратномъ, неизбѣжномъ для меня пути въ Пензу. Тутъ, прежде отправленія въ Бессарабію, захотѣлось мнѣ исполнить обѣщанное. Я доложилъ о томъ графу, * который вслюбезно далъ мнѣ письмецо къ другу своему, вице-адмиралу Грейгу.

Пріятнѣе погоды, какая стояла въ началѣ сентября, придумать нельзя и желать невозможно. Усладительная теплота разстилалась по землѣ 12-го числа, въ день выѣзда моего изъ Одессы и пріѣзда въ Николаевъ. На этотъ разъ и квартира была у меня въ немъ готова. Опредѣленный при Бетанкурѣ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія полковникъ Рокуръ, Французъ весьма серіозный, хотя довольно говорливый, встрѣтясь со мной въ Одессѣ, взялъ съ меня слово остановиться у него въ такъ-называемомъ Молдаванскомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крытыми галлереями. Онъ жилъ только внизу съ капитаномъ Монтеверде, роднымъ племянникомъ Бетанкура и весьма любезнымъ молодымъ чело-

* Слѣдуя принятому моими сослуживцами обыкновенію, отнынѣ не иначе буду называть Воронцова. Говоря о другихъ графахъ, они прибавляли ихъ фамильныя имена: этотъ же одинъ былъ для нихъ, просто, графъ настоящій; иногда они прибавляли только слово нашъ.

вѣкомъ, а верхній этажъ оставилъ въ мое распоряженіе. Надобно признаться, что Французы гостепріимнѣе насъ, ибо не изъ тщеславія, не изъ любопытства, какъ мы.

На другой день онъ повезъ меня къ начальнику портовъ и флота, Алексѣю Самойловичу, который принялъ меня съ важностію Англичанина и вѣжливостію чрезвычайно образованнаго человѣка. Онъ занималъ безконечный одноэтажный домъ, построенный еще Мордвиновымъ. Онъ позвалъ меня обѣдать, но Рокуръ, съ французскою живостію не давъ мнѣ отвѣчать, объявилъ, что имѣетъ мое обѣщаніе, и что, по праву хозяина, первый день мой принадлежитъ ему. Тогда адмиралъ позвалъ меня на другой день въ загородный домъ и садъ свой, извѣстный подъ именемъ Спасскаго.

Мнѣ легко было замѣтить, что между сими людьми, принадлежащими къ двумъ соперническимъ націямъ, не было большаго согласія. Рокуръ говорилъ мнѣ съ уваженіемъ, съ похвалой о Грейгѣ, но съ соболѣзнованіемъ о какихъ-то его слабостяхъ, и жаловался на то что онъ не даетъ ему никакого занятія.

— Чтобы произвесть что-нибудь необычайное и полезное вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, — я предложилъ ему сдѣлать подземный садъ, и онъ согласился.

Замѣтивъ мое удивленіе, онъ сказалъ: — Да не угодно ли взглянуть? Это отсюда въ сотнѣ шагахъ.

Я увидѣлъ вырытую круглую яму, имѣющую восемь саженъ глубины и саженъ тридцать поперечнику.

— Деревья, которыя будутъ посажены на днѣ ея, сказалъ онъ,—какъ вы видите, лѣтомъ будутъ защищены отъ палящаго зноя, а зимой отъ холодныхъ вѣтровъ.

— Это будетъ прекрасно, сказалъ я, — да только для прогулки не будетъ ли мало пространства?

— Но вѣдь это будетъ, просто, мѣстомъ пріятнаго уединенія, возразилъ онъ.

И эти затѣи, исключая трудовъ арестантскихъ ротъ, стоили большихъ денегъ.

На слѣдующій день я отправился въ Спасское, тѣмъ же самымъ Мордвиновымъ насажденное мѣсто. Эти оазисы были тогда очень рѣдки въ Новороссійскомъ краю, и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ увидѣть свѣжую, весеннюю зелень на деревьяхъ. Въ началѣ лѣта, одно изъ величайшихъ золъ посѣтило всю эту сторону: саранча, пролетая отъ дунайскихъ бе-

реговъ вдоль моря, оставила вездѣ опустошительные свои слѣды. Пробывъ не болѣе одной ночи въ Спасскомъ, она не оставила послѣ себя ни одного листка; потомъ въ августѣ появились дожди, и деревья вновь зазеленѣли. Въ обширномъ домѣ на берегу рѣки, трапеза была для меня украшена пріятною бесѣдой адмирала. Сей скромный человѣкъ, говоря о Рокурѣ, сказалъ однакоже незнакомцу:

— Не знаю зачѣмъ прислали мнѣ этихъ инженеровъ: они мнѣ вовсе не нужны; какъ дѣло отъ бездѣлья я дозволилъ ему опытъ этого страннаго сада; проектъ былъ написанъ прекрасно, посмотримъ каково будетъ исполненіе.

Черезъ годъ или полтора, какъ мнѣ сказывали, пришлось зарывать яму.

Послѣ обѣда, погулявъ въ саду, отдохнувъ, получивъ отъ адмирала обѣщаніе исполнить мою просьбу и отъ души поблагодаривъ его за лестный, внимательный пріемъ, я сѣлъ въ принадлежащій ему большой катеръ, и въ сопровожденіи адъютанта его, премилаго молодаго человѣка, Василья Ивановича Румянцова, поплылъ по рѣкѣ до мѣста, куда экипажъ мой перевезенъ былъ черезъ Бугъ. Такимъ образомъ, не возвращаясь уже въ Николаевъ, 14-го числа, когда не совсѣмъ еще смерклось, я отправился обратно въ Одессу. Тутъ на крутомъ берегу находится Кореиха, которая въ отношеніи къ Николаеву то же самое что̀ Услонъ къ Казани. Она принадлежала г. Рено; бывшій парикмахеръ успѣлъ уже всѣмъ обзавестись: и толстымъ брюшкомъ, и красавицей женой, и баронскимъ титуломъ, и Владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, и деревней, населенною русскими крестьянами.

Воздухъ и ночью былъ тепелъ и пріятенъ; подъ сладкимъ вліяніемъ его я заснулъ; а когда проснулся, то при солнечномъ свѣтѣ завидѣлъ издали Одессу. Это былъ день коронаціи Александра, и въ соборѣ, когда я проѣзжалъ мимо его, производился большой звонъ. Не имѣя мундира, я было не посмѣлъ идти обѣдать къ графу, но мнѣ сказали, что въ первый годъ онъ этотъ день праздновать не будетъ. Съ прощаніемъ и за послѣдними приказаніями я явился на другой день къ новому начальнику моему.

VIII.

Прежнее пріобрѣтеніе Россіи, сдѣланное Екатериной, — степи новороссійскія отдѣлены были Днѣстромъ отъ новаго пріобрѣтенія сдѣланнаго Александромъ, обрѣзка Молдавіи, названнаго Бессарабскою областію. Въ 1823 году Днѣстръ былъ еще рѣзкою чертой между двумя различными народонаселеніями и обычаями.

Завоевателю и первому образователю сего обширнаго края, какъ бы искони обреченнаго кочеванію, князю Потемкину, съ его властію, не такъ трудно было населить его, хотя употребленныя имъ къ тому средства не всѣ одобренія достойны. Раздача земель была безразсудная, безразчетная: бродяги, бѣглые мужики изъ помѣщичьихъ имѣній цѣлой Россіи были новыми коренными жителями края. Впрочемъ, по краткости времени и въ продолженіе войны, все что̀ возможно на первый случай и на скорую руку, было сдѣлано симъ могучимъ и дѣятельнымъ властелиномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по заключеніи мира, которому, къ сожалѣнію, внезапная кончина его предшествовала за нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принялся бы за правильную колонизацію, и страна сія начала бы процвѣтать гораздо ранѣе.

Въ управленіи сею наслѣдовалъ князь Зубовъ, никогда не видавшій ея. Онъ сдалъ ее мужу сестры своей, екатеринославскому губернатору, Сербу, Осипу Ивановичу Хорвату, который неизвѣстно на что употреблялъ огромныя суммы на поддержаніе ея отпускаемыя. При Павлѣ о ней совсѣмъ не заботились, и цѣлыя десять лѣтъ безъ должнаго попеченія изнывали сіи мѣста, только-что оживленныя жаркимъ дыханіемъ великой Россіи. Послѣ того были болѣе искусные правители, но все какъ будто длилось междуцарствіе.

Женатый на внукѣ бездѣтнаго Потемкина, на дочери его племянницы, Воронцовъ вступилъ въ управленіе краемъ какъ бы въ законное наслѣдство. Многіе такъ думали и были тѣмъ чрезвычайно обрадованы. Воспитанный въ Англіи престарѣлымъ отцомъ, который безпрестанно съ восторгомъ твердилъ ему объ отечествѣ его, съ русскими солдатами, при видѣ опасностей, въ первый разъ забилось

сердце его желаніемъ славы. Всю молодость свою, до зрѣлыхъ лѣтъ, провелъ онъ посреди русской рати и съ нею пріобрѣлъ всѣ свои воинскіе успѣхи; болѣе чѣмъ кто изъ нашихъ знатныхъ почувствовалъ онъ достоинство русскаго имени. Но впечатлѣнія, повѣрія, полученныя имъ въ отрочествѣ и въ самой первой молодости, остались въ немъ на вѣкъ. Чему бы посвятить досуги, которые оставлялъ ему утвердившійся миръ? Еслибъ онъ родился великобританскимъ подданнымъ, то онъ навѣрное пожелалъ бы сдѣлаться лордомъ коммиссаромъ на Іоническихъ островахъ; но и въ Россіи есть нѣчто подобное—южный приморскій край, и Одесса лучше Корфу. Я увѣренъ, что онъ предпочелъ бы Кавказъ и Закавказье, но мѣсто было занято; нашимъ Амгерстомъ, нашимъ Элленборо былъ Ермоловъ, и онъ сидѣлъ тогда на царствѣ въ Тифлисѣ, русской Калькуттѣ.

Исключая Буджацкую степь, заднѣстровская сторона являла совершенную противоположность тому что видно было по сю сторону. Тамъ были лѣса и горы, и она густо была населена однимъ молдавскими жителями. Въ видѣ отдѣльной части старались сохранить въ ней молдавизмъ: при Инзовѣ случайно, а при Воронцовѣ окончательно присоединена была она къ Новороссійскому краю. Въ ней я долженъ былъ встрѣтить все для меня совершенно новое.

Меня уговорили сожительствующіе мнѣ въ трактирѣ, 17-го сентября, позавтракать, то-есть отобѣдать у Оттона, отчего я выѣхалъ не рано, въ сопровожденіи мелкаго, однакоже теплаго дождя. Онъ поиспортилъ дорогу, оттого я ѣхалъ медленнѣе, а ночью сдѣлалось сыро и холодно. Мнѣ все казалось что еще лѣто, одѣтъ я былъ легко, весь перезябъ и долженъ былъ остановиться на станціи Кучурганѣ, въ самомъ плохомъ состояніи содержимой. Мнѣ принесли два пука соломы, на одинъ я легъ, а другой положили въ печь и зажгли. Едва согрѣвшись, я уснулъ немного, и до свѣту пустился далѣе.

Лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ городъ Тирасполь былъ пограничный, хорошо заселенный, но только раскольниками и всякимъ сбродомъ. Плавни, то-есть рощи состоящія изъ ивняка и растущія на низменныхъ берегахъ Днѣстра, красятъ его и отнимаютъ у него видъ степнаго города.

Когда я выѣхалъ изъ него, увидѣлъ странное зрѣлище: туманъ разорвался на клочки, которые въ видѣ опущенныхъ

облаковъ, въ иныхъ мѣстахъ разстилались по землѣ, въ другихъ поднимались вверхъ; говорили, что это возвѣщаетъ ясный день. И дѣйствительно, лишь только переправился я черезъ Днѣстръ, проѣхалъ мимо Бендерской крѣпости и для перемѣны лошадей остановился въ форштадтѣ ея, какъ солнце засіяло и запылало. Было ли сіе добрымъ предзнаменованіемъ въ этотъ памятный для меня день, 18-го сентября? Не думаю, ибо, начиная съ этого дня, въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиной я много перенесъ горя и трудовъ.

У самой рѣки встрѣтилъ меня какой-то чиновникъ верхомъ и проводилъ до почтоваго двора; потомъ, когда я отправился далѣе, поскакалъ передо мною. Такая почесть казалась мнѣ непонятною, а какъ я никогда не любилъ ничего мнѣ не принадлежащаго, то, подозвавъ его, убѣдительно просилъ болѣе не трудиться; просьба моя была неуспѣшна; тогда я принялъ повелительный тонъ, который произвелъ желаемое дѣйствіе. И теперь не знаю, за какую важную особу принимали меня потомъ на станціяхъ. Меня везли четыре лошади, по двѣ въ рядъ; оборванный суруджи сидѣлъ на одной изъ переднихъ и ужасно хлопалъ бичомъ.

Отъ Бендеръ до главнаго города Кишинева всего 60 верстъ, и я пріѣхалъ въ него когда солнце было еще высоко. Обширнѣе, безконечнѣе, безобразнѣе и безпорядочнѣе деревни я не видывалъ. Издали онъ похожъ еще на что-нибудь, но въѣхавъ въ него я ахнулъ. Я былъ адресованъ Казначеевымъ ко вновь опредѣленному полицеймейстеру, подполковнику Якову Николаевичу Радичу; отыскивая его, я проѣзжалъ самою нижнею частію города и принужденъ былъ безпрестанно зажимать носъ, а часто закрывать и глаза. Квартира его,— небольшой домикъ посреди двора, обнесеннаго плетнемъ, — состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями. Одну изъ нихъ занималъ онъ самъ, но не успѣвъ ничѣмъ обзавестись, жилъ по-солдатски, такъ что у него и кровати не было. Другую, пустую комнату, за отсутствіемъ хозяина, отвелъ мнѣ его деньщикъ, и также какъ на Кучурганской станціи, я долженъ былъ расположиться на полу. Явился жидъ-факторъ и повелъ меня въ трактиръ къ своему единовѣрцу; нѣтъ, и понынѣ еще при воспоминаніи сего ужаснаго обѣда вся внутренность во мнѣ поворачивается. Возвратясь, я бросился на солому и предался размышленіямъ не весьма веселымъ; они походили на совершенное отчаяніе. „И въ этой помойной

ямѣ я осужденъ провести, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, тогда какъ я не хотѣлъ бы пробыть въ ней и трехъ часовъ, — думалъ я, — и живу у человѣка, котораго въ глаза не видалъ.“ Онъ воротился вечеромъ, былъ тихій, добрый человѣкъ, и спѣшилъ угостить меня чѣмъ только могъ, утѣшеніями и надеждою на лучшее помѣщеніе.

Онъ далъ мнѣ свои парныя дрожки на слѣдующее утро, и я поѣхалъ дѣлать визиты первостепеннымъ лицамъ, губернатору, Константину Антоновичу Катакази, вице-губернатору, Матвѣю Егоровичу Крупенскому, предсѣдателю уголовнаго суда, Петру Васильевичу Курику, и областному предводителю дворянства, Ивану Михайловичу Стурдзѣ. Исключая послѣдняго всѣ были дома, всѣ жили въ верхней части города на горѣ, и всѣ приняли меня болѣе чѣмъ благосклонно, какъ избраннаго Воронцовымъ. Прекрасная погода и свѣжій воздухъ, коимъ подышалъ я на высотѣ, немного успокоили меня.

Радичъ повезъ меня 19-го числа въ трактиръ къ какой-то Нѣмкѣ; обѣдъ былъ опрятный и сытный, и я удостовѣрился, что не вездѣ тутъ ѣдятъ скверно. Слѣдующіе дни безпрестанно получалъ я приглашенія на обѣды. Въ продолженіе 20-го наѣхала вся свита и канцелярія графа, Казначеевъ, Марини, Бруновъ, Лексъ и другіе, а къ ночи и самъ онъ прибылъ.

Для него, за двѣнадцать тысячъ левовъ въ годъ нанятъ былъ не весьма большой и низкій домъ Варѳоломея, прозванный *Пестрымъ*. Онъ едва могъ вмѣстить толпы пришедшихъ утромъ поклонниковъ, посѣтителей и просителей. Я отправился въ верховный совѣтъ и былъ немного смущенъ при первомъ взглядѣ на составъ его: наружностію и величиной сіе высшее судилище походило на сборную избу. Кто-то ссудилъ меня мундиромъ, и я въ первый разъ прицѣпилъ свой Владимірскій крестъ. Самъ намѣстникъ предсѣдательствовалъ и приводилъ меня къ присягѣ. Все это происходило 21-го сентября, день именинъ Блудова, по милости котораго я находился тутъ.

Въ это время государь былъ въ Буковинѣ, въ городѣ Черновцѣ, для свиданія съ австрійскимъ императоромъ. Графъ спѣшилъ встрѣтить его во время проѣзда его въ Хотинѣ и долженъ былъ сопровождать его потомъ въ Тульчинъ, гдѣ государь намѣренъ былъ осматривать войска второй арміи. Не болѣе двухъ дней съ половиною пробылъ у насъ графъ:

я не смѣлъ ни на что жаловаться, но возропталъ на худое помѣщеніе.

— Если вы хотите, сказалъ онъ, — быть хранителемъ моей квартиры, то можете занять часть ея; пожалуй хоть и всю, только на время моего отсутствія.

Онъ уѣхалъ 23-го числа, свита его 24-го, а я 25-го переѣхалъ въ Пестрый домъ Варѳоломея, что̀ въ глазахъ жителей придало мнѣ великую важность.

У Радича я спалъ на соломѣ. Тутъ нашелъ я атласные, бархатные диваны, мебели всѣхъ временъ и фасоновъ, въ азіятскомъ и европейскомъ вкусѣ, нѣкоторые предметы роскоши, странные, стародавніе, перемѣшаные съ самыми новомодными, стѣны расписанныя всевозможными цвѣтами. Хозяинъ этого дома былъ Варѳоломей, запутавшійся въ дѣлахъ откупщикъ, которому помогли за высокую цѣну отдать его со всѣмъ убранствомъ въ наймы для казны.

Надобно было подумать о хозяйствѣ. Трактиры были дурны и далеко. Я накупилъ кой-какой посудины и сталъ искать повара. Мнѣ предложили Француза; не по деньгамъ, отвѣчалъ я. Да онъ не возьметъ болѣе двадцати пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; въ такомъ случаѣ подавай его сюда. Ко мнѣ пришелъ длинный, сухой старикъ, черноволосый съ просѣдью.

— Я Тардифъ, сказалъ онъ.

— Какъ Тардифъ? Да не родня ли вы (я говорилъ съ Французомъ и по-французски) Тардифу, который содержалъ славную гостинницу, *Европу*, противъ Зимняго дворца?

— Да я самъ и есть, отвѣчалъ онъ.

— Возможно ли! воскликнулъ я.

— Что̀ прикажете дѣлать; ваши гвардейскіе офицеры задолжали мнѣ десятки тысячъ рублей, потомъ неожиданно пошли въ походъ въ двѣнадцатомъ году: гдѣ мнѣ было за ними гоняться? Съ другой стороны, собака (ma chienne) жена моя всего меня ограбила, и я принужденъ былъ идти по міру.

Онъ не прибавилъ, что съ горя началъ пить, и служивъ сперва вельможамъ, между прочимъ, Витгенштейну въ Тульчинѣ, началъ спускаться до бѣдняковъ какъ я. Будучи предупрежденъ, я велѣлъ слугѣ своему смотрѣть, чтобъ онъ поутру не отлучался, а иногда вечеромъ, когда онъ былъ въ полпьяна, призывалъ его будто за какимъ-нибудь дѣломъ и помиралъ со смѣху отъ его разказовъ. Его искусство могло

бы удовлетворить самаго взыскательнаго гастронома, и все это стоило очень недорого. Тогда я зажилъ бариномъ: разукрашенные чертоги, и Французъ поваръ. Но сіе величіе, увы, продолжалось не долго. Не стало возможности удерживать Тардифа; съ утра онъ бывалъ мертвецки пьянъ, и кушанье, коимъ онъ подчивалъ меня, было немного получше жидовскаго обѣда въ первый день моего пріѣзда: я принужденъ былъ удалить его отъ себя. Черезъ нѣсколько дней, въ самой большой комнатѣ, куда, къ счастію, я никогда не заглядывалъ, провалился потолокъ и перебилъ множество вещей. Когда донесли о томъ намѣстнику, онъ велѣлъ воспользоваться симъ случаемъ чтобы нарушить контрактъ, сдѣланный безъ его вѣдома и согласія.

И въ это же время, во второй половинѣ ноября, сдѣлалось очень холодно, туманно, сыро. Сначала я утѣшался теплою погодой и благословлялъ южный край. Я помню, что 14-го октября, въ воскресный день, я въ одномъ сюртукѣ загулялся по улицамъ до поздней ночи. Въ этотъ день видно было много свадебъ, ибо во многихъ мѣстахъ, отдѣленный отъ веселящихся низкимъ плетневымъ заборомъ, я какъ бы участвовалъ въ брачныхъ празднествахъ: на дворѣ, при свѣтѣ факеловъ, Молдаване и Молдаванки забавлялись своею любимою національною пляской — *мититикой*. Утромъ 15-го я не повѣрилъ глазамъ своимъ когда увидѣлъ на улицѣ снѣгъ: онъ пролежалъ не болѣе часу, но оставилъ послѣ себя какую-то жесткость въ воздухѣ, и хотя нерѣдко проглядывали еще красные дни, но съ тѣмъ что́ называется теплою южною осенью мы должны были проститься.

Мнѣ постоемъ отвели квартиру въ домѣ одной Молдаванки, вдовы Кешкулясы, недавно вышедшей за молодца — русскаго офицера, Друганова. Оба они старались сдѣлать житье у нихъ для меня пріятнымъ, но не могли раздвинуть стѣнъ двухъ узкихъ комнатъ, въ коихъ я помѣщался. Въ совѣтъ свой я ходилъ только два раза въ недѣлю, когда въ немъ слушались дѣла по правительственной части; отъ занятій же по судебнымъ дѣламъ, производящимся на молдавскомъ языкѣ, я имѣлъ все право отказываться; между тяжущимися были однакоже люди, которые, не знаю почему, вѣруя въ мое безпристрастіе, давали большія деньги за переводы дѣлъ своихъ на русскій языкъ, дабы заставить меня принимать участіе въ сужденіяхъ по нимъ. Съ цѣлымъ городомъ успѣлъ

я познакомиться, но ни съ кѣмъ не успѣлъ сдѣлать связей. Книгъ моихъ со мною не было, — всѣ отправлены были въ Пензу,—и осенне-зимніе вечера въ одиночествѣ бывали иногда для меня тягостны и скучны.

Къ счастію, еще въ домѣ Варѳоломея я создалъ себѣ большое занятіе. При отъѣздѣ изъ Петербурга, давъ Блудову слово въ частныхъ письмахъ изображать ему состояніе края, сверхъ того, имѣя отъ Воронцова порученіе сообщать ему о всемъ любопытномъ въ немъ происходящемъ, я разчелъ, что гораздо лучше будетъ составить изъ всего одну общую записку, въ которой представить имъ картину во всѣхъ ея подробностяхъ. Мнѣ нужны были свѣдѣнія о лицахъ и дѣлахъ; собирать ихъ было нетрудно; во взаимныхъ обвиненіяхъ служащихъ, конечно, было много клеветы, и я старался изъ разказовъ ихъ отдѣлять одно вѣроподобное. Главный же источникъ, изъ коего я черпалъ, хотя съ осторожностію, былъ Липранди, парижскій мой знакомый, который находился тутъ въ отставкѣ. Я съ усердіемъ принялся за сей трудъ, совершенно новый для меня въ своемъ родѣ, и я смѣло могу похвалиться, что изъ всего касающагося до образа управленія, до порядка, до особыхъ узаконеній края и до исполнителей ихъ, ничто тутъ не пропущено. Совершенно противъ моей воли, въ послѣдствіи съ этой тайной моей рукописи было снято много копій.

Я писалъ тогда въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ мрачной погоды и окружавшей меня скуки, и безпрестанно внимая мерзостямъ, мнѣ сообщаемымъ. За истину мною писаннаго я могу ручаться, но истина можетъ быть и преувеличена. Доходя до причинъ, надобно съ нѣкоторою снисходительностію смотрѣть на шалости ребятъ, на своенравіе стариковъ и на излишнюю запальчивость юношей, а во мнѣ сей снисходительности не было. Главная же ошибка моя состоитъ въ томъ, что на людей и на нравы въ этомъ новомъ краѣ я смотрѣлъ съ фальшивой точки зрѣнія. Какъ многіе, почти какъ всѣ, я былъ пристрастенъ къ западу. На отечество свое взиралъ съ нѣжнымъ, почтительнымъ состраданіемъ и съ совершеннымъ презрѣніемъ на востокъ. И вмѣсто того чтобы возрадоваться, обрѣтая въ отдаленной странѣ слѣды почтенной древности нашей, Петромъ болѣе ста лѣтъ стертой съ лица земли Русской, я дерзнулъ встрѣтить ихъ съ презрительною насмѣшкой.

Вслѣдствіе греческаго возмущенія, не одни эмигранты изъ Константинополя, но и множество перебѣжавшихъ черезъ Прутъ молдавскихъ бояръ находились въ Кишиневѣ, предпочтительно предъ Одессой, гдѣ имъ казалось жить гораздо дороже. Почти со всѣми я познакомился и могъ изучить духъ Молдаванъ. Румыны или Римляне, какъ они называютъ себя, происходятъ отъ смѣшенія потомковъ римской колонизаціи съ Славянами-Даками, завоеванными и покоренными Трояномъ. Въ языкѣ, коимъ говорятъ они, латинскій взялъ рѣшительный перевѣсъ; но литеры у нихъ почти точно тѣ же что у насъ, и славянскія словеса на цѣлую треть остались у нихъ въ употребленіи. Въ характерѣ Молдаванъ не осталось уже ничего римскаго, и что бы ни говорили, есть много сходства съ нами,—сходства однакоже измѣненнаго обстоятельствами, въ коихъ они находятся. У простыхъ жителей та же безпечность, та же любовь болѣе къ сохраненію чемъ къ умноженію собственности. Въ высшемъ сословіи гораздо болѣе тщеславія чѣмъ у насъ. Для потѣхи сего тщеславія нужна роскошь, для поддержанія которой нужно злато: а въ алчности къ сему металлу молдавскихъ бояръ обвинять нельзя, ибо они добываютъ его, а не берегутъ. Пышные экипажи, наряды, нѣсколько разнообразятъ, тѣшатъ сонъ ихъ жизни, посреди невольной праздности, на кою осуждены они своимъ положеніемъ. Валахи и Молдаване были болѣе погружены въ глубокую дремоту чѣмъ подавлены турецкимъ правительствомъ.

Одни старики, въ это время, исключая собственнаго языка, знали немного греческій. Бояре же среднихъ лѣтъ, даже съ бородами, слѣдуя примѣру добрыхъ наставниковъ своихъ, Русскихъ, почти всѣ говорили по-французски, иные и по-нѣмецки. Усилія наши совершенно поворотить ихъ на западъ имѣли и тогда желаемый успѣхъ. Никто изъ нихъ не зналъ по-русски и не полюбопытствовалъ взглянуть на Москву или на Петербургъ; изъ словъ ихъ можно было замѣтить, что нашъ сѣверъ почитаютъ они дикою страной. За то многіе изъ нихъ ѣздили въ Вѣну, которая гораздо ближе, и гдѣ, дѣйствительно, и теплѣе, и веселѣе. О Парижѣ тогда еще никто не помышлялъ. Какъ было не видѣть (лишь бы только не пало Россійское государство), что Придунайскія княжества, рано или поздно, но неизбѣжно должны если не войдти

въ составъ его, то быть прикованы къ участи его неразрывными узами и жить подъ единственнымъ щитомъ его.

Нѣчто въ родѣ представительнаго правленія введено было въ Бессарабію подъ названіемъ „образованія области.“ Съ помощію наставленій, посылаемыхъ изъ Петербурга, его составлялъ Крупицкій. Поляки, коими онъ наполнилъ многія мѣста въ области, воскликнули: республика! а недовольные Молдаване возмечтали, что могутъ дѣлать все что̀ хотятъ. Бахметевъ, русскій человѣкъ и русскій воинъ, не хотѣлъ повѣрить, что представивъ проектъ „образованія“, онъ поднялъ на себя руки. Управленіе его сдѣлалось постоянною борьбой, въ которой, однакожъ, онъ всегда одерживалъ верхъ. Но въ Петербургѣ, два покровителя новаго порядка, Каподистрія и Стурдза, съ негодованіемъ смотрѣли на его дѣйствія какъ на насилованіе дарованной ими хартіи. Въ 1820 году сдѣлалась настоящая республика, только съ осторожнымъ президентомъ, Инзовымъ, которому помогали прикрываться постановленіями и законами. Вдругъ узнаютъ, что извѣстный либералъ, Англичанинъ въ душѣ, назначенъ намѣстникомъ; вотъ тутъ-то пришло время совершенной свободы; многіе, вѣроятно, мечтали уже и о безначаліи, тѣмъ болѣе что мѣсто областнаго управленія должно было перенестись въ Одессу. Спросили бы они въ великобританскихъ колоніяхъ, какъ либеральничаютъ тамъ Англичане. Спокойная твердость Воронцова поразила всѣхъ: въ немъ, болѣе чѣмъ намѣстника, увидѣли наперстника царскаго; какъ бы то ни было, съ самой первой минуты, во все время многолѣтняго управленія своего, онъ не встрѣтилъ и тѣни сопротивленія.

Вмѣсто безначалія, въ дѣлахъ показалось гораздо болѣе порядка, и обнаружилась дѣятельность необходимая дабы оживить сихъ неподвижныхъ. Анархію я нашелъ только въ общежительности; въ городѣ, наполненномъ помѣщиками, служащими, и эмигрантами изъ Молдавіи и Греціи, всѣ жили порознь; нигдѣ не было точки соединенія. Старый холостякъ, Иванъ Никитичъ Инзовъ, жилъ по-солдатски; оставшись въ Кишиневѣ по званію попечителя колоній южнаго края, онъ ничего не перемѣнилъ въ образѣ своей жизни. Гражданскій губернаторъ, Катакази, получалъ большое содержаніе серебромъ, и хотя не справлялъ, какъ говорится, царскихъ торжественныхъ дней, но проживалъ его сполна, да еще дѣлалъ долги. Онъ ежедневно принималъ у себя

и кормилъ Грековъ, и они-то объѣдали его. Меня онъ приласкалъ не рѣдко, и тутъ-то я познакомился съ нѣкоторыми изъ его соотечественниковъ.

Дѣла у меня было еще не слишкомъ много, жизнь была чрезвычайно дешевая; новость предметовъ и разнородность общества и жителей, которые были у меня передъ глазами, должны были привлекать мое любопытство, и все это посреди однихъ только доброжелателей. Меня мучило отсутствіе не удовольствій Петербурга, а удобствъ его: комфортъ начиналъ уже становиться необходимостію и небогатыхъ въ немъ жителей. Наконецъ, и съ этой стороны я былъ нѣсколько удовлетворенъ. Областный предводитель дворянства, Стурдза, добрѣйшій и правдивѣйшій изъ смертныхъ, человѣкъ еще довольно молодой и холостой, нанималъ домъ даже слишкомъ обширный для Кишинева. Онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть у него три комнаты довольно просторныя, никѣмъ не занятыя, ему вовсе не нужныя, и поселиться въ нихъ, если онѣ понравятся мнѣ. Затрудненіе было въ томъ что у него былъ славный поваръ, что онъ всякій день обѣдалъ дома, и что отъ него нельзя мнѣ было посылать въ дрянной свой трактиръ за кушаньемъ, а на хлѣбы идти къ нему мнѣ не хотѣлось. Но предложенія его были такъ убѣдительны, что я наконецъ не поспѣсивился и переѣхалъ къ нему.

Это продолжалось не долго. Декабрь проходилъ, я неотступно просилъ графа прислать мнѣ бумагу, коею для объясненій потребовалъ бы онъ меня въ Одессу, и получилъ ее въ самый сочельникъ; 24 декабря, рано по утру, я оставилъ Кишиневъ.

IX.

Можно почитать феноменомъ то что случалось мнѣ замѣчать всякій разъ, когда я переѣзжалъ черезъ Днѣстръ, рѣку не весьма широкую. По теченію ея, на правомъ ея берегу всегда бывало нѣсколькими градусами теплѣе чѣмъ на лѣвомъ. Причиною тому полагать можно то, что на бессарабской сторонѣ большія лѣса болѣе защищаютъ землю отъ лучей солнца, тогда какъ по сю сторону оно тирански властвуетъ надъ степями. Когда я выѣхалъ, въ Кишиневѣ только кровли, а вокругъ него уже и поля покрыты были снѣгомъ. Хорошо закутавшись, доѣхалъ я до Бендеръ: тутъ, среди неболь-

тихъ льдинъ, я на паромѣ переправился черезъ Днѣстръ. Вдругъ показалось мнѣ теплѣе, и снѣгу нигдѣ не было видно.

Было очень поздно, когда я пріѣхалъ въ Дольникъ, гдѣ послѣдняя перемѣна лошадей до Одессы. Мнѣ казалось, что изъ провинціи я ѣду въ столицу, и не иначе хотѣлъ въѣхать въ нее какъ днемъ. Станціонный домъ былъ довольно просторенъ: наканунѣ Рождества никто еще не спалъ въ немъ, вездѣ былъ свѣтъ, и женщины оканчивали свою стряпню. Мнѣ отгородили спокойный, чистый уголъ, и я заснулъ съ намѣреніемъ выѣхать до свѣта.

Какъ мнѣ было не возблагодарить себя, отчасти за лѣнь свою, которая заставила меня наканунѣ остановиться въ Дольникѣ, когда днемъ я только-что проѣхалъ Тираспольскую заставу! Ночью былъ изрядный морозъ, и меня повезли такъ-называемымъ Греческимъ базаромъ, какъ мѣстомъ гдѣ дорога глаже. Взрытая и остывшая грязь представляла видъ окаменѣвшихъ морскихъ волнъ. Для проѣзда по одесскимъ улицамъ мнѣ нужно было столько же времени какъ на проѣздъ послѣдней станціи. Измученный пріѣхалъ я въ обычную уже мнѣ гостиницу Рено.

Надобно однако объяснить причины этой, для не видавшихъ ея, баснословной грязи. Когда строился городъ, то, по приказанію Ришелье, съ обѣихъ сторонъ улицъ вырыты были глубокія и широкія канавы. Вынутый изъ нихъ черноземъ высоко поднялся на серединѣ улицы. Сія рыхлая земля, вязкаго свойства, не была еще большимъ неудобствомъ при маломъ народонаселеніи. Когда же оно увеличилось, то проѣздъ черезъ эту клейкую землю по временамъ дѣлался невозможнымъ, даже для легонькихъ дрожекъ тройкой. Все отпечатывалось на этомъ липкомъ веществѣ, ступни людей и скотовъ, и увѣряли, что кто-то упавъ на него прямо носомъ, надолго оставилъ на немъ свою маску. Сообщенія дѣлались невозможны: дабы посѣтить другъ друга, всѣ должны были идти пѣшкомъ между канавъ и домовъ, а для перехода черезъ улицы надѣвать длинные сапоги выше колѣнъ сверхъ другихъ сапоговъ и панталонъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи я нашелъ Одессу.

Много еще было въ ней провинціальнаго, скоро все узнавалось. По случаю великаго праздника, Рождества Христова, въ этотъ день у графа обѣдалъ весь многочисленный его штатъ. Тамъ уже знали о моемъ пріѣздѣ. Черезъ кого-то

изъ бывшихъ тутъ, графъ велѣлъ сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день по утру. Многіе съ этого обѣда, въ длинныхъ сапогахъ, прибѣжали навѣстить меня. Въ томъ числѣ, разумѣется, былъ и Пушкинъ.

Я представилъ графу свою записку о Бессарабіи. Прочитавъ ее, дня черезъ два онъ сказалъ мнѣ: „знаете ли вы, что вы съ глазъ моихъ какъ будто сняли повязку: такъ явственно изображены положеніе края и характеры людей.“ Можно представить себѣ что̀ я почувствовалъ, услышавъ такія слова изъ устъ человѣка, котораго мнѣніе я цѣнилъ такъ высоко. Надобно знать, что въ это время, благодаря главнымъ образомъ вліянію Александра Стурдзы, былъ въ ходу планъ о томъ, чтобы въ Бессарабіи молдавскія права и обычаи были не только сохранены, но еще болѣе распространяемы, и чтобы тамъ введено было какое-то новое судопроизводство: однимъ словомъ, чтобы страна сія еще болѣе отрѣзана была отъ Россіи.

Неожиданно для защитниковъ этого плана, три человѣка сдѣлались препятствіемъ къ его осуществленію. Изъ Кишинева я часто переписывался съ Казначеевымъ и съ Лексомъ. Первый, русскій въ душѣ, во всемъ былъ со мною согласенъ. Другому надоѣла молдавская безсмысленная, тяжелая спѣсь, и онъ охотно подогнулъ бы ее подъ русскія узаконенія, но въ немъ оставалась нѣкоторая робость, и хотя по сей части скорѣе могъ бы имѣть собственныя мнѣнія, но е у пріятнѣе было поддерживать мои. Со времени втораго пріѣзда моего въ Одессу, намѣренія намѣстника, кажется, взяли новый оборотъ.

А въ чемъ состояли мои желанія, цѣль моихъ усилій? въ томъ, чтобъ изъ участка вновь пріобрѣтеннаго сдѣлать просто русскую губернію. Я всегда полагалъ, что вслѣдъ за сдѣланіемъ новыхъ завоеваній, дабы владѣть ими спокойно, надлежитъ стараться припаять ихъ къ общей государственной массѣ, безъ чего они будутъ обременять и ослаблять ее. Тутъ мнѣ не нужно было много выдумывать. Великіе завоеватели, законодатели, Фридрихъ, Екатерина и Наполеонъ, такъ поступали. Укажу на другіе примѣры: Польша, при всемъ безпутномъ своемъ управленіи, умѣла однакоже понять, что православную Украйну она не иначе можетъ укрѣпить за собою какъ вводя въ нее все польское. Употребляя унію и католичество и дѣйствуя первоначально и пре-

имущественно на высшія сословія, она достигла до того, что мы, Русскіе, забыли, что эта страна принадлежала намъ, и что въ ней была колыбель нашей вѣры и нашего древняго могущества: и все насильно введенное и о сю пору еще преобладаетъ. Посреди прежняго варварства Германцевъ тамъ они могли употреблять только жесточайшія мѣры, смертную казнь, для преобразованія Славянъ, для обезъязыченія ихъ, какъ сказалъ одинъ поэтъ. И что же? Мекленбургъ и Померанія, Лузація и Силезія, усиливъ Германію, сдѣлались намъ вовсе чужды, едва ли не враждебны.

. . . . . .

Изобразить Александра Стурдзу не бездѣлица. Въ этомъ человѣкѣ было такое смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, такое иногда противорѣчіе въ мнѣніяхъ, такая выспренность въ умѣ; при мелочныхъ разчетахъ въ дѣйствіяхъ, онъ такъ весь былъ полонъ истинно-христіанскихъ правилъ и въ то же время неумолимаго злопамятства, осуждаемаго нашею вѣрой, что прежде чѣмъ начертать его образъ, надлежало бы, если возможно, химически разложить его характеръ. Грекъ по матери, онъ болѣе сестры принималъ участіе въ судьбѣ Эллиновъ; Молдаванъ по отцу, онъ искренно любилъ своихъ соотечественниковъ и всегда горячо вступался за нихъ, забывая, что они враги его любезнымъ Грекамъ. Едва не сдѣлавшись въ Германіи жертвою своей преданности къ законнымъ престоламъ, онъ обожалъ ея философію и женился на Нѣмкѣ. Другъ порядка и монархическихъ установленій, онъ мечталъ о республикѣ подъ предсѣдательствомъ Каподистріи. Другъ свободы, онъ ненавидѣлъ Пушкина за его мнимо-либеральныя идеи. Онъ былъ все: къ сожалѣнію, только совсѣмъ не Русскій. Воспитанный въ Могилевской губерніи, не понимаю какъ онъ могъ пріобрѣсть запасъ учености, съ которымъ вступилъ на дипломатическое поприще; въ знаніи языковъ древнихъ и новѣйшихъ онъ могъ бы поспорить съ Меццофанти. Съ 1815 года онъ сдѣлался извѣстенъ вмѣстѣ съ покровителемъ и другомъ своимъ, Каподистріей, а въ 1822 вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены, какъ я уже сказалъ гдѣ-то. А на покоѣ, также какъ нынѣ я, строилъ историческо-политическіе воздушные зáмки.

Мнѣ весьма памятны его бесѣды со мной, ибо, вслѣдствіе ихъ, мнѣнія мои о дѣлахъ Европы и Востока начали измѣняться. Онъ не скрывалъ желанія своего видѣть Молдавла-

хію особымъ царствомъ, съ присоединеніемъ къ ней Бессарабіи, Буковины и Трансильваніи. Освобожденіемъ одной Греціи, по мнѣнію его, дѣло на Востокѣ не должно было кончиться. Изъ словъ его было можно замѣтить надежду, что Греки, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько лѣтъ одолѣютъ окончательно прежнихъ притѣснителей своихъ, возстановятъ попрежнему императорское достоинство въ Константинополѣ, и что, исключая Молдавлахіи, всѣ народы живущіе на сѣверъ отъ сей столицы вдоль по Дунаю войдутъ въ составъ сей возобновленной имперіи. Угадывая его мысль, я отвѣчалъ на нее тѣмъ, что сіе весьма было бы желательно, но что исполненіе мнѣ кажется невозможнымъ. Въ кратковременное пребываніе мое въ Кишиневѣ (сказалъ я ему), я могъ убѣдиться отъ живущихъ въ немъ Болгаровъ, Сербовъ, Арнаутовъ, какъ всѣ славянскіе народы не терпятъ Грековъ, и увѣренъ, что ихъ владычеству предпочтутъ они даже турецкое иго. „Мудрое правленіе,—отвѣчалъ онъ,—будетъ всегда умѣть заставить полюбить свою власть.“

И понынѣ сіи господа увѣрены, что возстановятъ Греческую имперію. Да когда же была Греческая имперія? былъ новый Римъ. Римская Восточная имперія; и Константинъ. и Ѳеодосій. и Юстиніанъ, и даже Ираклій были Римляне. Гораздо позже, когда завоеванія Готѳовъ, Славянъ и турецкихъ племенъ сузили сіе царство, до того что во владѣніи своемъ оно имѣло только то что̀ составляло древнюю Грецію, тогда только начали появляться на престолѣ Комнины, Дукасы и Палеологи. По мнѣнію г. Тютчева, сія Восточная Римская, но отнюдь не Греческая, имперія никогда не переставала существовать, а перенесена только съ Босфора на берега Москвы-рѣки, а потомъ на Неву.

. . . . . .

Исключая двухъ столицъ, нѣтъ ни одного города въ Россіи, гдѣ бы находилось столько матеріяловъ для составленія многочисленнаго и даже блестящаго общества какъ въ Одессѣ; а оно тогда какъ бы не существовало. Вообще Одесса была всегда, или по крайней мѣрѣ долго, невеселымъ городомъ. Настоящій основатель ея, Дюкъ де-Ришелье, былъ человѣкъ серіозный; онъ искалъ одного только полезнаго и думалъ, что пріятное придетъ послѣ само собою; строилъ дома и магазины и не заботился о заведеніи рощицъ, разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, какъ бы не зная, что тѣнь въ степи есть райское блажен-

ство. Не столько по его примѣру какъ по собственной охотѣ, и купцы поступали также: каждый изъ нихъ жилъ особнякомъ, проведя утро въ заботахъ и трудахъ, отдыхалъ въ семейномъ кругу и неохотно выходилъ изъ него. Нѣкоторые изъ жителей имѣли вдоль моря спрятанные хутора; но и тутъ выгодному пожертвовано было пріятное; въ нихъ насадили одни фруктовыя деревья, некрасивыя и не достигающія высокаго роста. Посреди города, на весьма небольшомъ пространствѣ, былъ публичный садъ; на него было отвратительно и жалко смотрѣть. Съ мая невозможно было гулять въ немъ; видѣлъ ли въ немъ кто зелень когда-нибудь, не знаю; густыя облака пыли съ окружающихъ его улицъ всегда обхватывали и наполняли его; мелкіе листки акацій и тополей, коими онъ былъ засаженъ, сохраняли сѣрый цвѣтъ все лѣто. И это было единственное мѣсто соединенія для жителей и вечернихъ для нихъ прогулокъ: за то никого въ немъ не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщеніямъ: о томъ Одессане мало заботились; это служило имъ новымъ предлогомъ чтобы сидѣть дома.

Одно увеселительное мѣсто, въ коемъ собирались люди, былъ италіянскій театръ. Зачѣмъ именно италіянскій? не могу сказать. Французскій языкъ во всеобщемъ употребленіи, его почти всѣ понимаютъ, и французскую труппу достать было бы легче и содержать дешевле. Кто были бѣшеные меломаны, которые подали мысль объ италіянской труппѣ и упорно поддержали ее? я по крайней мѣрѣ уже не нашелъ ихъ; всѣ мнѣ показались отмѣнно равнодушными къ музыкѣ. Но уже такъ оно завелось, такъ и продолжается. Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части, негоціантами. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная куда дѣваться вечеромъ, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда разчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ онѣ приходились имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ; тутъ только онѣ могли видѣться другъ съ другомъ, переходить изъ ложи въ ложу, переговорить кой-о-чемъ, и все это, какъ я сказалъ выше, ничего имъ не стоило. Не будучи музыкантомъ, я съ нѣкотораго времени, благодаря Россини, сдѣлался страстнымъ любителемъ италіянской музыки, и оттого не могъ терпѣть въ ней посредственности, а тутъ все было

ниже ея. Что сказать мнѣ о пѣвцахъ и пѣвицахъ? я видѣлъ въ нихъ кочевой народъ, который, перебывавъ на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ, въ Болоньи, Сіеннѣ, Феррарѣ и другихъ мѣстахъ, привозитъ къ намъ свои изношенные таланты. Черезъ годъ, черезъ полтора, ихъ прогонятъ, но тѣ, которыхъ выпишутъ на ихъ мѣсто, не лучше ихъ. Я назову примадонну Каталани, оттого что она носила громкое имя и была невѣсткой, женой брата извѣстной пѣвицы, да хорошенькую Витали, да тенора Монари, который пѣлъ довольно пріятно, но такъ слабо, что въ серединѣ залы его уже не слышно было. Давали прекрасныя оперы: *Сивильскаго Цирюльника*, *Италіянку въ Алжирѣ*, *Сороку-Воровку*, но что за исполненіе! А всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода.

Въ томъ состояніи, въ которомъ Ришелье оставилъ Одессу, нашелъ ее графъ Воронцовъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что и онъ сначала мало помышлялъ о введеніи въ ней общежительности. Казалось, что знатный помѣщикъ пріѣхалъ въ богатое село свое, началъ въ немъ жить по-барски, судить крестьянъ своихъ по правдѣ, искать умноженія ихъ благосостоянія, но что до забавъ ихъ ему нѣтъ никакого дѣла. Еще скорѣе можно было сравнить сіе съ житьемъ владѣтельнаго нѣмецкаго герцога въ малой столицѣ: окружающій его дворъ достаточенъ для составленія ему пріятнаго общества. Однакоже чиновники, служащіе и отставные, повыше въ классахъ, небольшое число помѣщиковъ и главные негоціанты, равно какъ и жены ихъ, представленныя графинѣ, нѣсколько разъ въ зиму приглашаемы были на полуофиціальные вечера, на которыхъ танцовали. Сколь ни лестно было симъ господамъ находиться на такихъ вечерахъ, они охотно отказались бы отъ сей чести. Роскошь, приличная только сану и состоянію графа, пугала ихъ.

Прибыль, барышъ были единственною постоянною ихъ мыслію. Конечно, она приводитъ въ движеніе какъ умы, такъ и большіе и малые капиталы, и необходима для первоначальнаго основанія торговаго города. Но неужели Одесса не имѣетъ и другаго предназначенія? Давно уже повадились мы ѣздить за границу; тамъ находимъ теплый, благорастворенный климатъ, со всѣми удобствами и пріятностями жизни. Зачѣмъ бы не поискать въ Россіи мѣста, которое все это соединяло бы въ себѣ? Да гдѣ же бы? въ Кіевѣ; но находятъ, что тамъ

еще довольно холодно. Подольская губернія, рай земной, но какъ въ него попасть? Поляки мѣшаютъ Русскимъ селиться въ немъ. Остается только берегъ Чернаго моря: на немъ возникъ и быстро выросъ молодой городъ со всѣми недостатками молодости. Искусный правитель могъ бы исправить ихъ; стóитъ только приложить хорошенько къ нему руки, и онъ замѣнилъ бы намъ Флоренцію и Ниццу. Объ этомъ послѣ много думали; къ сожалѣнію, поздно: привычка едва ли не сильнѣе натуры, и мы болѣе чѣмъ когда таскаемся въ южную Европу.

Говоря о недостаткахъ города, въ которомъ было болѣе тридцати тысячъ жителей, когда я узналъ его, надобно означить ихъ. Въ немъ не было того что̀ можно найдти во всякомъ даже небольшомъ губернскомъ городѣ: въ немъ не было такъ-называемаго благороднаго собранія, или клуба, куда общество зимой еженедѣльно съѣзжается, чтобы повеселиться и потанцовать; не было простаго клуба, гдѣ бы мужской полъ могъ проводить за картами длинные зимніе вечера. Въ немъ не было того что̀ необходимо для всякаго торговаго города: въ немъ не было биржевой залы; для совѣщаній, сдѣлокъ, установленія цѣнъ на пшеницу, купечество собиралось на небольшой площади передъ театромъ или въ гадкомъ закопченомъ казино, гдѣ не было возможности ни пройдти, ни дохнуть отъ сильнаго табачнаго дыму. Въ немъ не было того что̀ находишь на всѣхъ минеральныхъ водахъ и мѣстахъ для морскихъ лѣченій: не было ни купалень, ни галлереи для прогулки. Ни въ городѣ, ни за городомъ не было такого мѣста, гдѣ бы послѣ удушливаго, знойнаго дня можно было освѣжиться вечернимъ воздухомъ, и гдѣ знакомые и пріѣзжіе могли бы встрѣчаться и бесѣдовать. * Ничего, кромѣ денегъ, не нужно было жаднымъ и не гостепріимнымъ купцамъ Одессы. Изъ свиты графа никого не приглашали они къ себѣ, и такимъ образомъ совсѣмъ отдѣляли городское общество отъ того, которое почитали придворнымъ. Сія новорожденная колонія при Ришелье, а еще болѣе при Ланжеронѣ, была демократическою республикой: Воронцовъ, какъ отблескъ трона, поразилъ и ослѣпилъ ее. Жаловаться никто не смѣлъ, не было къ тому ни малѣйшей причины, но сначала втайнѣ всѣ были недовольны этою перемѣной.

* Все это, говорятъ, нынѣ существуетъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ молодаго еще и дѣятельнаго градоначальника, Левшина.

Эту зиму въ Одессѣ находилось нѣсколько важныхъ людей. Всѣ они были равнаго чина съ графомъ, всѣ въ той же Александровской лентѣ, и всѣ начальствовали надъ частями отъ него независящими. Онъ не старался воздыматься надъ ними, а цѣлою головой казался выше ихъ. Оттого ли что онъ былъ богаче ихъ? ни мало: отъ природы онъ получилъ счастливый даръ заставить безъ усилій равныхъ себѣ признавать его превосходство.

Всего пробывъ тогда около мѣсяца въ Одессѣ, я не видѣлъ ни одного бала; за то было три маскарада. Погода благопріятствовала городскимъ увеселеніямъ; ночью морозъ сжималъ и сушилъ грязь, днемъ солнцемъ обогрѣтый по ней путь укатывался, сглаживался, повозками, тѣлегами, экипажами: сообщенія дѣлались возможными.

Первый маскарадъ былъ у графа 31-го декабря, дабы весело встрѣтить наступающій 1824 годъ; Французы и другіе иностранцы тутъ находившіеся называли это reveillon. Въ другомъ городѣ, внутри Россіи, этотъ многолюдный маскарадъ показался бы великолѣпнымъ и занимательнымъ. Тутъ казалось, что люди въ костюмахъ, по большей части, восточныхъ, съ улицъ и площадей одесскихъ собрались въ залѣ у графа, разумѣется, только въ нарядахъ гораздо богатѣйшихъ.

Другой маскарадъ былъ сюрпризъ, который приготовила супругу своему графиня Ланжеронъ въ день Богоявленія: она никого не хотѣла приглашать, но всѣмъ знакомымъ изъявила желаніе чтобы въ этотъ день какъ бы невзначай наѣзжали къ ней труппы маскированныхъ, прибавляя, что для нихъ все будетъ готово, — все, даже хорошій ужинъ. Чета Воронцовыхъ, стараясь всячески утѣшить чету Ланжероновъ въ потерѣ мнимаго ея величія, способствовала исполненію сего намѣренія, и сама пріѣхала безъ зову. Г-жа Ланжеронъ прикинулась больною и бѣсила мужа своего, не дозволяя ему ѣхать въ гости. Когда явились первыя маски, тогда только освѣтился домъ, и пріятная истина открылась старому Французу.

Въ день рожденія императрицы Елизаветы Алексѣевны, 13-го января, попытались сдѣлать публичный маскарадъ въ театрѣ за деньги; но зала была почти совершенно пуста, и выручки не было достаточно даже на ея освѣщеніе. Разчетливые Одессане все еще убѣгали отъ шумныхъ забавъ.

Я надѣялся, что представленіемъ записки о Бессарабіи должна окончиться моя миссія, и что туда уже болѣе я не

ворочусь. Напротивъ: къ счастію или къ несчастію, графъ возымѣлъ высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и нашелъ что я въ семъ краю необходимъ. „Вы на опытѣ показали, говорилъ онъ мнѣ, какъ пристально умѣете вы вникать въ предметы; все болѣе и болѣе пріобрѣтаемыя вами свѣдѣнія мнѣ будутъ свѣтить въ этомъ хаосѣ; будьте же тамъ моимъ глазомъ и моимъ ухомъ. Конечно, это сопряжено для васъ съ великими пожертвованіями, но развѣ они не будутъ вознаграждены?“ Тогда, хотя не весьма ясно, онъ далъ провидѣть мнѣ губернаторское мѣсто.

Вскорѣ онъ началъ нудить меня отправиться обратно, ибо самъ намѣренъ былъ на короткое время побывать въ Кишиневѣ (кто знаетъ, можетъ-быть, чтобы повѣрить мои показанія) и хотѣлъ непремѣнно тамъ найдти меня.

X.

До Днѣстра, 24-го января, я ѣхалъ небольшою грязью. На другой день переѣхавъ сію рѣку, до самаго Кишинева видѣлъ поля и пригорки покрытые снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ столь глубокимъ, что мнѣ удобнѣе бы было проѣхать на саняхъ чѣмъ на колесахъ. Узкія улицы Кишинева тонули въ грязи, а на площадяхъ лежалъ снѣгъ. Къ вечеру 26-го числа пріѣхалъ графъ въ сопровожденіи одного Лекса и остановился въ одномъ частномъ домѣ, нескоро ему приготовленномъ.

Онъ всякій день присутствовалъ въ верховномъ совѣтѣ и обѣдалъ со мною и съ Лексомъ, втроемъ. Послѣ обѣда являлся всегда третій заговорщикъ, правдивый и опытный вице-губернаторъ, Петрулинъ. Онъ въ короткое время успѣлъ уже въ своей казенной экспедиціи ввести совершенный порядокъ, поставить ее на ногу другихъ казенныхъ палатъ и наполнить совѣтничьи мѣста людьми русскими, способными и ему извѣстными.

Мѣры имъ предлагаемыя невозможно было отвергнуть. Множество поборовъ, такъ-сказать косвенные налоги, подъ названіями *даждіи*, *вадрарита*, *погонарита* и другими, были чрезвычайно отяготительны для жителей. Едва пятая доля поступала въ казну, а прочее оставалось въ рукахъ сборщиковъ. Онъ предложилъ замѣнить все это прямымъ налогомъ, по десяти рублей ассигнаціями съ души. Счеты на *махмудіе*,

лея, *рубіе*, *пари*, коихъ курсъ безпрестанно мѣнялся и часто упадалъ, были чрезвычайно затруднительны и производили большую путаницу. Онъ старался перевесть ихъ на русскія деньги, и сіи послѣднія по возможности вводить въ общее употребленіе. Такимъ образомъ турецкія и молдавскія названія и система сборовъ начали исчезать.

Почтовая часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ужаснула графа, когда лѣтомъ онъ проѣзжалъ Буджакъ: во время засухи, послѣ получасоваго дождя, лошади съ трудомъ могли взвести его на пригорокъ. Срокъ контрактамъ съ содержателями почтъ приближался, и онъ самъ пожелалъ, чтобы русская ѣзда замѣнила молдавскую, и чтобы на всѣхъ станціяхъ заведены были тройки и кибитки: одинъ Тирасполь поставилъ половину ямщиковъ на всю область. Куда дѣвались каруцы и суруджи? Всѣ згинули.

Слѣдуя прежнему порядку, разстоянія разчитывались по условленнымъ часамъ ѣзды, и по сему счету платились прогоны. А между тѣмъ вся Бессарабія размежевана была уже на версты. Графъ вспомнилъ Мобёжъ, и какъ во Франціи ставилъ онъ русскіе верстовые столбы: тутъ онъ имѣлъ болѣе права сдѣлать сіе и не оставилъ тѣмъ воспользоваться. Въ одной Буджацкой степи, по безлѣсію, исполненіе встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, но и тамъ черезъ полгода явились сіи деревянные знаки русскаго владычества.

Всѣ эти перемѣны, повидимому, маловажныя, однакоже непримѣтно и неизбѣжно вели къ другимъ, гораздо важнѣйшимъ. Графъ не имѣлъ еще твердаго, рѣшительнаго намѣренія насчетъ будущаго устройства сего края, но ежедневные толки и совѣщанія съ тремя совѣтниками сильно поколебали его. Впрочемъ, онъ увлекаемъ былъ и собственными распоряженіями.

Я не упомянулъ объ одномъ важномъ подвигѣ, ознаменовавшемъ начало служенія моего въ Кишиневѣ; здѣсь необходимо поговорить о немъ.

Исключая казенныхъ имѣній, во всей области была вольная продажа вина и водки. Казенныя же имущества заключались въ бывшихъ турецкихъ крѣпостяхъ и въ небольшомъ пространствѣ окружающихъ ихъ земель. Въ 1819 году, питейная продажа въ нихъ отдана была казенною экспедиціей на откупъ или на *коммиссію*, срокомъ на одинъ годъ, два раза упомянутому мною Варѳоломею. Черезъ три мѣсяца онъ уже

былъ совершенно неисправенъ въ уплатѣ откупной суммы, и пребольшая наросла недоимка. Откупъ былъ отобранъ у него, и казенная экспедиція сама вошла въ распоряженіе симъ дѣломъ. При всѣхъ безпорядкахъ, въ девять мѣсяцевъ выручена была такая сумма, что еслибы Варѳоломей взнесъ сполна слѣдуемое съ него, недоимки не было бы. Однакоже при Низовѣ началось о томъ дѣло, но не подвигалось. Варѳоломей защищалъ себя словомъ *коммиссія*, и утверждалъ, что онъ дѣйствовалъ болѣе какъ коммиссіонеръ нежели какъ откупщикъ, и что только по сему первому званію представлены были отъ него залоги.

Великое движеніе, которое дано было производству дѣлъ пріѣздомъ новаго намѣстника, и сіе дѣло выдвинуло изъ забвенія. Варѳоломей, въ домѣ котораго нанята была для графа квартира, первый встрѣтилъ его съ привѣтствіями и первый былъ обласканъ имъ; отъ того ожидалъ онъ себѣ великихъ успѣховъ. Члены совѣта, почти всѣ изъ бояръ, смотрѣли на него съ пренебреженіемъ, какъ на человѣка недавно изъ ничего вышедшаго, смѣялись надъ его мѣщанскимъ тщеславіемъ и роскошью, но отнюдь не питали къ нему зависти и злобы. Когда я пріѣхалъ въ сентябрѣ, моя физіономія понравилась ему, и я, не имѣя о немъ понятія, по зову его, обѣдалъ въ его загородномъ домѣ, или хуторѣ, Мунчештахъ. Надобно полагать, что онъ видѣлъ во мнѣ простяка, котораго легко можно заласкать и задобрить. Въ просьбѣ, поданной графу, онъ изъявилъ желаніе чтобы дѣло его поручено было особому моему разсмотрѣнію, и чтобы по сдѣланной мною о немъ выпискѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ, представлено было въ совѣтъ. Графъ, не сказавъ мнѣ ни слова, второпяхъ согласился, подписалъ о томъ приказаніе и ускакалъ въ Хотинъ. За отсутствіемъ его, ни отказаться, ни даже отговариваться мнѣ не было возможности.

Я ахнулъ, когда мнѣ сказали о томъ: никогда еще съ откупными дѣлами я не встрѣчался, и по привычкѣ часто говорить русскія пословицы, я воскликнулъ: „первый блинъ да комомъ.“ Я вытребовалъ дѣло, и оно ужаснуло меня своею огромностію. Я сталъ разсматривать его, и оно показалось мнѣ тараборскою грамотой, которую я никогда не разберу. Однакоже чего не одолѣетъ терпѣніе и внимательность? Хотя, какъ и во всякомъ нашемъ судопроизводствѣ, истина была тутъ потоплена въ многословіи, но не такъ глубоко

чтобы не могъ я выудить ее. Главное затрудненіе для меня состояло въ изложеніи обстоятельствъ дѣла; съ приказною фразеологіей я былъ совсѣмъ незнакомъ; но и тутъ судьба пришла мнѣ на помощь.

Я замѣтилъ въ совѣтѣ одного молодаго протоколиста, лѣтъ двадцати шести, Украинца, который, за неимѣніемъ тогда секретаря по русской части, иногда докладывалъ дѣла. Добродушіе было написано на откровенномъ лицѣ Владиміра Моисеевича Скляренки, и весь онъ исполненъ былъ живости. Когда онъ входилъ въ объясненія, пріятно было слушать его и понимать легко. Съ отроческихъ лѣтъ онъ употребляемъ былъ въ нижнихъ судахъ Малороссіи, съ понятливостію пріобрѣлъ великій навыкъ въ дѣлахъ и въ молодости могъ уже почитаться въ нихъ докой. Какъ онъ попалъ въ Бессарабію, не знаю; только я замѣтилъ, что ничьимъ покровительствомъ въ ней онъ не пользуется. Я пригласилъ его къ себѣ, показалъ ему бумагу, на которую набросаны были мысли мои о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ, и попросилъ его составить по нимъ въ законной формѣ записку, на что онъ охотно согласился. Исключая нѣкоторыхъ моихъ поправокъ, выписка изъ дѣла можетъ почитаться болѣе его твореніемъ чѣмъ моимъ.

А между тѣмъ съ хозяиномъ моимъ, Варѳоломсемъ, я прекратилъ всякія сношенія, что̀ не мало должно было удивить его; я хотѣлъ казаться безпристрастнымъ, а можетъ-быть втайнѣ негодовалъ за взваленный на меня трудъ. Я ни съ кѣмъ не совѣтовался, и кромѣ Скляренки, не открывалъ никому мнѣнія своего. Какъ ни малосвѣдущъ я былъ, однако меня изумило совершенное отсутствіе мѣръ предосторожности, принимаемыхъ въ такихъ случаяхъ. Съ 1819 года не было наложено запрещенія на представленные залоги, которые, сверхъ того, не стоили и половины того во что были оцѣнены: казна ничѣмъ не была обезпечена. Удивительно какъ откупщикъ не догадался, обременивъ долгами недвижимыя свои имѣнія, движимость и капиталы перевести за границу. На такія упущенія не оставилъ я указать въ донесеніи своемъ. Работа наша была окончена еще къ 20-му декабря, но я отправлялся въ Одессу, и представленіе ея отложилъ до возвращенія моего.

Весьма кстати случился тутъ графъ, который любилъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Совѣтъ испугался отвѣт-

ственности, которая и на немъ могла лежать, особенно когда съ наросшими процентами сумма, слѣдуемая ко взысканію, оказалась огромною. Всѣ единогласно согласились съ моимъ мнѣніемъ. Полицеймейстеру велѣно въ тотъ же день описать движимое имущество Варѳоломея, которое было не маловажно, ибо отчасти состояло изъ талей, алмазовъ и жемчуговъ. Какъ громовымъ ударомъ былъ пораженъ бѣдный Варѳоломей: но что̀ мнѣ было дѣлать? я дѣйствовалъ по совѣсти и законамъ.

Не съ большимъ недѣлю прожилъ графъ въ Кишиневѣ, и пребываніе его было полезно для весьма многихъ дѣлъ. Онъ поступалъ благоразумно, справедливо, но, должно признаться, довольно самоуправно. Устройство края улучшенія во всѣхъ частяхъ кипѣли въ головѣ у новаго намѣстника, и все это отозвалось на мнѣ. Въ продолженіе двухлѣтняго моего тутъ пребыванія, сколько учреждено комитетовъ? и во всѣхъ посаженъ я былъ или предсѣдателемъ, или членомъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ намѣренъ я здѣсь дать вѣрный отчетъ, какъ самому себѣ, такъ и другимъ. Труды свои, совершаемые постепенно, дабы не смѣшивать ихъ съ происшествіями, хочу представить здѣсь разомъ. Но я долженъ напередъ отбросить всю совѣстливость, дабы нахвастаться вдоволь, и потомъ опять приняться за нее.

Во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ были уже строительныя коммиссіи: въ Кишиневѣ было тоже нѣчто подъ симъ названіемъ. Но какъ было строиться? Молдаване были твердо увѣрены, что въ Кишиневѣ не можетъ остаться постоянное мѣстопребываніе областнаго правленія и ставили только небольшіе домики, окружая ихъ плетневыми заборами, хотя многіе изъ нихъ за дорогую цѣну были наняты для казны. Десять процентовъ со всѣхъ областныхъ доходовъ государь пожаловалъ краю для устройства дорогъ, для общеполезныхъ заведеній и для украшенія городовъ. Сумма должна была значительно умножиться; но, дабы скрыть накопившіяся недоимки, къ нимъ причислили и сей десяти-процентный сборъ, такъ что всего на лицо было его только десять тысячъ рублей ассигнаціями; исключая острога, не было ни одного казеннаго строенія.

Вездѣ губернаторы завѣдываютъ строительною частію: тутъ захотѣлось графу назначить меня предсѣдателемъ такъ-называемаго строительнаго комитета, и добрый Катакази

отнюдь не обидѣлся этимъ. Членами посажены областной землемѣръ, исправляющій должность областнаго архитектора, Азмидовъ, который очень хорошо зналъ свое дѣло, но въ архитектурѣ не много смыслилъ, архитекторъ, котораго Богъ вѣсть какъ я выкопалъ и о которомъ еще рѣчь впереди, да еще одинъ депутатъ отъ дворянства, Доничъ, и другой отъ купечества, котораго названія не помню. Я открылъ первое засѣданіе, а потомъ второе отложилъ на неопредѣленное время.

Во время молдавскаго управленія, даже въ послѣдніе дни Потемкина, когда тѣло его провозили черезъ Кишиневъ, онъ былъ небольшимъ селеніемъ съ одною каменною церковью, съ двадцатью вокругъ нея уцѣлѣвшими отъ пожара небольшими домиками и съ сотней обгорѣвшихъ. Послѣ Ясскаго мира народонаселеніе стало очень умножаться, но жители, строя вкривь и вкось, всѣ лѣпились вдоль небольшой рѣчки, Быка. Сіе мѣстечко принадлежало Св. Гробу; доходы съ него собираемые были весьма маловажны, и патріаршество Іерусалимское добровольно уступило его государю. Когда въ смутное для Россіи время пріобрѣтенъ сей край, то вся власть надъ нимъ предоставлена мѣстному начальству. Два старика, митрополитъ Гавріилъ и губернаторъ Стурдза, избрали Кишиневъ (въ которомъ было уже до полуторы тысячи жителей), по центральному его положенію, мѣстомъ пребыванія своего. Особенно первый, на темени горы, на монастырскія и другія церковныя деньги, поспѣшилъ выстроить семинарію, въ два съ половиной этажа, да большой каменный архіерейскій домъ, который и назвалъ Митрополіей. Тѣмъ рѣшилась судьба новаго города. Когда мы пріѣхали, въ 1823 году, семь или восемь каменныхъ домовъ торчали посреди сотенъ лачужекъ.

Болѣе всего сначала привлекъ на себя вниманіе мое городской садъ или, лучше сказать, мѣсто для него отведенное. Извѣстно, какъ императоръ Александръ любилъ природу, деревья, какъ вездѣ воспрещалъ онъ порубку ихъ и какъ вездѣ споспѣшествовалъ ихъ насажденію. Всѣ посѣщенные имъ губернскіе города украшались бульварами, скверами, садами. Будучи въ Кишиневѣ, онъ изъявилъ удивленіе, какъ въ столь благорастворенномъ климатѣ никто о томъ не подумалъ. Ему отвѣтили, что такое намѣреніе было, но такъ какъ ожидали его, то надѣялись, что онъ самъ изволитъ избрать

мѣсто для публичнаго гулянья, которое потомъ останется памятникомъ кратковременнаго его пребыванія. Государь согласился и указалъ на просторную поляну, вблизи отъ архіерейскаго дома и сада. За дѣло взялись горячо, обнесли мѣсто низкимъ заборомъ и засадили деревьями. На бѣду, Инзовъ, который почиталъ себя великимъ натуралистомъ, у себя въ кабинетѣ, подъ стеклянными калпаками, берегъ разнаго рода и величины растенія и деревья, а о сохраненіи насажденныхъ совсѣмъ не заботился. По волѣ графа, сіе, при самомъ рожденіи, погибшее дитя отдано было подъ мою опеку.

Я съ ужасомъ взглянулъ на сіе полумертвое чадо. Отъ тридцати до сорока бѣлыхъ акацій и тополей разбросаны были на большомъ пространствѣ; овцы и коровы спокойно разгуливали по немъ, ибо, по небрежности, въ заборѣ сдѣлались отверстія. Я велѣлъ задѣлать ихъ, а животныя, по доброму согласію у меня съ полицеймейстеромъ, были забираемы и отсылаемы въ острогъ, для прокормленія содержащихся въ немъ. Жители возроптали, вознегодовали, но я устоялъ на своемъ, и бѣдный садъ навсегда избавилъ отъ вредныхъ посѣтительницъ. У города выпросилъ я по шести сотъ левовъ ежегодно на поддержаніе и умноженіе плантацій: половину я отдалъ садовнику, Нѣмцу-колонисту, влюбленному въ свое ремесло, котораго самъ Богъ послалъ мнѣ. Въ первый годъ мы задолжали, въ слѣдующій расплатились. Чего не дѣлаетъ бережливость! На небольшую сумму, бывшую у меня въ распоряженіи, въ углу сада я поставилъ избу для жительства садовника, а онъ передъ нею устроилъ великолѣпный цвѣтникъ: роскошь, дотолѣ неизвѣстная жителямъ Кишинева. Въ лощинахъ онъ насадилъ липы, и вообще въ первый годъ всѣ аллеи засажены были деревьями, которыя всѣ принялись на другой. Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я объ этомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ пріѣзжихъ, давно уже теперь прекрасная роща.

Чрезвычайно озабочивала графа чистка рѣки Быка. По широкой долинѣ, надъ которою, съ одной стороны, возвышался Кишиневъ, сія рѣчка, болѣе похожая на ручей, протекала медленно безпрестанными большими изгибами, можно сказать, металась изъ стороны въ сторону. Сего нельзя было замѣтить, ибо въ двухъ мѣстахъ она была запружена. По азіятскому обычаю, въ эти пруды валили мертвыхъ кошекъ, собакъ, лошадей, да сверхъ того, въ нихъ сливались помои и всякаго рода

нечистота изъ нижней части города. Отъ того-то происходилъ нестерпимый духъ, коимъ поражено было мое обоняніе при первомъ въѣздѣ въ Кишиневъ. Все лѣто и бо́льшую часть осени зловредныя испаренія производили ужасныя повальныя лихорадки между прибрежными жителями, и смертность умножалась. Какъ помочь было этой бѣдѣ? Надлежало въ самой серединѣ долины прорыть неширокій и прямой каналъ; вода, втѣсненная въ него, стала бы быстро протекать чистою струей. Графъ поручилъ Потье и другимъ одесскимъ инженерамъ исчислить, во что̀ можетъ обойдтись такая операція. Эти господа, привыкнувъ дѣлать все на широкую руку, составили смѣту въ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. „Ну, гдѣ мы ихъ возьмемъ?“ печально сказалъ мнѣ графъ. Черезъ нѣсколько времени я доложилъ ему, что нашелъ артиллерійскаго капитана, Эйтнера, который женился, вышелъ въ отставку, живетъ безъ дѣла и берется все это произвесть, даже камнемъ выложить каналъ, за весьма умѣренную цѣну, всего за восемнадцать тысячъ левовъ. Хорошо сдѣлалъ графъ, что согласился, повѣрилъ и поручилъ мнѣ заняться этимъ. Пришлось уничтожить двѣ мельницы, которыя городу не приносили никакого почти дохода, а жителей между тѣмъ это заставило кричать. Въ январѣ нѣсколько дней сряду случайно доходило до двѣнадцати градусовъ мороза; я этимъ воспользовался, велѣлъ пробить первую плотину, и съ Эйтнеромъ самъ находился при спускѣ воды. Несмотря на морозъ, я едва могъ выстоять двадцать минутъ: до такой степени сильно было зловоніе. Когда стаялъ ледъ, начали очищать мѣсто отъ костей; оставшаяся свободная земля, удобренная, унавоженная, отдана подъ огороды и стала приносить городу втрое болѣе чѣмъ сломанныя мельницы. Уже въ іюлѣ, во время жаровъ, число больныхъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину противъ того что̀ было даже зимой. Самое производство работъ началось при мнѣ, но кончилось уже безъ меня. Не знаю, право, хотя единый человѣкъ сказалъ ли спасибо графу и тѣмъ, коихъ онъ употреблялъ?

Въ самой верхней части города, позади архіерейскаго дома, не знаю по чьему плану разбиты были большіе кварталы и обозначены обведенною вокругъ нихъ малою канавкой: они оставались почти не заселенными. Въ самой же нижней части владѣльцы не имѣли никакого законнаго права на участки, кои занимали, и строились по словеснымъ дозволеніямъ. Стран-

но и жестоко показалось жителямъ воспрещеніе строить вновь и починивать домы безъ письменнаго дозволенія отъ комитета. Они не хотѣли слушаться; я, съ помощію того же полицеймейстера, велѣлъ ломать новыя, самовольныя постройки и, между прочимъ, одну пивоварню. Въ замѣнъ лачужекъ, кои безъ починокъ года черезъ два должны были повалиться, и на лоскуткѣ земли имъ не принадлежащей, я предлагалъ жителямъ пространныя мѣста въ новыхъ кварталахъ, гдѣ они могли бы заводить сады, и на владѣніе коихъ получали бы документы. Только два или три человѣка согласились на это. Нѣтъ сомнѣнія, что съ соблюденіемъ постоянныхъ мѣръ сіе переселеніе черезъ нѣсколько лѣтъ могло бы совершиться. Но послѣ меня никто не хотѣлъ о томъ помышлять, и все оставалось въ прежнемъ видѣ.

Отъ областнаго землемѣра я получилъ составленный имъ самый вѣрный планъ Кишинева. Не касаясь верхнихъ кварталовъ, безъ большаго труда по прочимъ, я сталъ проводить прямыя линіи карандашемъ и поручилъ областному архитектору начертить по нимъ новый планъ регулированія города. Черезъ графа планъ этотъ представленъ былъ государю, который приказалъ отправить его къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Ланскому, завѣдывавшему тогда и Бессарабскою частію, а тотъ передалъ его въ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій. Тамъ пролежалъ онъ болѣе семи лѣтъ, и мнѣ же пришлось выручать его оттуда. Онъ утвержденъ и приводится въ исполненіе; по немъ строится Кишиневъ и, какъ увѣряютъ, весьма украшается.

Самое важное порученіе, сдѣланное мнѣ графомъ, было составленіе проекта постановленія объ обязанностяхъ и правахъ царанъ и помѣщиковъ. Въ Бессарабіи, равно какъ и въ Молдавіи, хлѣбопашцы суть вольные люди. Утверждали, однакоже, что житье ихъ хуже чѣмъ негровъ. Дворянское достоинство тамъ, гдѣ нѣтъ дворянъ, не могло давать исключительнаго права на пріобрѣтеніе земель; покупалъ ихъ тотъ, у кого были деньги, къ какому бы состоянію ни принадлежалъ, и живущіе на нихъ были къ владѣльцамъ въ томъ же отношеніи, что̀ наемщики къ хозяевамъ: за землю должны были платить имъ работою и деньгами. Въ совершенномъ согласіи между собою и съ исправничествами, несмотря на ограниченныя законами обязанности царанъ, владѣльцы нерѣдко угнетали ихъ, обременяя работами, иногда не оставляя имъ

ни копѣйки. Съ живостію молодости, не совсѣмъ во мнѣ потухшей, я охотно приступилъ къ новому, незнакомому мнѣ труду. „Вотъ случай“, подумалъ я, „облегчить, участь, можетъ-быть, тысячей мнѣ подобныхъ людей.“ Я желалъ уничтоженія крѣпостнаго права, и въ этомъ только смыслѣ могъ почитаться либераломъ.

Я прилежно началъ разсматривать въ переводѣ постановленія, по сему предмету, молдавскихъ господарей, также проектъ верховнаго совѣта и, наконецъ, родъ проекта, составленнаго самимъ генераломъ Инзовымъ и препровожденнаго на разсмотрѣніе къ графу Кочубею. Въ этомъ рукописномъ фоліантѣ каждая глава начиналась проповѣдью, и каждая статья содержала въ себѣ длинное нравоученіе.* Я не торопился съ окончаніемъ работы: наперед старался добывать нужныя свѣдѣнія и не разъ самъ ѣздилъ въ окрестныя селенія; я вездѣ встрѣчалъ довольство и благосостояніе. Этимъ жители были обязаны не чрезмѣрной снисходительности помѣщиковъ, не собственному трудолюбію, а чрезвычайному плодородію земли. Вообще въ молдавскихъ поселянахъ нѣтъ безчувственности Чухонцевъ, а скорѣе лѣность и флегматическое спокойствіе Малороссіянъ, съ коими и въ обычаяхъ имѣютъ много сходства. Познавъ всю истину, я принялся за свой проектъ, надъ которымъ хотѣлось мнѣ поставить эпиграфомъ: чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы. Я представилъ его графу, который продержалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, многимъ давая его на разсмотрѣніе, потомъ, безъ всякой перемѣны, препроводилъ его въ совѣтъ, съ которымъ въ это время были у меня ужаснѣйшія несогласія. Члены его полагали, что вѣроятно изъ мщенія принесены мною въ жертву ихъ выгоды; но увидѣли противное и скоро, также безъ всякой перемѣны, одобрили проектъ. Послали его въ Петербургъ, гдѣ онъ пролежалъ годы, не обращая на себя никакого вниманія. Послѣ того, съ перемѣной обстоятельствъ, онъ неоднократно подвергался измѣненіямъ. Это дѣло я совсѣмъ потерялъ изъ виду, забылъ о немъ, не

* Случилось нѣчто забавное: твореніе сіе, съ насмѣшливыми замѣчаніями Бludова, отправлено было обратно къ полномочному намѣстнику. А такъ какъ Инзовъ продолжалъ исправлять сію должность до самаго пріѣзда графа Воронцова, а тотъ промѣшкалъ въ дорогѣ, то оно успѣло еще попасть въ руки самого автора. Можно себѣ представить неудовольствіе послѣдняго!

бралъ труда узнавать о его участи и о сю пору ничего о томъ не знаю.

Болѣе хлопотъ, но менѣе труда и соображеній, стоило мнѣ другое немаловажное дѣло, которымъ я долженъ былъ заняться. Учреждена областная коммиссія, составленная изъ областнаго предводителя дворянства, двухъ членовъ совѣта и меня, и ей поручено сдѣлать первую ревизію жителямъ Бессарабіи. Ей подчинены были шесть цынутныхъ коммиссій, и въ каждую изъ нихъ отправлено было по одному русскому чиновнику, который, по даннымъ ему письменнымъ наставленіямъ и съ помощію исправника, долженъ былъ производить вѣрную и точную перепись поселеннымъ въ Цынутѣ. Дѣлопроизводство было на русскомъ языкѣ, котораго сочлены мои вовсе не знали; оттого они ни во что не мѣшались и, не знаю, собирались ли мы всего раза два: слѣдственно и тутъ все возлегло опять на мнѣ. Мнѣ же предоставленъ былъ и выборъ чиновниковъ, въ чемъ я не встрѣтилъ большаго затрудненія. Множество военныхъ, весьма порядочныхъ людей, скуки ради, переженились на Молдаванкахъ, въ надеждѣ на богатое приданое, и вышли въ отставку. Они ошиблись въ своихъ разчетахъ, жили скудно и ничего такъ не желали какъ быть употребленными по гражданской части. Я принялся за нихъ, и всѣ они оправдали мои ожиданія. Между ними одинъ особенно оказалъ себя ко всему способнымъ, майоръ Калакуцкій, человѣкъ умный и благородный: изъ нихъ его только имя и особа сохранились въ слабѣющей моей памяти. Подъ разными наименованіями,—мазыловъ, рунташей, резешей, и другими, — люди принадлежащіе почти всѣ къ одному состоянію наполняли Бессарабію: при переписи затруднительно было слѣдовать этой классификаціи. Съ согласія графа, они показаны всѣ подъ простыми русскими названіями мѣщанъ и поселянъ; и вотъ еще великій шагъ къ упраздненію молдавскихъ обычаевъ. Помнится мнѣ, что во всей области, исключая колоній, насчитано жителей до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ обоего пола; въ одномъ городѣ Кишиневѣ было ихъ уже двадцать шесть тысячъ.

Мало ли куда еще былъ я примкнутъ; но о томъ не стóитъ говорить, ибо по другимъ частямъ я мало или вовсе не занимался. Были, однако, дѣла, къ коимъ я приплелся самовольно. Графъ, желая распространить въ сей полуазіятской странѣ начала европейскаго просвѣщенія, завелъ ланка-

стерскія школы взаимнаго обученія и весьма удачно поручилъ сіе дѣло ректору семинаріи, архимандриту Иринею, человѣку пылкому, свѣдущему, исполненному святости безъ изувѣрства. Я свелъ съ нимъ тѣсную дружбу, и принялъ въ семъ дѣлѣ живѣйшее участіе, какъ будто бы оно мнѣ было приказано; а отчего? Мнѣ хотѣлось убѣдить Иринея (въ чемъ я и успѣлъ), что лучше будетъ молодыхъ Молдаванъ первоначально учить русской азбукѣ, русскому чтенію, а молдавское пока оставить. Вездѣ хотѣлось мнѣ тутъ водворить Россію.

За отсутствіемъ епархіальнаго архіепископа, Димитрія, находившагося въ Петербургѣ на очереди, архимандритъ Ириней весьма естественнымъ образомъ игралъ важную роль. Архіепископъ же Димитрій, человѣкъ умный и правдивый, по слабости человѣческой, желая угодить Голицыну, господствовавшему до мая 1824 года, всѣми мѣрами поддерживалъ въ Кишиневѣ Библейское Общество, которое въ Петербургѣ начинало разрушаться.

Въ этомъ дѣлѣ не только содѣйствовалъ ему, но и руководствовалъ имъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Онъ выросъ въ домѣ Трубецкихъ, и при Екатеринѣ былъ долго старшимъ адъютантомъ Репнина. Въ царствованіе Павла и Александра неоднократно бывалъ онъ въ сраженіяхъ, всегда отличался храбростію и самому себѣ обязанъ былъ дальнѣйшими успѣхами по службѣ. По замиреніи, его тянуло къ покою и мирнымъ занятіямъ; согласно его желаніямъ ему дано мѣсто главнаго попечителя колоній южнаго края, не совсѣмъ соотвѣтствующее его генералъ-лейтенантскому чину, и онъ поселился въ Екатеринославѣ, гдѣ находилось центральное управленіе колоній.

Прибытіе къ нему подъ надзоръ вольнодумца Пушкина было какъ бы предвѣстіемъ наступившихъ для него бурныхъ дней. Его религіозныя чувства, которыхъ настоящимъ образомъ не понимали, и наружная его кротость были извѣстны Стурдзѣ, и онъ на мѣсто Бахметева, черезъ Каподистрію, а можетъ и съ помощію Голицына, выпросилъ, чтобъ его назначили временно-исправляющимъ должность бессарабскаго намѣстника, не отнимая, впрочемъ, у него и колоніальнаго управленія, которое вмѣстѣ съ собою перевезъ онъ въ Кишиневъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ вслѣдствіе отбытія Ланжерона, по сосѣдству поручили ему и весь Новороссійскій край. Силы начинали уже оставлять его, а какъ

онъ добросовѣстно принялся за исполненіе своихъ обязанностей, то рѣшительно можно сказать, что изнемогалъ подъ бременемъ дѣлъ и обрадовался назначенію Воронцова.

Тогда въ Кишиневѣ было повѣтріе любить меня; надобно полагать, что и онъ подвергнулся сему, не весьма пагубному вліянію: иначе какъ объяснить внезапную пріязнь его ко мнѣ? Я не искалъ его знакомства, не бывалъ у него, встрѣчаясь только-что почтительно кланялся, а онъ осыпалъ меня нѣжнѣйшими ласками. Наконецъ, онъ рѣшился позвать меня къ себѣ обѣдать, что̀ послѣ того нерѣдко повторялось. Сужденія его были правильны, разказы любопытны, и бесѣды наши бывали пріятны для обоихъ.

Тайна ласкъ сего совсѣмъ не притворнаго человѣка открылась мнѣ наконецъ. Онъ увидѣлъ во мнѣ чудное орудіе, насланное судьбой въ Бессарабію, для поддержанія и усиленія Библейскаго Общества. Я далъ ему записать себя членомъ, но, извиняясь множествомъ дѣлъ, не отвѣчалъ ни на одну изъ присылаемыхъ мнѣ бумагъ, дабы нигдѣ и подписи моей не было видно, и смѣло могу сказать, что совершенно не участвовалъ въ дѣйствіяхъ сего общества.

Нерѣдко разговаривая со мной, онъ вздыхалъ о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней, взаимной любви. Сношенія ихъ, однако, сдѣлались сколько странными, столько и трогательными, и забавными. Съ первой минуты, прибывшаго совсѣмъ безъ денегъ молодаго человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жительствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой минуты послѣдней ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ онъ не былъ причастенъ, онъ накидывалъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе чѣмъ съ начальникомъ, онъ сдѣлался смѣлъ и шутливъ, никогда не дерзокъ, а тотъ готовъ былъ все простить ему. Была сорока, забавница цѣломудреннаго Инзова; Пушкинъ нашелъ средство выучить ее многимъ неблагопристойнымъ словамъ, и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе; но и тутъ старикъ не умѣлъ серіозно разсердиться. Иногда же, когда дитя его распроказничается, то болѣе для предупрежденія

непріятныхъ послѣдствій чѣмъ для наказанія, онъ сажалъ его подъ арестъ, то-есть нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать съ какимъ нѣжнымъ участіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ.

„Зачѣмъ онъ меня оставилъ“, говорилъ мнѣ Инзовъ: „вѣдь онъ посланъ былъ не къ генералъ-губернатору, а къ попечителю колоній; никакого другаго повелѣнія о немъ съ тѣхъ поръ не было; я могъ бы, но не хотѣлъ препятствовать ему. Конечно, въ Кишиневѣ иногда бывало ему скучно; но развѣ я мѣшалъ его отлучкамъ, его путешествіямъ на Кавказъ, въ Крымъ, въ Кіевъ, продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ, иногда, болѣе полугода? Развѣ отсюда онъ не могъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ, и жить въ ней сколько угодно? Тамъ, право, не сдобровать ему.“

Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца,—хотя я и не вѣрилъ имъ,— трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ марта пріѣхалъ недѣли на двѣ, многихъ, разумѣется, въ томъ числѣ и меня, обрадовавъ своимъ пріѣздомъ.

Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала не весьма въ безызвѣстности Гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая, но не молоденькая дочь, получившая при крещеніи миѳологическое имя Калипсо. Она была не высока ростомъ, худощава, и черты у нея были правильныя; но природа съ бѣдняжкой захотѣла сыграть дурную шутку, посреди пріятнаго лица ея прилѣпивъ ей огромный, ястребиный носъ. Несмотря на то, она нравилась многимъ только не мнѣ, ибо длинные носы всегда казались мнѣ противны. У нея былъ голосъ нѣжный, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя турецкія пѣсни: одну изъ нихъ, съ ея словъ, Пушкинъ переложилъ на русскій языкъ, подъ именемъ *Черной шали*. Исключая турецкаго и природнаго греческаго, она хорошо знала еще языки арабскій, молдавскій, италіянскій и французскій. Въ обращеніи ея не видно было ни малѣйшей строгости; еслибъ она жила въ вѣкъ Перикла, исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрине и Лаисы.

Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкинъ представилъ меня сей дѣвѣ и ея родительницѣ. Въ немъ же самомъ я не замѣтилъ и остатковъ любовнаго жара, коимъ прежде онъ горѣлъ къ ней. Воображеніе пуще разгорячено было въ немъ мыслію, что будто бы лѣтъ пятнадцати она впервые познала страсть въ объятіяхъ лорда Байрона, путешествовавшаго тогда по Греціи. Вдохновенный ею, онъ написалъ даже извѣстное, прекрасное посланіе къ Гречанкѣ:

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной живостью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей, и проч.

Мнѣ не соскучилось у этихъ дамъ, только и не слишкомъ полюбилось. Не помню, ее ли мнѣ завѣщалъ Пушкинъ или меня ей, только отъ наслѣдства я тотчасъ отказался. Послѣ отъѣзда Пушкина, у этихъ женщинъ не знаю былъ ли я болѣе двухъ разъ.

Гораздо болѣе полезнымъ готовъ я былъ находить знакомство съ матерью. По всему городу носилась молва о силѣ ея волшебства. Она была упованіемъ, утѣшеніемъ всѣхъ отчаянныхъ любовниковъ и любовницъ. Ея чары и по-заочности умягчали сердца жестокихъ и гордыхъ красавицъ и холодныхъ какъ мраморъ мущинъ, и ихъ притягивали другъ къ другу. Одинъ очевидецъ, если не солгалъ, разказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ ея магическихъ дѣйствій. Пиѳонисса садилась въ старинныя кресла, брала въ руки прямой, длинный, бѣлый прутъ и надѣвала на голову ермолку или скуфью изъ чернаго бархата съ бѣлыми кабалистическими знаками и буквами. Потомъ она начинала возиться, волноваться, даже бѣсноваться; вдругъ трепетъ пробѣгалъ по ея членамъ, она быстрѣе поворачивала прутомъ, произносила какія-то страшныя слова, и сѣдые волосы становились дыбомъ на челѣ ея, такъ что черная шапочка отъ силы движенія прыгала на поверхности ихъ. Когда она успокоивалась, то просящему о помощи объявляла, что дѣло кончено, и что неумолимая отнынѣ въ его власти. Ну, какъ было не желать посмотрѣть на такое зрѣлище? Я сталъ умолять старуху, Полихронію, называя первое женское имя, которое пришло мнѣ на память: всѣ убѣжденія мои остались тщетны. Она сказала мнѣ: „въ вашихъ глазахъ читаю я ва-

ше безвѣріе, а въ такихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, вѣра есть главное дѣло!“

Первый разъ въ жизни встрѣчая весну на дальнемъ югѣ, я дѣлалъ свои метеорологическія наблюденія и хочу ими заключить сію главу. Я думаю, что сіе простится мнѣ: я такъ много имѣлъ предметовъ къ описанію и всѣхъ коснулся, слѣдственно не уподобятъ меня человѣку, который, не зная что̀ сказать, заговоритъ о погодѣ.

Пустившись гулять 20-го февраля, какъ сѣверный житель сверхъ обыкновеннаго платья я надѣлъ холодную шинель. Я зашелъ далеко, теплота въ воздухѣ начала увеличиваться до того, что ее можно было назвать жаромъ, и шинель моя сдѣлалась мнѣ не только лишнею, но и невыносимою. Я рѣшился зайдти въ ближайшее знакомое мѣсто къ отставному генералу, Ивану Марковичу Гартингу, первые годы управлявшему Бессарабіей, а тогда жившему въ забвеніи. и такъ какъ слугъ у него было очень мало, то его самого просить о дозволеніи оставить ее у него.

Весь мартъ стояла теплая и ясная погода. Пространное поле на горѣ, примыкающее къ городу, обратилось въ ежедневное, общее гулянье. По серединѣ его всякій день по вечерамъ бывали полковыя ученья. Кругомъ въ *буткахъ* (такъ по-молдавански называются коляски) медленно тащились всѣ тѣ кои имѣли ихъ; куконы и куконицы, боярыни и боярышни, по цѣлымъ часамъ останавливались чтобы посмотрѣть на ученье и поговорить съ знакомыми, въ другихъ коляскахъ рядомъ съ ними стоящими. Обычай сей не гулять пѣшкомъ и не ѣздить, а стоять въ экипажахъ чтобы поглазѣть и поболтать, мнѣ показался очснь глупымъ; я вѣрно ошибся, ибо черезъ нѣсколько лѣтъ переняли его и въ Петербургѣ. Тамъ гдѣ на полѣ не было вытоптано и разъѣзжено, довольно высоко поднималась уже густая трава, а вдали бѣлѣлись яблонныя деревья, на которыхъ цвѣтъ показывается прежде листьевъ.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья, 6-го апрѣля, былъ настоящій свѣтлый праздникъ. Утромъ солнце даже палило, но дабы день сей сдѣлать совершенно пріятнымъ, въ самый полдень, небо часа на полтора омрачилось, покрылось черными тучами. Великолѣпнѣйшая гроза, съ блестящими молніями, сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, не причинивъ никакого вреда, разразилась надъ Кишиневомъ. Потомъ вдругъ все просіяло, все высохло, и остатокъ дня можно было назвать райскимъ.

XI.

Мнѣ извѣстно было въ Бессарабіи только шестидесятиверстное разстояніе между Бендерами и Кишиневомъ, и оттого хотѣлось мнѣ, да и нужно было бы, взглянуть на другія части сей области. Къ тому представлялось легкое средство: мнѣ стоило выпросить себѣ какую-нибудь коммиссію и потомъ разъѣзжать на казенный счетъ; но самъ не знаю зачѣмъ, отчего и для чего, мнѣ всегда жаль было казенныхъ и общественныхъ денегъ. Мнѣ совѣстно было предложить о томъ графу, а еще совѣстнѣе принять предложéніе областнаго предводителя, Янки Стурдзы, который, намѣреваясь прогуляться въ помѣстье свое на австрійской границѣ, упрашивалъ меня сопутствовать ему. Подумавъ немного, я однако согласился, ибо убытка тутъ никому не было.

Мы отправились во вторникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, 8-го апрѣля, не такъ какъ въ дорогу, а болѣе какъ на званый пиръ. Въ сорока пяти верстахъ отъ Кишинева находится мѣстечко Оргей. Этотъ городокъ даетъ свое имя пребольшому лѣсу, идущему отъ Днѣстра до Прута и вдоль береговъ послѣдняго, и въ *цинутъ* своемъ или уѣздѣ заключаетъ довольно пространный областной городъ. Въ немъ квартировалъ съ Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ командиръ онаго, полковникъ Александръ Филипповичъ Остафьевъ, человѣкъ предобрѣйшій, пріятнѣйшій и благороднѣйшій. Онъ былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ въ Кишиневѣ со всѣми порядочными людьми, изъ числа коихъ я себя выключить не хочу. Еще до Пасхи увѣдомилъ я его, что мы будемъ къ нему со Стурдзой, и по этому случаю назвалъ онъ и другихъ гостей. Слѣдственно пиръ былъ въ нашу честь; обѣдъ былъ обильный, и вина сколько хочешь. По тогдашнему обычаю между военными, обѣдъ кончился небольшою попойкой. Въ такихъ случаяхъ я бывалъ твердъ и остороженъ, но улыбка чаще стала показываться на устахъ и краска на лицѣ добрѣйшаго, всегда умѣреннаго и благочестиваго Стурдзы. Послѣ обѣда надобно было отдохнуть, то-есть повыспаться.

Къ вечеру пошли мы всѣ вмѣстѣ гулять по городу, кото-

рый вкратцѣ представлялъ нижнюю часть Кишинева; только улицы были чище, шире и правильнѣе. Даже на нихъ простые Молдаване въ кружокъ, подъ цыганскую музыку, со спокойно-веселымъ видомъ, плясали свою вѣчную *мититику*. Далѣе нашли мы Русскихъ, вѣроятно бѣглыхъ, которые въ числѣ двухъ сотъ душъ нѣкогда тутъ поселились, и—о радость! я увидѣлъ веревочныя качели и мальчишекъ въ красныхъ рубашкахъ, которые съ лубковъ катали красныя яйца. Достигнувъ покойнаго ночлега, любезнымъ Остафьевымъ намъ приготовленнаго, мы поблагодарили его и совсѣмъ простились, ибо чѣмъ свѣтъ хотѣли отправиться далѣе.

Весна на югѣ походитъ на счастливую, безпечную юность, наша же весна на сѣверѣ точно болѣзненная, трудами обремененная молодость. Какъ наслаждался я 9-го апрѣля: мы все ѣхали лѣсомъ, деревья раскинулись и благоухали, высохшая дорога сдѣлалась гладка, и *суруджи*, по вновь заведенному строгому устройству, везли насъ шибко. Къ часу поздняго обѣда мы поспѣли въ уѣздный городъ Бѣльцы, котораго цинутъ, не знаю почему, все еще назывался Ясскимъ. Онъ былъ лучше и пространнѣе Оргея, но не принадлежалъ казнѣ, а какъ водилось въ Польшѣ, одному богатому владѣльцу, Катаржи, члену совѣта, котораго мы оставили въ Кишиневѣ. Послѣдній былъ мужикъ видный, лѣтъ сорока, котораго изысканное франтовство умѣло дать молдавскому наряду красивость и щегольство. Мы остановились у исправника. Исправники были тутъ не то что у насъ, а то что въ Молдавіи, или, лучше сказать, то что супрефекты во Франціи. Исключая развѣ одного Прункуля не было Молдавана столь проворнаго, дѣятельнаго и расторопнаго какъ нашъ хозяинъ.

Когда бояре женили сыновей своихъ на Гречанкахъ, то не иначе какъ на родственницахъ или дочеряхъ господарей и первыхъ сановниковъ. Молдаване нѣсколько пониже соединялись бракомъ единственно со своими соотечественницами. Еще же другіе Молдаване и особенно Молдаванки соединялись если не явнымъ, то тайнымъ образомъ даже съ цыганскою породой. Молдаване pur sang вѣчно сохраняли свою важность и неподвижность. За то происходящіе отъ вышепомянутыхъ смѣшеній нѣсколько теряли ее, и многіе изъ нихъ наружностью и нравомъ были совсѣмъ отличны отъ своихъ земляковъ. Н[illegible]чаю къ какому разряду приписать обяза-

тельнаго хозяина нашего, который упрашивалъ насъ остаться ночевать. Мы оба не согласились, разчитывая что среди тихой ночи, на воздухѣ, погруженные въ его сладостную свѣжесть, уснемъ еще пріятнѣе.

На другой день, 10-го числа, часу во второмъ, мы пріѣхали въ Хотинъ и въѣхали прямо къ ожидавшему насъ, отставному русскому полковнику, князю Георгію Матвѣевичу Кантакузину. У него было неподалеку прекрасное помѣстье Отаки на Днѣстрѣ; не знаю почему предпочиталъ онъ ему пустой и скучный Хотинъ. Это была одна изъ странностей этого человѣка, впрочемъ всегда веселаго, всегда готоваго на одолженія. Онъ былъ женатъ на одной княжнѣ Горчаковой и чрезъ это былъ въ родствѣ со многими знатными домами въ Петербургѣ. Воспитанная въ Петербургѣ, княгиня Кантакузина была милая, скромная, привѣтливая женщина, изъ тѣхъ кои долго еще напоминали собою дѣвицъ временъ Маріи Ѳеодоровны и Елизаветы Алексѣевны.

Въ эти дни готовилась тутъ свадьба. Кантакузинъ выдавалъ побочную сестру свою за одного майора и, какъ богатый помѣщикъ, давалъ ей въ приданое *мошію* или деревеньку. Все что̀ сказалъ я выше о молдавскихъ бракахъ относится болѣе ко времени бывшему до присоединенія Бессарабіи. Съ тѣхъ поръ во множествѣ Молдаванки шли охотно за Русскихъ, также за Нѣмцевъ и Поляковъ, въ русской службѣ находящихся. Дѣти отъ сихъ смѣшанныхъ браковъ, крещенные въ православную вѣру, по достиженіи совершеннолѣтія, всѣ съ гордостію признавали себя Русскими, и это болѣе чѣмъ что̀ другое привязывало этотъ край къ Россіи.

Пользуясь славною погодой, я много гулялъ. Сперва я посѣтилъ крѣпость, которая, исключая бывшихъ военныхъ происшествій, сама по себѣ не имѣетъ ничего примѣчательнаго. Но внутри ея, на скалѣ, находится цитадель въ турецкомъ вкусѣ, отдѣленная отъ нея не рвомъ, а цѣлою пропастью, надъ которою виситъ подъемный мостъ. Я нашелъ это чрезвычайно живописнымъ. Государь, коего прошлогоднее посѣщеніе было такъ еще свѣжо въ памяти жителей, замѣтилъ, какъ мнѣ пересказывали, что это напоминаетъ ему прекрасную декорацію въ извѣстной тогда оперѣ, *Лодоиска*.

Я часто посѣщалъ внѣ крѣпости большой садъ для всѣхъ открытый, принадлежавшій умершему уже генералу Лидерсу, бывшему комендантомъ въ Хотинѣ, долголѣтними попече-

ніями коего онъ насажденъ былъ. Онъ шелъ внизъ, уступами по большой горѣ, до самого Днѣстра. Что за очаровательные виды были изъ него на противуположный берегъ! Необозримое пространство, усѣянное пригорками, густыми лѣсами, цвѣтущими полями, садами наполненными деревеньками, и посреди ихъ красивый городокъ Жванецъ! Какъ было не восхитить взоръ разомъ все это обнимавшій! Днѣстръ тутъ узокъ; такъ взялъ бы весло и лодочку и переплылъ бы его; но увы! какъ говорится, глазъ видитъ, а зумъ нейметъ. Стоитъ неумолимый Исаковецкій карантинъ, и тогда какъ съ херсонской стороны пропускали насъ всегда по одной окуркѣ, такъ что я забылъ упомянуть о томъ, со стороны подольской соблюдались всѣ строгія мѣры, на сей предметъ предписанныя. Подольская губернія есть настоящій земной рай, но потерянный для прежнихъ и нынѣшнихъ своихъ владѣтелей, Русскихъ. На стражѣ стоятъ не ангелы съ пламенѣющими мечами, а Поляки, водворившіеся въ немъ и вооруженные всевозможными ухищреніями, чтобы не допускать насъ селиться въ немъ.

По случаю свадьбы, въ воскресенье Кантакузинъ сдѣлалъ пиръ горой. Утомленные имъ и не успѣвъ даже отдохнуть, 14-го рано мы поѣхали далѣе, то-есть въ обратный путь, только по другой дорогѣ. На другой день по утру мы переѣхали границу, и сдѣлавъ только двадцать пять верстъ, прибыли въ Черновицъ, главный городъ Буковины. Въ довольно большомъ домѣ помѣстилъ насъ у себя одинъ молдавскій боярь, также какъ и многіе другіе бѣжавшій тогда изъ Яссъ. То былъ Григорій Дмитріевичъ Стурдза, братъ покойнаго губернатора, Скарлата Дмитріевича, и родной дядя Александра Стурдзы. Съ перваго взгляда плѣнилъ меня сей старецъ, коему по всей справедливости принадлежало названіе маститаго. Его ясный, благосклонности исполненный взоръ, вмѣстѣ съ сѣдою бородой, внезапно внушали почтеніе. Его супруга, также подъ бременемъ лѣтъ, несла его съ какимъ-то важнымъ добродушіемъ.

Что-то лисье, начиная съ цвѣта волосъ, было въ Михаилѣ Григорьевичѣ Стурдзѣ. Яркій цвѣтъ лица, рыжая бородка, ласковый взглядъ и всегда тонкая, немного лукавая улыбка на устахъ дѣлали наружность его примѣчательною. Не умѣя объясняться съ родителями его, которые кромѣ собственнаго языка другаго, кажется, не знали, съ

нимъ однимъ я долженъ былъ вести бесѣду и, право, на то не сѣтую. Разговоръ истинно-умнаго человѣка, на какомъ бы языкѣ и по какому бы предмету ни было, всегда будетъ занимателенъ. Молодая, тихая жена его была молчалива, и онъ не обращалъ на нее большаго вниманія; за то въ обхожденіи съ нею родителей его замѣтна была величайшая нѣжность къ покорной дочери. Я никакъ не могъ бы вообразить себѣ тогда, что сей изгнанникъ черезъ нѣсколько лѣтъ возсядетъ на господарскомъ престолѣ. Не разъ послѣ того видѣлъ я его въ Кишиневѣ и сохранилъ нѣсколько писемъ отъ него, которыя почитаю для себя лестными, и не потому только что онѣ наполнены лестью.

Двое сутокъ пробывъ въ Черновцѣ, я не видалъ въ немъ никого, кромѣ уединеннаго семейства, посреди коего жилъ. За то въ первый разъ еще увидѣлъ австрійскія владѣнія и австрійскіе мундиры. Съ завистію смотрѣлъ я на городъ не весьма обширный, но славно обстроенный, и гдѣ вездѣ видны были чистота и порядокъ. Мнѣ не слѣдовало бы забывать, что болѣе тридцати лѣтъ симъ малымъ уголкомъ Молдавіи владѣли тогда Нѣмцы, что имъ было время привесть все въ устройство, и что если не красотою, то дородствомъ нашъ Кишиневъ бралъ преимущество передъ Черновцемъ.

Посреди площади, на высокомъ пьедесталѣ, поставлена была статуя Богородицы, и по дорогѣ, на каждой почти верстѣ, встрѣчалось предлинное изображеніе Распятія. У всѣхъ правительствъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, существуетъ обычай въ мѣстахъ, гдѣ они водворяютъ свое владычество, водружать кресты: между язычниками ли, или между православными и протестантами, все равно, дабы означить торжество христіанства надъ невѣрными. Не обидно ли должно было казаться это намъ? И какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже почти весь народъ православный, не снять до сихъ поръ сихъ памятниковъ польскаго владычества? Пусть не упрекали бы въ невѣріи насъ, усерднѣйшихъ поклонниковъ Креста: онъ вездѣ сопутствуетъ намъ, и мы можемъ показать наши груди, на которыхъ сіяетъ онъ почти со дня рожденія нашего. Католицизмъ и германизмъ вездѣ показывались въ сей землѣ православія.

Въ верстѣ отъ города былъ однако и русскій монастырь, только старовѣрческій. Въ 1823 году императоръ Александръ не подалеку отъ стѣнъ его прогуливался одинъ, какъ вдругъ

былъ настигнутъ цѣлою стаей ужасныхъ псовъ; онъ сломилъ крѣпкій сукъ и со свойственною ему отважностію сталъ защищаться отъ сихъ новаго рода непріятелей. Жизнь его была въ опасности; это увидѣли изъ монастыря, прибѣжали на помощь и просили посѣтить ихъ обитель. На память онъ оставилъ имъ огромную палку, которая служила ему для защиты; они обдѣлали, оковали ее въ серебро съ надписью. Мнѣ хотѣлось видѣть и монастырь, и палку, но некогда было. Въ послѣдствіи вѣрная, постоянная союзница наша, Австрія, обратила его въ мѣстопребываніе раскольничьяго архіерея и учредила особую епархію, дабы изъ Россіи могли стекаться домашніе противники нашей вѣры.

Мнѣ понравилось уваженіе, коимъ въ Австріи пользовалась гражданская часть. Встрѣтивъ на улицѣ дивизіоннаго начальника, генералъ-лейтенанта графа Гогенэка, въ парадномъ мундирѣ и въ сопровожденіи цѣлаго своего штаба, я спросилъ, что̀ это значитъ? Мнѣ сказали, что по случаю какого-то императорскаго праздника, онъ идетъ съ поздравленіемъ къ гражданскому начальнику, барону Малцеку, у котораго и приготовленъ завтракъ. А какъ въ Буковинѣ всего только два города, Черновицъ и Сучава, и она немного болѣе одного изъ нашихъ бессарабскихъ цинутовъ, то и окружной начальникъ ея, крейсъ-гауптманъ Малцекъ, немного поболѣе нашего исправника.

Въ это время рѣка Прутъ была въ совершенномъ разлитіи, и заливы ея потопляли низкія мѣста по дорогѣ. Мы опять должны были ѣхать на Бѣльцы, а оттуда, своротивъ немного, 20-го числа прибыли въ мѣстечко Скуляны, на берегу Прута. Въ немъ находились центральный карантинъ и главная таможня. Это былъ весьма важный пунктъ въ Бессарабіи; мнѣ хотѣлось видѣть его, и снисходительности Стурдзы обязанъ я за исполненіе сего желанія. Тотчасъ по прибытіи, мы получили отъ человѣка, намъ обоимъ незнакомаго, приглашеніе остановиться у него. Престарѣлый дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Навроцкій, главный начальникъ надъ карантинами, былъ русскій старинаго покроя; онъ угостилъ насъ хорошо, какъ умѣлъ, то-есть накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Послѣ обѣда я полюбопытствовалъ взглянуть на одно мѣсто, года за три передъ тѣмъ ознаменованное небольшимъ историческимъ происшествіемъ. Когда Ипсиланти произвелъ

возмущеніе въ Молдавіи, то набранное имъ войско было не весьма многочисленно; жители неохотно приставали къ нему, и оно по большей части состояло изъ Арнаутовъ. Тщеславіе всѣхъ бояръ въ Валахіи и Молдавіи, и даже всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей въ двухъ княжествахъ, заставляетъ ихъ имѣть въ услуженіи по нѣскольку, иногда цѣлый десятокъ, Арнаутовъ, богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; всѣ они, въ надеждѣ на грабежъ, кинулись къ Ипсиланти. Но, при первой встрѣчѣ съ вошедшими Турками, сіе слабое и неустроенное войско было разбито на голову. Ипсиланти бѣжалъ въ Австрію, а Хотинскій пріятель нашъ, Кантакузинъ, съ остаткомъ воиновъ, сильно преслѣдуемый непріятелемъ, былъ припертъ имъ, наконецъ, къ самому Пруту, въ виду Скулянъ. Онъ переплылъ рѣку подъ картечными выстрѣлами и присталъ къ таможеннымъ строеніямъ, посреди коихъ упало, говорятъ, одно непріятельское ядро. Русскій отрядъ былъ вытянутъ по берегу, и начальствующій надъ нимъ послалъ сказать турецкому начальнику, что если сіе продолжится, то будетъ нарушеніемъ мира; тогда пальба прекратилась. Помогать симъ возмущеннымъ было столь же невозможно какъ и предать ихъ. Въ этомъ мѣстѣ, на которое внимательно смотрѣлъ я, Прутъ весьма узокъ, и онъ одинъ спасъ бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія.

Сіе спасеніе имѣло, однако, нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Арнауты разсѣялись по Бессарабіи; нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе къ боярамъ, многіе же стали отдѣльно грабить по дорогамъ, были схвачены и населили острогъ; другіе же пристали къ большой разбойничьей шайкѣ, которая распространяла страхъ до самыхъ окрестностей Кишинева.

Не дождавшись пробужденія г. Навроцкаго, 21-го числа мы оставили Скуляны. Черезъ часъ мы доѣхали до одной длинной, отлогой горы, которой откосъ тянется болѣе чѣмъ на три версты. На ней не было ни одного деревца; тѣмъ примѣчательнѣе на ея зелени казался бѣлый каменный обелискъ, не очень высоко, на самой серединѣ ея спуска, возвышающійся: это былъ памятникъ, воздвигнутый наслѣдниками князю Потемкину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на землѣ и на открытомъ воздухѣ испустилъ онъ духъ. Не знаю кѣмъ хра-

нимъ этотъ памятникъ, но никакихъ слѣдовъ разрушенія на немъ не было еще замѣтно.

Достигнувъ конца отлогой горы, надобно было вдругъ подниматься по крутой горѣ, густымъ лѣсомъ покрытой. Въ этомъ мѣстѣ, похожемъ на трущобу, явились намъ три казака, вооруженные заряженными ружьями и пистолетами. Они обязаны были сопровождать путниковъ и охранять ихъ отъ нападеній разбойничьей шайки, о которой я сейчасъ говорилъ, и которая иногда показывалась тутъ. Это было совсѣмъ невесело: мы долго ѣхали симъ опаснымъ, мрачнымъ лѣсомъ; хранители наши мѣнялись; наконецъ мы благополучно выѣхали изъ него и вскорѣ потомъ увидѣли Кишиневъ, куда и прибыли часу во второмъ пополудни.

Все было въ немъ тихо и спокойно: но дня черезъ три случилось происшествіе, которое наполнило городъ не столько страхомъ какъ любопытствомъ. Тутъ приходится мнѣ досказать исторію о разбойникахъ, невзначай начатую.

Въ двухъ княжествахъ, гдѣ не было ни войска, ни полиціи, шайки разбойниковъ почти безпрепятственно, безнаказанно, могли производить грабежи. Они слились въ одну шайку, подъ предводительствомъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Урсула—медвѣдя на валахскомъ языкѣ. Появленіе турецкой арміи разсѣяло сію шайку; остатокъ ея, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ, перешелъ къ намъ черезъ Прутъ и усилился потомъ приставшими къ нему Арнаутами. Долго не могли совладѣть съ этими людьми: но частыя поимки уменьшили число ихъ, такъ что подъ конецъ оно состояло только изъ трехъ человѣкъ, между коими находился и самъ Урсулъ. Они скрылись въ шести верстахъ отъ Кишинева, въ мѣстѣ, называемомъ Малина.

Въ этомъ мѣстѣ, можно сказать, точно что природа разкапризничалась: это былъ Кавказъ въ самомъ маломъ видѣ; гнѣвная и прекрасная, она наполнила здѣсь своими прелестями какъ возвышенныя мѣста, такъ и ущелья, овраги и пропасти. Нѣкоторые изъ жителей Кишинева и окрестныхъ мѣстъ завели тутъ свои *кишла* или хуторы. Ими овладѣлъ Урсулъ и заставилъ живущихъ повиноваться себѣ, объѣдая и опивая ихъ. Военная команда содержала сіе неприступное мѣсто въ осадѣ, но не дерзала проникнуть въ него.

Долго могли бы эти люди оставаться въ немъ; но почувствовали ли они какой недостатокъ, или, просто, скуку, или

лукавый попуталъ Урсула, онъ рѣшился оставить его. Онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Жидами и разными мошенниками въ нижней части города, и съ ихъ согласія намѣренъ былъ скрыться между ними. Однимъ утромъ, вмѣстѣ съ двумя сподвижниками, онъ оставилъ свое убѣжище, но, подъѣзжая къ городу, замѣтилъ сильную погоню за собой. Во всю прыть поскакалъ онъ по широкимъ улицамъ верхней части города, имѣя въ виду, достигнувъ нижней и своротивъ немного, исчезнуть въ ея излучистомъ зловоніи, что̀, при плохой тогда полиціи, было бы удобно. Народъ толпами бѣжалъ за нимъ, восклицая: „толгаръ! толгаръ!“ (воръ), но не смѣлъ приступить къ нему, ибо, имѣя поводья во рту, онъ въ каждой рукѣ держалъ по пистолету, равно какъ и оба товарища его, и раза два они должны были сдѣлать выстрѣлы. Преслѣдуемый, со всѣхъ сторонъ онъ доскакалъ подъ горой до мостика черезъ Быкъ; неисправность полиціи была въ этомъ случаѣ полезна; лошадь его попала ногой въ одну изъ дыръ, находящихся на непочиняемомъ мостикѣ; бѣгущіе за нимъ товарищи наскакали на него, и все это перепуталось; тогда легко было всѣхъ троихъ схватить и перевязать.

Къ сожалѣнію, я не могъ быть свидѣтелемъ сего страннаго зрѣлища, среди дня полгородомъ видѣннаго. Но по званію должностнаго лица, я захотѣлъ увидѣть содержащихся подъ стражей, для коихъ отведена была особая тюрьма съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Я нашелъ Урсула задумчиво сидящимъ на нарѣ сложивъ руки. Онъ былъ лѣтъ сорока, широкоплечъ, черноволосъ, и весь обросъ бородой. Лицо его было не безъ благородства: оно не выражало ни страха, ни злости. Когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, онъ сказалъ мнѣ, что у него, исключая имени, даннаго ему Валахами, есть еще другое, но объявлять котораго онъ не видитъ нужды. Потомъ прибавилъ: „буйная молодость завела меня не туда, куда слѣдовало: какъ быть; а я знаю, что я былъ бы отличный воинъ.“ По показаніямъ сообщниковъ никогда рука его не обагрялась кровью.

Въ углу на соломѣ лежалъ также окованный товарищъ его, Богаченко, лѣтъ двадцати шести. Болѣе походитъ на гіену человѣку невозможно; какъ у нея, взоръ его сверкалъ наглостью, безпокойствомъ и бѣшенствомъ. Я не подошелъ къ нему близко, а посмотрѣлъ въ лорнетъ. „Что баринъ, сказалъ онъ мнѣ, злобно улыбаясь, ты кажется не старъ, а вид-

но совсѣмъ ослѣпъ.“ Потомъ онъ пустился доказывать мнѣ права разбойниковъ — вооруженною рукой собирать дань съ господъ, которые безъ всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ. Я взглянулъ на него съ ужасомъ и омерзѣніемъ. „Ну, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, хорошо что ты встрѣтилъ меня не въ лѣсу; не такъ бы тамъ ты посмотрѣлъ на меня.“

Третій, на соломѣ, былъ осмнадцатилѣтній мальчикъ, Славичъ, усыновленный Урсуломъ. Этотъ былъ веселъ, и кажется, не понималъ своего положенія. Онъ полагалъ, что батько себя и ихъ непремѣнно будетъ умѣть выручить. Всѣ трое были бѣглые Украинцы: Молдаване неохотно брались за ихъ ремесло.

Судъ надъ ними продолжался все лѣто, ничего не дознались, а въ это время хитрый и смѣлый Богаченко успѣлъ кого-то подкупить, и перепиливъ свои оковы, бѣжалъ одинъ. Тогда поспѣшили съ исполненіемъ приговора; всѣ дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустилъ ни единой жалобы, ни единаго вздоха. Мальчикъ Славичъ шелъ бодро, но послѣ перваго удара, даннаго палачемъ, раскричался какъ ребенокъ, приговаривая: „простите, виноватъ, виноватъ, не буду.“ Первый, послѣ тяжкаго наказанія кнутомъ, черезъ два дня умеръ, а послѣдняго сослали на каторжную работу.

Къ концу апрѣля опять дожидались графа, котораго, въ первый годъ управленія его, чрезвычайно озабочивала Бессарабія, и который часто посѣщалъ ее. Для него опять былъ нанятъ домъ, каменный, на верху горы, и за ту же цѣну что и домъ Ворѣоломея, отъ котораго однако онъ совсѣмъ отличенъ былъ просторностію, приличіемъ убранства и удобствомъ помѣщенія.

Въ этотъ пріѣздъ послѣдовали новыя распоряженія, которыя не могли понравиться Молдаванамъ. Приписывая бо́льшую часть безпорядковъ въ области неисправности земской полиціи, графъ съ самаго начала замышлялъ избранныхъ дворянствомъ исправниковъ и четырехъ коммиссаровъ въ каждомъ цинутѣ замѣнить русскими чиновниками отъ короны. Вся эта исторія объ Урсулѣ, не задолго до его пріѣзда случившаяся, побудила его безотлагательно приступить къ исполненію своего намѣренія. Дѣло было не маловажное,—явное нарушеніе Образованія. Въ первый разъ мои Молдаване воз-

роптали. заговорили было о протестѣ, и наконецъ, во изъявленіе своего неудовольствія, рѣшились сдѣлать представленіе, въ коемъ хотѣли объяснить, что такъ какъ они лишаются права избирать чиновниковъ земской полиціи, то дворянство отказывается и отъ права выбирать цинутныхъ казначеевъ, дабы, въ случаѣ растраты ими денегъ, не имѣть за нихъ никакой отвѣтственности. Пользуясь моимъ вліяніемъ, я старался отклонить ихъ отъ исполненія такого намѣренія: „Къ чему это поведетъ васъ?“ говорилъ я имъ. „Конечно, это будетъ непріятно намѣстнику, но онъ всесиленъ, просьба ваша будетъ исполнена, и еще менѣе мѣстъ останется въ вашемъ распоряженіи.“ Дѣло такъ ничѣмъ и не кончилось.

Первыхъ исправниковъ хотѣли сдѣлать на славу; графъ самъ назначилъ извѣстныхъ ему отставныхъ—уланскаго полковника Скоробогатова и конноегерскаго подполковника Тараткевича, обвѣшанныхъ крестами; Казначеевъ помогъ отыскать другихъ; изъ прежнихъ одинъ только оставленъ на мѣстѣ. Множество бывшихъ военныхъ, какъ сказалъ я въ одномъ мѣстѣ, находилось въ Бессарабіи безъ дѣла; намъ съ Лексомъ нетрудно было набрать изъ нихъ коммиссаровъ. Графъ требовалъ отъ прежнихъ исправниковъ чтобы во всѣхъ казусныхъ дѣлахъ они относились къ нему; они писали къ нему по-молдавски, ибо у нихъ не было ни одного писца знающаго русскій языкъ. Отъ новыхъ исправниковъ графъ потребовалъ чтобъ они писали къ нему по-русски: новое затрудненіе, они сами должны были подписывать бумаги на незнакомомъ имъ языкѣ. Но есть наши пословицы: „у насъ и шило брѣетъ“, „хоть тресни да полѣзай“, и тому подобныя, которыя всякую невозможность дѣлаютъ возможною. Эти господа на свой счетъ наняли русскихъ писарей, а молдавскихъ насильно заставили учиться по-русски, и дѣло пошло само собою. И вотъ еще неожиданный для меня важный шагъ къ распространенію того что̀ уже сдѣлалось постояннымъ моимъ желаніемъ.

Не знаю право, русскіе исправники менѣе ли Молдаванъ сдѣлались падки на наживу. Можетъ-быть я грѣшу, но я всегда смотрѣлъ снисходительно на нашихъ бѣдныхъ земляковъ, которые, ничего не имѣя въ родномъ краю, въ завоеванномъ стараются нажить небольшое имущество. Пріобрѣтая осѣдлость, они привыкаютъ къ краю, и воспитывая дѣтей въ родимомъ духѣ, служатъ началомъ преобладанія его

въ немъ. Самому правительству не худо было бы бросать такія сѣмена на всякую новую почву: какіе бы плоды принесли они о сю пору въ Ливоніи и даже въ Литвѣ!

Мое положеніе въ это время могъ бы я назвать довольно блистательнымъ и, нѣкоторымъ образомъ, завиднымъ. Я пользовался уваженіемъ и довѣренностію цѣлой области. Начальникъ мой оказывалъ мнѣ болѣе чѣмъ довѣренность; я ошибался можетъ-быть, но мнѣ казалось, что самая бесѣда моя дѣлалась для него особенно пріятною. Это я могъ заключить изъ предложенія, имъ сдѣланнаго, прокатиться съ нимъ въ Крымъ и погостить у него въ помѣстьѣ, Гурзуфѣ, принадлежавшемъ Ришелье и недавно имъ купленномъ на южномъ берегу. Это сперва чрезвычайно польстило моему самолюбію; но послѣ я могъ замѣтить, что прекрасную эту приморскую пустыню онъ любилъ, во время своего пребыванія, оживлять приглашенными гостями, можетъ-быть, въ надеждѣ что подобно ему, плѣняясь ея неисчислимыми красотами, они рано или поздно захотятъ поселиться въ ней. О тогдашнихъ чувствахъ моихъ къ графу могу сказать только, что я безпрестанно грѣшилъ противъ заповѣди, которая воспрещаетъ намъ творить себѣ кумира.

Я уже свыкся съ кишиневскимъ житьемъ и послѣ отъѣзда графа не очень спѣшилъ ѣхать въ Одессу, тѣмъ болѣе что оттуда не ближе какъ въ половинѣ мая онъ намѣренъ былъ моремъ отправиться въ Крымъ. Вдругъ рано поутру 15-го числа прошелъ слухъ, будто въ Измаилѣ открылась чума. Опасаясь чтобы на Днѣстрѣ долго не задержали меня въ карантинѣ, гдѣ въ такихъ случаяхъ соблюдается величайшая строгость, я въ то же утро собрался въ путь. Все было уложено, коляска подвезена къ крыльцу, какъ вдругъ я замѣтилъ на столѣ второпяхъ забытую бумагу: это была черновая записка моя о Бессарабіи. Тутъ случился одинъ только секретарь совѣта, Скляренко. Я попросилъ его взять сію, ему одному извѣстную, бумагу и спрятать у себя. Сіе дѣйствіе торопливости, какъ увидятъ далѣе, имѣло для меня важныя послѣдствія. Я тихо поскакалъ по Бендерской дорогѣ.

XII.

Ту же самую разницу въ температурѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣстра, которую я уже прежде замѣтилъ, я могъ увидѣть и тутъ. Поля въ Бессарабіи зеленѣлись изумрудным цвѣтомъ; но лишь только безъ задержки миновалъ я Парканскій карантинъ (куда ложный слухъ о чумѣ не успѣлъ еще дойдти), какъ представилась мнѣ зноемъ опаленная степь. Что̀ еще болѣе видъ ея дѣлало печальнымъ, это были милліоны, милліярды мухообразныхъ насѣкомыхъ, которыя, покрывая ее, медленно тащились по ней. Это была саранча въ дѣтскомъ возрастѣ, еще не окрыленная. Сотни сихъ гадовъ безпрестанно давилъ я своими колесами. Ночью съ 15-го на 16-е мая я пріѣхалъ въ Одессу.

Я нашелъ графа и графиню Воронцовыхъ въ большой печали. Четырехлѣтняя, тогда единственная, дочь ихъ Александра, премилая дѣвочка, сдѣлалась опасно больна. Лысый докторъ, особенно для нея выписанный изъ Англіи, не ручался за ея жизнь, но и не отнималъ надежды у родителей. Оттого они не могли переѣхать на нанятый приморскій хуторъ Рено, а еще менѣе думать объ отправленіи въ Крымъ, и принуждены были жить среди городской духоты и внезапно увеличившагося нестерпимаго жара. Я тоже долженъ былъ ожидать выздоровленія малютки, а между тѣмъ ежедневно видѣлъ графа, обѣдалъ у него и бывалъ чаще чѣмъ когда. Иногда, для развлеченія, мы гуляли за городомъ въ коляскѣ или катались по морю въ суднѣ какого-то особаго устройства.

Лѣтомъ въ Одессѣ обыкновенно гораздо веселѣе чѣмъ въ другія времена года. Торговля оживляется, приплываютъ цѣлые флоты купеческихъ судовъ, и наѣзжаетъ множество помѣщиковъ для продажи пшеницы и нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ. Изъ сихъ послѣднихъ я не встрѣтилъ ни одного прежняго знакомаго, новыхъ знакомствъ между ними дѣлать не хотѣлъ и жилъ посреди того самаго общества, которое узналъ зимой.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, встревоженный Пушкинъ вбѣжалъ ко мнѣ сказать, что ему готовится величайшее неудовольствіе. Въ это время нѣсколько

чиновниковъ изъ канцеляріи генералъ-губернаторской, равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія ползающей по степи саранчи: въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. . . . . .

Пушкинъ отправился, и возвратясь дней черезъ десять, подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго. Но въ то же время написалъ къ Воронцову французское письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ, „что дотолѣ онъ видѣлъ въ себѣ ссыльнаго, что скудное содержаніе, имъ получаемое, онъ почиталъ болѣе пайкомъ арестанта; что во время пребыванія его въ Новороссійскомъ краѣ онъ ничего не сдѣлалъ столь предосудительнаго, за что бы могъ быть осужденъ на каторжную работу (aux travaux forcés), но что, впрочемъ, послѣ сдѣланнаго изъ него употребленія, онъ, кажется, можетъ вступить въ права обыкновенныхъ чиновниковъ и, пользуясь ими, просить объ увольненіи отъ службы.“ Ему велѣно отвѣчать, что такъ какъ онъ состоитъ въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, то просьба его передана будетъ прямому его начальнику, графу Нессельроде. Недѣли черезъ три послѣ того, когда меня уже не было въ Одессѣ, полученъ отвѣтъ: Пушкинъ былъ отставленъ отъ службы и удаленъ на жительство въ отцовскую деревню, находящуюся въ Псковской губерніи.

Между тѣмъ малютка полегоньку выздоравливала, такъ что въ половинѣ іюня можно было везти ее съ собой въ Крымъ. Но для меня срокъ уже миновалъ и не стоило дня на два, на три ѣхать. Таково было мнѣніе графа, и я весьма соглашался съ нимъ. Тогда рѣшился я, дождавшись его отъѣзда, пуститься обратно въ Кишиневъ.

Наканунѣ отплытія графа, мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Онъ вынулъ полученное имъ письмо отъ Катакази, и отдавая его мнѣ, сказалъ:

— Растолкуйте мнѣ, что̀ все это значитъ?

Губернаторъ писалъ, что въ Кишиневѣ всѣ заняты однимъ какимъ-то сочиненіемъ, писаннымъ моею рукой, которое въ Молдаванахъ производитъ крайнее неудовольствіе.

Я разказалъ, какимъ образомъ второпяхъ я отдалъ Скляренкѣ рукопись свою на сбереженіе.

— Но если онъ выдалъ ее, то это не дѣлаетъ большой чести хваленому вашему Скляренкѣ.

— Я увѣренъ, что ее выкрали у него, отвѣчалъ я. — Но

послѣ этого, продолжалъ я, — согласитесь, что мнѣ трудно будетъ показаться и лучше возьмите меня съ собой: если эти люди и останутся спокойны, мнѣ совѣстно будетъ глядѣть на нихъ.

— И, полноте, отвѣчалъ онъ, — что̀ за бѣда, если эти люди узнали наше мнѣніе о нихъ; они, пожалуй, могутъ подумать, что вы не смѣете пріѣхать.

„И это дѣло“, подумалъ я.

Не болѣе двухъ сутокъ оставался я потомъ въ Одессѣ. Въ этотъ тѣсный промежутокъ времени я хочу вмѣстить изображеніе одного человѣка, о которомъ давно бы мнѣ слѣдовало говорить. Австрійскій генеральный консулъ, Венгерецъ Томъ, съ самаго рожденія этого города, былъ радостію и украшеніемъ его общества. Огромный ростъ и могучія плечи одни показывали въ немъ Мадьяра, но ни въ одномъ изъ образованныхъ государствъ нельзя было сыскать человѣка любезнѣе его въ обхожденіи. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, а онъ казался не болѣе шестидесяти; и это уже старость, а дамы старыя и молодыя, равно какъ и юноши, искали его бесѣды. Онъ всегда былъ веселъ и всегда степененъ, и смѣхъ, который самъ онъ старался производить, всегда смѣшанъ былъ съ невольнымъ уваженіемъ къ сему добрѣйшему и честнѣйшему старцу. Въ рѣдкіе маскарады, которые бывали при Ришелье и при Ланжеронѣ, онъ всегда являлся переряженнымъ и разъ — огромною книгой, назади которой написано было Томъ I. Онъ имѣлъ страсть къ каламбурамъ, и они часто бывали у него забавны. Нужно ли говорить, что въ знакомствѣ его я видѣлъ для себя находку, кладъ?

Онъ взялся проводить меня до первой станціи, Дольника, или, лучше сказать, до собственнаго хутора, въ одной верстѣ отъ нея находящагося. Онъ называлъ его couteur, ибо, не принося ему никакого дохода, сто̀илъ большихъ издержекъ, и онъ, рѣдко разставаясь съ городомъ, пріѣзжалъ въ него попировать и угощать пріятелей. Для умноженія удовольствія моего, а можетъ-быть и Пушкина, онъ пригласилъ и его на сію загородную прогулку. Я послалъ экипажъ свой прямо въ Дольникъ, а мы, въ Ивановъ день, 24-го іюня, втроемъ отправились въ коляскѣ Тома.

Онъ имѣлъ великое искусство сохранять въ комнатахъ теплоту зимой и свѣжесть въ лѣтнее время: въ этомъ состоялъ его эпикуреизмъ. Все было приготовлено на кутёрѣ:

окны вездѣ были открыты, но снаружи завѣшены предлинными маркизами, которыя безпрестанно поливались студеною, колодезною водой. Полъ былъ мраморный, и въ четырехъ углахъ стояли кадочки со льдомъ. Въ то же время множество резеды и туберозъ распространяли пріятный запахъ по комнатѣ. По приглашенію хозяина, мы развалились на диванахъ; и когда полуденное солнце со всею силой горѣло надъ нами, мы находились среди прохлады и благоуханія, а я могъ любоваться яснымъ, теплымъ вечеромъ долгой, безукоризненной жизни. Нѣтъ, не забыть мнѣ этого дня! Разныя возрасты были веселы и хохотали какъ ребята. Это было не передъ добромъ; мнѣ предстояли довольно тягостные, а Пушкину весьма скорбные дни. Когда жаръ началъ спадать, я простился съ хозяиномъ и съ гостемъ: съ послѣднимъ, кажется, гораздо нѣжнѣе, какъ бы предчувствуя долгую разлуку.

Я нескоро могъ заснуть: все мнѣ мерещился съ столь пріятными людьми столь весело проведенный день. Заря совсѣмъ уже занялась, когда я проснулся въ Тирасполѣ. Пока перепрягали лошадей, я вышелъ изъ коляски и вдругъ увидѣлъ безъ памяти скачущую тройку. Она остановилась, изъ повозки выскочилъ молодой канцелярскій и подалъ мнѣ письмо. Господа Лонгиновъ и Лексъ увѣдомляли меня, что по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Кишинева, ярость жителей превосходитъ всякое описаніе, что рукопись моя переведена на молдавскій языкъ, всюду распускается, и что всѣ другъ друга возбуждаютъ противъ меня; почему они и совѣтуютъ мнѣ воротиться въ Одессу. Я словесно поручилъ посланному отъ всей души благодарить Никанора Михайловича и Михаила Ивановича за принимаемое во мнѣ участіе. „Если-бы вы настигли меня прежде, сказалъ я ему, то, можетъ-быть, я воротился бы съ вами; но вы видите, вотъ Бессарабія: право, какъ-то совѣстно бѣжать въ виду непріятеля.“

Однако, признаюсь, я чувствовалъ въ себѣ сильное волненіе, когда переправился черезъ Днѣстръ. Оно еще было умножено въ Бендерахъ на почтовомъ дворѣ письмомъ отъ пріятеля моего, Алексѣева: онъ не пугалъ, а спѣшилъ предупредить, дабы я заранѣе могъ принять свои мѣры. Узнавъ о внезапной ненависти цѣлаго населенія, и испытывая дѣйствія несомнѣнной пріязни нѣсколькихъ человѣкъ, я не могу описать своихъ чувствъ. Вѣроятно, утомленный ими, я опять крѣпко заснулъ и проснулся уже въ полдень 25-го числа, когда пріѣхалъ въ Кишиневъ.

XIII.

Я поѣхалъ прямо къ себѣ, въ домъ Крупенскаго. Черезъ часъ явился съ печальнымъ видомъ Скляренко и объяснилъ какъ случилось все дѣло. Получивъ отъ меня рукопись для храненія, ему показалось, что и для снятія съ нея копіи. Онъ поручилъ это сдѣлать втайнѣ подчиненному своему, молодому писцу офицерскаго чина; не знаю какъ подсмотрѣли у него его работу, только Молдаване купили у него подлинникъ за четыре тысячи левовъ; но напередъ онъ получилъ отставку, дабы спастись отъ преслѣдованій начальства.

— Какая глупость, сказалъ я; — во всякомъ случаѣ, это кража; а коли имъ того хотѣлось, такъ я, имѣющій на то право, уступилъ бы имъ за половину.

Но какъ ни шути, а дѣло становилось не совсѣмъ шуточнымъ.

Молдаване оставались покойны, пока не узнали о моемъ пріѣздѣ: тогда черезъ областнаго представителя послали просьбу къ намѣстнику, требуя удаленія моего изъ области, какъ врага народа молдавскаго. Я поѣхалъ къ губернатору: онъ принялъ меня сухо. Я старался объяснить ему, что если эти господа твореніе мое почитаютъ пасквилемъ, то не я, а они были его издателями и распространителями, и что желаніе мое хранить его про себя доказывается большою суммой, которую они употребили для подкупа писца. Губернаторъ приглашалъ меня, въ предупрежденіе неслыханнаго скандала, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не ѣздить въ совѣтъ, ибо члены изъ Молдаванъ объявили ему, что при первомъ появленіи моемъ въ его присутствіе, они выйдутъ изъ него, и придется его закрыть. Мнѣ ничего не осталось болѣе дѣлать какъ дожидаться отвѣта изъ Крыма.

Чего мнѣ страшиться? разсуждалъ я самъ съ собою. На смертоубійство Молдаване не рѣшатся, а поединки еще не были у нихъ въ обычаяхъ. Развѣ молодые между ними гдѣнибудь изъ-за угла бросятся толпой съ бранными словами, а можетъ-быть и съ побоями. Если не для жизни моей, то для чести предстояла нѣкоторая опасность. Но избѣгая ея, не сидѣть же мнѣ дома. Въ любимомъ саду, моими попеченіями

насажденномъ, я встрѣчалъ этихъ молодцовъ; никто мнѣ не кланялся и всѣ мѣрили меня звѣрскими взглядами: я показывалъ будто не замѣчаю ихъ. Какое странное, непріятное и вмѣстѣ довольно смѣшное положеніе! Частный человѣкъ имѣетъ противъ себя націю и подобенъ кумиру, сверженному съ подножья, но не разбитому еще въ прахъ.

Нѣкоторые даже изъ моихъ соотечественниковъ и сослуживцевъ сначала струхнули и какъ будто убѣгали меня. За то другіе, и первый между ними вице-губернаторъ Петрулинъ, не дозволяли, чтобы было произнесено какое-нибудь обидное слово на мой счетъ. Липранди объявилъ, что взявъ разъ подъ свое покровительство, онъ ни за что не выдастъ меня. Алексѣевъ съ искреннимъ жаромъ вступался за меня. Наконецъ, молодые офицеры генеральнаго штаба такъ и лѣзли на молодыхъ Молдаванъ и болѣе чѣмъ когда оказывали имъ презрѣніе. За меня, какъ бы за какую-нибудь Елену, готова была возгорѣться война.

Я увѣренъ, что Молдаване не столько почитали себя обиженными невыгодными о нихъ отзывами (мнѣ случалось иногда говорить нѣкоторыя истины имъ самимъ), сколько были раздосадованы намѣреніями и желаніями въ рукописи моей изъясненными. Имъ открылась важная тайна: всѣ быстрыя перемѣны, для нихъ столь непріятныя и совершившіяся по большей части безъ моего участія, были приписаны однимъ только моимъ внушеніямъ. Въ борьбу съ графомъ вступить они не дерзали, а во мнѣ надѣялись поразить его, говоря пословицей: „не смогла корову, такъ подойникъ о земь.“ Онъ очень хорошо понялъ это и не заставилъ сихъ господъ долго дожидать отвѣта на ихъ просьбу. Но по дальнему разстоянію отъ Крыма, болѣе шести сотъ верстъ сухимъ путемъ, отвѣтъ не могъ придти ранѣе половины іюля.

Офиціальнымъ предложеніемъ губернатору графъ поручалъ ему объявить молдавскимъ дворянамъ: 1) что похищеніе рукописи служитъ доказательствомъ сколь мало тотъ, кому она принадлежитъ, имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее извѣстною; 2) что въ копіи къ нему съ нея присланной не найдено ничего противнаго религіи, нравственности и монархическимъ правиламъ; 3) что ни у кого не отнята воля о другихъ имѣть свое мнѣніе, и если онъ самъ явно не обнаруживаетъ его, то нѣтъ никакого повода обижаться тѣмъ; 4) что вообще, какъ видно, тутъ хотятъ смѣшать частное дѣло съ общественнымъ,

и наконецъ, 5) что исполненіе намѣренія господъ-депутатовъ оставить присутствіе совѣта при моемъ появленіи было бы явнымъ нарушеніемъ законнаго порядка, и что въ такомъ случаѣ онъ озаботился бы о пріисканіи имъ преемниковъ.

Въ частномъ же письмѣ къ губернатору графъ находилъ, что онъ показалъ мало твердости, не стараясь вразумить Молдаванъ и прекратить дѣло, не давая ему никакого хода.

Офиціальнымъ письмомъ изъ Крыма, Казначеевъ, по порученію графа, увѣдомлялъ меня о распоряженіяхъ имъ сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ именемъ его объявлялъ мнѣ хвалу за то что, не слушаясь Лекса, я поѣхалъ въ Кишиневъ, и порицаніе за то что, послушавшись губернатора, я не пошелъ въ совѣтъ.

Какъ было не догадаться Молдаванамъ, что дѣло мое намѣстникъ почелъ какъ бы собственнымъ. Я же симъ торжествомъ, признаюсь, не весьма былъ утѣшенъ: Кишиневъ вновь опротивѣлъ мнѣ, и я все надѣялся, что дабы не поддаваться Молдаванамъ, мнѣ сперва дадутъ какую-нибудь коммиссію, а послѣ и вовсе уволятъ отъ должности. Когда я явился въ совѣтъ, никто не вышелъ, но никто изъ Молдаванъ и не поклонился мнѣ.

Я уже сказалъ въ какомъ уничиженіи у молдавскихъ бояръ жили русскіе совѣтники правленія и палатъ. Я не обращалъ на нихъ большаго вниманія, да и они сами держали себя въ почтительномъ отъ меня отдаленіи. Нѣкоторые изъ нихъ были женаты, имѣли добрыя семейства, милыхъ дѣтей, но жили уединенно, хотя совсѣмъ нескудно. Такъ какъ патроны ихъ бывали въ несогласіи, то и они между собою не имѣли близкихъ сношеній. Почитая меня погибшимъ, и опасаясь чтобы не участвовать въ моемъ паденіи, они еще болѣе отдалились отъ меня. Но когда побѣда казалась на моей сторонѣ, и я самъ сдѣлался къ нимъ внимательнѣе, они приняли это не безъ удовольствія. Я началъ посѣщать ихъ, звать ихъ къ себѣ, собирать иногда у себя по вечерамъ и сближать ихъ между собою. Когда я покороче познакомился съ ними, то старался объяснить имъ сколь постыдно русскому чиновнику въ завоеванной землѣ отдать себя въ кабалу кому-либо изъ жителей, и какъ безразсудно съ трепетомъ поклоняться тѣмъ людямъ, которые, по наклонности своей къ тяжбамъ, сами болѣе должны имѣть въ насъ нужду. Мнѣ казалось, что слова мои подѣйствовали на нихъ. Что же касается собствен-

но до меня, я объявилъ имъ, что всегда совершенно готовъ къ ихъ услугамъ. Однимъ словомъ, поступалъ какъ настоящій заговорщикъ.

Усилія мои остались не безуспѣшны; только переворотъ могъ сдѣлаться не иначе какъ постепенно. Еще до наступленія осени, сіи господа стали посѣщать другъ друга, дѣлать вечеринки безъ претензій и роскоши, и на нихъ, какъ говорили, играть въ картишки. Барыни ихъ, скромныя, любезныя, безъ французскаго языка, вкусили наслажденіе общежитія и никогда потомъ не могли отстать отъ него. Чиновники другихъ вѣдомствъ, нѣкоторые военные, женатые Нѣмцы, не попавшіе въ высшій кругъ, составленный по большей части изъ Молдаванъ и Грековъ, пожелали участвовать въ удовольствіяхъ сей жизни. Но то ли было дѣло когда слѣдующею зимой наѣхало нѣсколько вновь опредѣленныхъ чиновниковъ, съ хорошимъ состояніемъ, — люди, которые умѣли дать себѣ вѣсъ и любили принимать и угощать у себя преимущественно земляковъ своихъ! Тогда-то рѣшительно составилось особое русское общество, status in statu, которое могло смѣяться надъ боярскою спѣсью. Я же не могъ налюбоваться глядя на сей, какъ мнѣ казалось, открытый мною новый міръ. Союзъ даетъ силу; ее возчувствовали члены безпрестанно умножающагося общества и стали дѣйствовать смѣлѣе. Какъ должны были удивиться Молдаване, когда встрѣтили упругость въ своихъ прежнихъ кліентахъ.

Когда я говорю о Молдаванахъ и спѣси ихъ, то дѣло идетъ объ однихъ только боярахъ. Поступившихъ въ россійское подданство было немного; но послѣ разрѣшенія имѣть владѣнія по обѣимъ сторонамъ Прута, многіе изъ нихъ пріобрѣли имущества въ Бессарабіи и спаслись въ нее изъ Бухареста и Яссъ во время турецкаго гоненія. Они почитали себя главами народа, крѣпко стояли за свою народность и возбуждали мелочь противъ тѣхъ, кои смѣли касаться ея. Впрочемъ, ихъ не очень любили тѣ изъ соотечественниковъ ихъ, на коихъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, называя ихъ своими прежними слугами-чокоями и трубко-подавателями, и которые, купивъ имѣнія и получивъ мѣста, сдѣлались у насъ дворянами и слѣдственно равными имъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ, братья Стамати, братья Замфираки, сами пристали къ русской партіи: ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе. Съ возвращеніемъ во-свояси запрутскихъ бояръ,

долженъ былъ совершенно измѣниться молдавскій духъ въ Бессарабіи.

Все бы это было очень хорошо, но я чувствовалъ тоску неодолимую, и оттого мучилъ графа просительными письмами объ увольненіи меня отъ должности. Онъ не согласился, а изъ Крыма прислалъ мнѣ опять приказаніе пріѣхать въ Одессу по дѣламъ службы. Я и тому обрадовался, и 15 сентября, почти ровно черезъ годъ послѣ перваго пріѣзда моего въ Кишиневъ, оставилъ его.

Передъ этимъ стояли несносные жары, я одѣтъ былъ легко, а въ самую минуту выѣзда моего пошелъ мелкій и частый дождь. При внезапной перемѣнѣ температуры, я всегда подверженъ былъ простудамъ: тутъ почувствовалъ я лихорадку, такъ что долженъ былъ остановиться ночевать въ Бендерахъ у полицеймейстера Бароцци, весьма добраго человѣка. На другой день я оправился, и за Днѣстромъ встрѣтило меня опять благотворное солнце. Къ вечеру я пріѣхалъ въ обычный мнѣ отель де-Рено.

Еще графъ не воротился изъ Крыма.

Около мѣсяца дожидались мы возвращенія нашего генералъ-губернатора. Онъ зажился посреди прелестей природы на южномъ Крымскомъ берегу и, вѣроятно, вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности захворалъ неотвязчивою крымскою лихорадкой. Дотолѣ я не зналъ человѣка здоровѣе его онъ достигнулъ настоящаго зрѣлаго возраста и былъ самаго крѣпкаго сложенія: съ этихъ поръ болѣзни нерѣдко стали посѣщать его. Онъ воротился изнеможенный, блѣдный, худой, занимался дѣлами, но мало кому показывался.

Въ первыхъ числахъ ноября пріѣхалъ изъ Кишинева сперва губернаторъ, а вслѣдъ за нимъ и товарищъ мой, г. Арсеньевъ: сей послѣдній со словеснымъ объясненіемъ вице-губернатора Петрулина, который писать уже не былъ въ состояніи по совершенному изнеможенію силъ. Пока онѣ не совсѣмъ еще оставляли его, онъ напрягалъ ихъ и истощалъ для занятій по службѣ: тутъ вдругъ онъ принужденъ былъ сдать дѣла, ото всего отказаться и просить объ увольненіи. Подобнаго примѣра дѣятельности и самоотверженія въ исполненіи обязанностей сыскать почти невозможно.

Въ Михайловъ день, 8 ноября, дабы праздновать именины мужа, графиня сдѣлала великолѣпный балъ, украшенный присутствіемъ двухъ андреевскихъ кавалеровъ, Кочубея и Лан-

жерона. Не безъ труда на этотъ балъ она могла вытащить графа, все еще страждущаго, въ мундирномъ сюртукѣ и безъ эполетовъ. Онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что имѣетъ кой-что переговорить со мною, но что тутъ не мѣсто, и для того приглашаетъ меня къ себѣ на другой день по утру. Лексъ, обыкновенно столь скромный, изъ особой пріязни проговорился мнѣ, что вѣроятно мнѣ будетъ сдѣлано предложеніе занять мѣсто Петрулина, объ ожидаемой кончинѣ котораго, послѣдовавшей 6 числа передъ вечеромъ, получено извѣстіе. Меня это чрезвычайно смутило: какъ было отказываться, но какъ было и согласиться ѣхать опять въ этотъ ужасный, какъ бы неизбѣжный для меня Кишиневъ.

Однакоже не совсѣмъ безъ боя уступилъ я требованіямъ графа. Два слова убѣдили меня: первое то, что въ настоящую минуту моимъ согласіемъ будетъ онъ выведенъ изъ величайшаго затрудненія; второе то, что по случаю приближающагося срока для отдачи въ откупное содержаніе винной продажи по области, мнѣ одному онъ можетъ съ полною довѣренностію поручить сіе дѣло, и что для общей пользы, кажется, можно на нѣкоторое время пожертвовать непріятностями жизни. Онъ прибавилъ, какъ смѣшно будетъ смотрѣть на Молдаванъ, изумленныхъ моимъ новымъ появленіемъ съ умноженіемъ власти. Однимъ словомъ, онъ нападалъ и на добрыя, и на худыя стороны моего характера. Не знаю какое мнѣніе могъ имѣть онъ обо мнѣ, видя, что воля его всегда была для меня закономъ; онъ, можетъ-быть, видѣлъ въ этомъ слѣпое подобострастіе къ начальству. Какъ ошибался онъ! Моя безусловная покорность происходила отъ другаго чувства, — отъ преданности къ избранному сердцемъ моимъ, мужу знаменитому, готовому всѣмъ жертвовать для отечества, такому какимъ воображеніе мое тогда создало его.

Онъ хотѣлъ, чтобъ исключая Казначеева и Лекса, временное назначеніе меня въ должность вице-губернатора, по особому праву ему данному, оставалось пока втайнѣ даже для находившагося тутъ губернатора. Нужныя о томъ бумаги въ совѣтъ были написаны 9-го числа, а я, не сказавъ никому о томъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, 10-го числа оставилъ Одессу.

XIV.

Шестьдесятъ верстъ можно сдѣлать скоро, и 11-го числа, въ девять часовъ вечера, я пріѣхалъ въ любезный Кишиневъ. Я даже не въѣхалъ къ себѣ прямо на квартиру, а остановился въ небольшомъ нѣмецкомъ трактирѣ, противъ строенія, въ которомъ были засѣданія совѣта. Я тотчасъ послалъ просить къ себѣ полиціймейстера Радича, ему одному объявилъ свою тайну и просилъ, чтобъ о назначеніи и пріѣздѣ моемъ никто не зналъ въ городѣ.

На другой день, 12-го числа, въ день моего рожденія, я смотрѣлъ въ окно и видѣлъ какъ всѣ члены совѣта, одинъ за другимъ, пріѣзжали въ него. Когда всѣ были собраны, я надѣлъ мундиръ, и закутанный перешедъ улицу, внезапно явился посреди ихъ. Сіе появленіе Французъ могъ бы назвать coup de théatre. Изумленіе и досада изобразились на всѣхъ лицахъ; я объявилъ, что никогда не возвращусь, и они опять видятъ меня. Не садясь и не говоря ни слова, я подалъ пакетъ. Его распечатали, прочитали и велѣли написать журналъ о допущеніи меня къ должности. Курика не было: исправляя должность губернатора, онъ отправился въ Измаилъ; должность же свою сдалъ предсѣдателю гражданскаго суда, брадатому Молдавану Башоту, предобрѣйшему старику, который, несмотря ни на кого, одинъ протянулъ ко мнѣ свои объятія. Какъ я ни за что не воротился бы къ званію члена совѣта, то и возсѣлъ на вице-губернаторскомъ мѣстѣ.

Вскорѣ получено было изъ столицы самое печальное извѣстіе. Я провелъ бо́льшую часть жизни въ Петербургѣ и съ сокрушеннымъ сердцемъ узналъ о его потопленіи. Не знаю отчего, но тогда же сіе событіе показалось мнѣ предвѣстникомъ другихъ, еще несчастнѣйшихъ. Съ другой стороны, близость чумы, мрачное, холодное, осеннее время, — все располагало меня къ ипохондріи. Бывали минуты, въ которыя до того я чувствовалъ себя разстроеннымъ, что съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову заняться бездѣльемъ, дабы по возможности разогнать тоску, вокругъ

меня царствовавшую въ цѣломъ городѣ. Въ публичномъ саду, уже не по одному имени, для публичныхъ увеселеній выстроена была на улицу большая каменная галлерея или зала съ тремя или четырьмя комнатами вокругъ. Она находилась въ нѣкоторомъ запустѣніи, а мнѣ хотѣлось завести въ ней балы. Я отыскалъ нѣкоего Жозефа, Богъ вѣсть какъ попавшаго къ намъ: изъ бумагъ и аттестатовъ его я увидѣлъ, что онъ находился поваромъ и метрдотелемъ сперва у герцога Ангальтъ-Кетенъ-Плесскаго, а потомъ у принцессы Элизы Бачіоки, сестры Наполеона. Это исполнило меня къ нему благоговѣніемъ, и я предложилъ ему сдѣлаться содержателемъ сихъ баловъ съ условіемъ, что весь сборъ съ посѣтителей будетъ принадлежать ему, но за то отопленіе, освѣщеніе, и прочая и прочая, даже нѣкоторыя поправки въ залѣ, должны быть на его счетъ: онъ на все согласился охотно.

Русское общество, весьма умножившееся, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи, первое изъявило согласіе содѣйствовать его исполненію. Отъ генерала Желтухина, усердствовавшаго въ семъ дѣлѣ, я получилъ обѣщаніе не слишкомъ строго взыскивать съ молодыхъ офицеровъ за несоблюденіе формы на сихъ вечеринкахъ, и сіе обѣщаніе передалъ имъ. Съ его же соизволенія, полковникъ Остафьевъ даромъ далъ намъ свою полковую музыку. Наконецъ и съ молдавской стороны пришла неожиданная помощь.

Была одна добрая старушка, которая оставила Яссы единственно потому что у нея были тамъ сынъ съ предлинною бородой и внукъ съ изряднымъ усомъ, а ей все еще хотѣлось казаться молодою. Она получила нѣкоторое образованіе и какимъ-то непонятнымъ французскимъ языкомъ описала путешествіе свое по Италіи. Она была богата и имѣла большой вѣсъ между земляками. Не знаю какъ ей вздумалось свататься за меня: я, разумѣется, не позволилъ себѣ отказаться отъ ея руки, но просилъ только времени на размышленіе. Этимъ временемъ я пользовался, чтобы заставлять ее дѣлать что хочу. Я увѣрилъ ее, что на этихъ балахъ будетъ она царицей, а какъ царицѣ нуженъ дворъ, то и просилъ ее, чтобъ она склонила молодыхъ куконъ и куконицъ участвовать въ сихъ увеселеніяхъ: сіе было ей нетрудно, ибо имъ самимъ до смерти хотѣлось танцовать. Немногіе, однакоже, изъ бояръ согласились отпускать женъ и дочерей на сіи вечера; согласились

только тѣ, которые искали примиренія со мною и показывали видъ будто дѣлали сіе изъ угожденія. О молодыхъ Молдаванахъ и говорить нечего: имъ бы только поплясать. Во всѣхъ земляхъ, куда проникаетъ европейское просвѣщеніе, первымъ дѣломъ его бываютъ танцы, наряды и гастрономія.

Дѣло шло весьма успѣшно: въ первомъ собраніи было до полутораста человѣкъ, а въ продолженіе зимы число посѣтителей обоего пола доходило иногда до трехъ сотъ. Будучи озабоченъ дѣлами одной только казенной экспедиціи, у меня было довольно времени чтобы заниматься такими пустяками, какъ иные называли это. Однакоже, все какъ-то смотрѣло веселѣе, добрѣе, по русской пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна.“ Однажды я нашелъ веселящихся въ нѣкоторой тревогѣ; они почувствовали легкій ударъ землетрясенія, котораго на ѣздѣ, къ сожалѣнію моему, замѣтить я не могъ. Никогда не удалось мнѣ видѣть дѣйствіе сего феномена, нерѣдкаго въ Бессарабіи.

Вотъ какимъ грустнымъ и вмѣстѣ веселымъ образомъ оканчивался для меня 1824 годъ. За два дня до Рождества пожаловалъ ко мнѣ Курикъ. Онъ привезъ мнѣ копію съ высочайшаго указа, подписаннаго 1-го декабря объ утвержденіи меня въ званіи вице-губернатора. Болѣе десяти дней, частнымъ образомъ, я былъ увѣдомленъ о томъ, но въ сенатѣ исполненіе указовъ всегда встрѣчаетъ небольшую проволочку. Онъ предложилъ мнѣ, по краткости времени и по случаю закрытія присутственныхъ мѣстъ, собрать совѣтъ для приведенія меня къ присягѣ, и вслѣдъ затѣмъ, согласно постановленіямъ, передать мнѣ губернаторскую должность. На первое я согласился тотчасъ, а второе пропустилъ въ молчаніи. Онъ принялъ это за уклоненіе отъ исполненія этой обязанности, съ которою, казалось, ему жаль было разстаться. Оно дѣйствительно такъ было, но формально отказаться я не смѣлъ бы. Нѣсколько времени оно такъ длилось, пока отъ графа не получилъ онъ строгаго замѣчанія и предписанія сдать мнѣ бразды правленія, что̀ было исполнено уже 5-го января 1825 года. Часовое калифатство мое я долженъ перенести въ слѣдующую часть.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

BINDING SECT. FEB 24 1967

DK
188
.6
V6A3
1864a
t.2
ch.6

Vigel', Filipp Filippovich
Vospominaniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 10 13 02 008 6